8р 510141
1-553

Либрович, С.

Пушкин в портретах.

17/V 79 601
27/VIII-80 9107
31/III 82 2 527 а/з
5/VII 84 в-32
Пр. 2010
510141

ВР
1653

СИГИЗМУНДЪ ЛИБРОВИЧЪ.

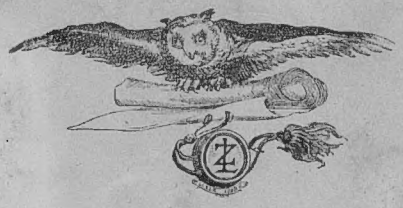
ПУШКИНЪ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

ПР.-48.

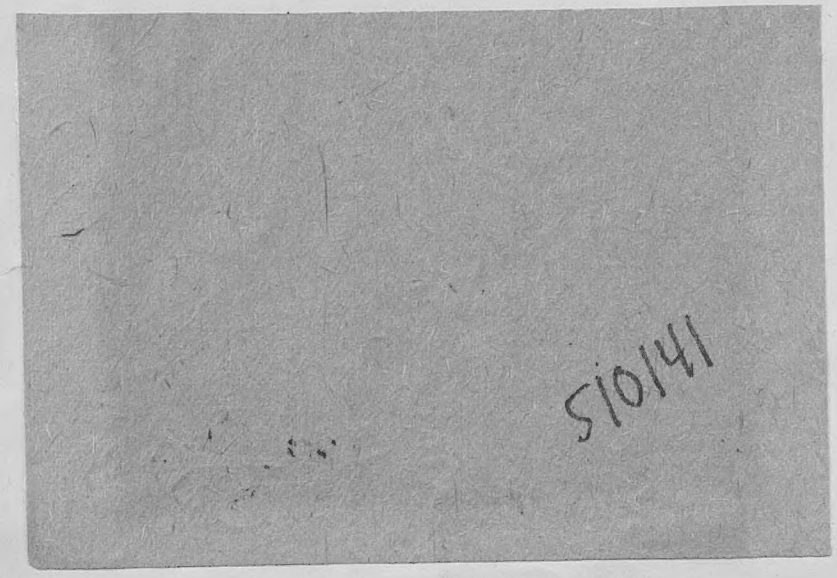
ИСТОРІЯ ИЗОБРАЖЕНІЙ ПОЭТА
ВЪ ЖИВОПИСИ, ГРАВЮРѢ И СКУЛЬПТУРѢ.

Съ 70 иллюстраціями, въ томъ числѣ: 30 снимковъ съ портретовъ поэта; 15 копій съ картинъ, гравюръ и рисунковъ, на которыхъ изображенъ Пушкинъ; 5 факсимиле собственноручныхъ набросковъ поэта; 13 видовъ памятниковъ и проектовъ памятника; 2 снимка съ Пушкинской медали и т. п.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1890.


510141

10000
№2
Уральская Областная Библиотека Фундаментальная
510141

СИГИЗМУНДЪ ЛИБРОВИЧЪ.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

Научная библиотека
Уральского
Государственного Университета
г. Свердловск

Ф 26944

ПУШКИНЪ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

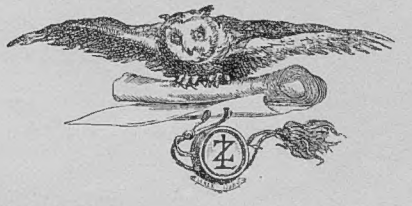
ИСТОРІЯ ИЗОБРАЖЕНІЙ ПОЭТА
ВЪ ЖИВОПИСИ, ГРАВЮРѢ И СКУЛЬПТУРѢ.

СИГИЗМУНДА ЛИБРОВИЧА.

510141

Съ 70 иллюстраціями, въ томъ числѣ: 30 снимковъ съ портретовъ поэта; 15 копій съ картинъ, гравюръ и рисунковъ, на которыхъ изображенъ Пушкинъ; 5 факсимиле собственноручныхъ набросковъ поэта; 13 видовъ памятниковъ и проектовъ памятника; 2 снимка съ Пушкинской медали и т. п.

Просмотрено 1936 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
—
1890.

Научная библиотека
Уральского
Государственного
университета
г. Свердловск

8р(084)-43
Л553
Пр. 1940

1639

Дозволено цензурою, Спб. 2 октября 1889 г.

Евдокіи Ѳеодоровнѣ Либровичъ

трудъ этотъ

посвящаю.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что трудъ мой не будетъ лишнимъ въ богатой литературѣ о Пушкинѣ и что онъ пополнитъ одинъ изъ пробѣловъ въ этой литературѣ,—приступилъ я къ изданію настоящей книги. Каждый, кто интересуется поэтомъ, его великими твореніями, невольно переноситъ часть этого интереса и на его личность, на его изображенія. Онъ помѣщаетъ портретъ поэта на видномъ мѣстѣ, невольно обращаетъ къ нему свои взоры, старается узнать—похожъ ли портретъ. Этотъ интересъ къ изображенію поэта оправдываетъ и цѣль и значеніе настоящей книги. Въ ней собраны свѣдѣнія о всѣхъ портретахъ Пушкина, начиная съ портретовъ масляными красками, снятыхъ при жизни поэта, гравюръ извѣстныхъ художниковъ, литографій, фотографій и пр., и кончая лубочными картинками съ изображеніемъ Пушкина, мраморными бюстами поэта и проч. Въ книгѣ дана исторія всѣхъ этихъ портретовъ, оцѣнка ихъ современниками и художественною критикою; наконецъ, въ ней имѣются копіи всѣхъ наиболѣе выдающихся портретовъ поэта, какъ гравированныхъ, такъ и писанныхъ масляными красками, исполненныхъ скульптурой и т. п.

Но этимъ не исчерпывается еще программа моей книги. Я включилъ въ нее также всѣ картины, изображающія сцены изъ жизни Пушкина. По моему мнѣнію, картины, на которыхъ изображенъ Пушкинъ, находятся въ тѣсной связи съ его портретами. Кромѣ того, я постарался дать возможно полную исторію несомнѣнно важнѣйшихъ скульптурныхъ изображеній Пушкина, т. е. тѣхъ четырехъ публичныхъ памятниковъ поэту, которые сооружены по настоящее время. Наконецъ, книга моя обнимаетъ еще свѣдѣнія объ изображеніяхъ поэта, послужившихъ рекламою или, просто, игрушкою.

Такимъ образомъ, «Пушкинъ въ портретахъ» задуманъ шире, нежели тѣ немногія, существующія до сихъ поръ заграницей, подобныя сочиненія о портретахъ Шекспира, Гете, Мольера, какъ равно и печатающійся въ настоящее время трудъ о портретахъ великаго друга Пушкина Мицкевича. Насколько удачно съумѣлъ я выполнить задуманное—судить не мнѣ.

Сигизмундъ Либровичъ.

С.-Петербургъ, сентябрь 1889 г.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

Изслѣдованіе Сигизмунда Либровича.

I.

Внѣшность Пушкина. — Черты его лица въ дѣйствительности и на портретахъ. — Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, рисунокъ Чирикова или Брюллова. — Гравюра Гейтмана и копіи съ нея. — Пушкинъ-мальчикъ по описанію И. И. Пущина. — Стихотворный портретъ Пушкина и неточности въ этомъ портретѣ. — Курчавая голова Пушкина-мальчика и анекдотъ о ней, разсказанный Макаровымъ.

«Отличительная черта поэзіи Пушкина—изящная и умная простота, и эта именно простота должна проявляться въ самомъ изображеніи поэта».

Это сказано было И. С. Тургеневымъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда зашла рѣчь—въ какомъ видѣ слѣдовало бы представить Пушкина на проектировавшемся тогда первомъ «всероссійскомъ» памятникѣ поэту.

Всѣ-ли раздѣляютъ это мнѣніе? Несомнѣнно, нѣтъ. Объ этомъ можно судить уже по тому, что русская публика остается недовольною почти всѣми портретами поэта, сдѣланными при его жизни и признанными современниками вполнѣ схожими, находя, что на этихъ портретахъ Пушкинъ «совсѣмъ не похожъ на великаго поэта», и ищетъ другихъ портретовъ—та-

кихъ именно, на которыхъ било бы въ глаза отраженіе того внутренняго огня, того генія, который создалъ длинный рядъ блестящихъ, вдохновенныхъ поэтическихъ произведеній, какъ-то: «Полтаву», «Онѣгина», «Руслана и Людмилу» и много другихъ. Въ портретѣ Пушкина многимъ хотѣлось бы встрѣтить то гордое, красивое лицо Байрона, то задумчивую, полную глубокой мысли, голову Мицкевича, то философски-спокойныя, но выразительныя черты Гете.

Этому желанію публики (конечно, части публики) въ послѣднее время стараются по мѣрѣ возможности удовлетворить нѣкоторые художники, воспроизводя портретъ Пушкина въ новомъ родѣ: съ задумчивымъ видомъ, гордымъ взглядомъ, направленнымъ вдаль, и проч. Не смотря на то, что такая, искусственно присвоенная поэту внѣшность, такой напускной эффектъ является не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, все-же нельзя сказать, чтобъ и такіе портреты совсѣмъ не имѣли сходства съ первоначальными, снятыми при жизни и признанными вѣрными изображеніями поэта. Это отчасти можно объяснить слѣдующими характерными словами Николая Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г.: «Физіономія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней понятіе. Дѣйствительно, геній пламенный, оживляющійся при каждомъ новомъ впечатлѣніи, долженъ измѣнять выраженіе лица своего, которое составляетъ душу лица. Не оттого-ли замѣчаютъ и такое несходство въ лучшихъ портретахъ Байрона, хотя всѣ они имѣютъ нѣчто общее, выражающее подлинникъ?»

Какъ бы ни было, фактъ—несомнѣнный, что новѣйшіе, до нѣкоторой степени поддѣльные портреты Пушкина съ напускнымъ эффектомъ «отпечатка поэзіи и генія въ чертахъ лица», пользуются въ массѣ наибо[illegible]мъ успѣхомъ,—и такіе именно портреты все чаще и чаще можно встрѣтить въ [illegible]ахъ и

альбомахъ поклонниковъ поэта и во многихъ популярныхъ изданіяхъ его сочиненій. Конечно, знатоки и люди, понимающіе, что достоинство портрета—не въ ложномъ эффектѣ, а въ подлинномъ сходствѣ, что геніальность Пушкина нужно искать лишь въ его сочиненіяхъ, а не въ портретахъ,—предпочитаютъ мнимо-«нехорошіе», но сходные портреты всѣмъ этимъ новѣйшимъ фабрикаціямъ эффекта. Но кто же не знаетъ, какъ мало вообще «знатоковъ»?...

Такимъ образомъ, вновь дѣланные портреты Пушкина все болѣе и болѣе отдаляются отъ правды, отъ дѣйствительности, все менѣе и менѣе вѣрно передаютъ дорогія черты величайшаго русскаго поэта.

Пушкинъ не былъ красивъ лицомъ; только черные, курчавые волосы и блестящіе, полные ума и огня, глаза его,—по словамъ современниковъ поэта,—были очень хороши. Но когда его лицо одушевлялось въ увлеченіи разговоромъ—онъ былъ прекрасенъ, и въ чертахъ его лица «отпечатывались черты его характера: благородство, живость, впечатлительность». Уловить эти именно черты лица и передать ихъ на полотнѣ или бумагѣ—было, конечно, чрезвычайно трудно; и потому, хотя въ числѣ художниковъ, писавшихъ портреты Пушкина съ натуры, при жизни поэта, находились лучшіе и извѣстнѣйшіе портретисты, какъ Кипренскій, Брюлловъ, Тропининъ, Верне, Мазеръ,—имъ не удалось вполнѣ передать эти характерныя черты лица поэта. Художникъ, схватывая одну какую-либо черту, упускалъ изъ вида другую; наоборотъ, другой художникъ, схватывая новую черту, не подмѣчалъ первой, вѣрно переданной его предшественникомъ.

И понятно. Пушкинъ не принадлежалъ ни къ «актерамъ жизни», которые въ состояніи кривляться и скрывать внутреннюю боль или радость, выставляя на видъ вмѣсто «зеркала души» лишь маску. Онъ не принадлежалъ также къ числу людей, лицо которыхъ можетъ оставаться спокойнымъ и несокрушимъ, какъ скала во время бури: на этомъ лицѣ отра-

жалось и непремѣнно должно было отражаться внутреннее «я» въ разные моменты жизни, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій. Человѣкъ, столько пережившій на своемъ вѣку и радостей и печалей, и чудныхъ дней и непріятностей,—поэтъ, такъ чутко относившійся ко всякимъ событіямъ, встрѣчамъ, слухамъ, такъ искренно принимавшій къ сердцу все окружающее,—не могъ, конечно, по простымъ уже физіологическимъ причинамъ, не мѣняться въ лицѣ, не могъ обладать неизмѣнчивыми чертами, словно застывшими (какъ это бываетъ у нетребовательныхъ, самодовольныхъ людей). Эти черты должны были болѣе или менѣе измѣняться подъ вліяніемъ не только времени, но и событій и чувствъ, переживаемыхъ поэтомъ, — эти черты должны были отражать въ себѣ разнообразіе волненій и чувствъ [1]).

Чтобы имѣть, если не въ дѣйствительности, то хоть въ воображеніи, приблизительно-вѣрный портретъ Пушкина со всѣми характерными особенностями «выразительнаго, но зыбкаго и измѣнчиваго», по выраженію Полевого, лица поэта— необходимо прослѣдить всѣ извѣстные намъ портреты Пушкина съ дѣтства и до самаго гроба.

Первый изъ извѣстныхъ портретовъ Пушкина изображаетъ поэта въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, т.-е. передъ вступленіемъ въ лицей или же въ первые годы пребыванія въ этомъ учебномъ заведеніи; второе—вѣроятнѣе. На этомъ портретѣ Пушкинъ-мальчикъ представленъ въ профиль, въ рубашкѣ съ открытой шеей à la Byron, съ черными, курчавыми волосами; голова подперта рукою, и глаза устремлены въ даль. Основныя, дѣтскія

---

[1]) И. Ѳ. Василевскій (Буква), въ своей бесѣдѣ о Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ, высказываетъ мнѣніе, что «пушкинское лицо было очень характерно и самобытно и что графически оно легко воспроизводилось, и вотъ почему (?) нельзя сказать ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго о портретахъ поэта. Есть болѣе схожіе портреты, есть менѣе схожіе, но трудно указать на что-либо совершенное и вполнѣ вашему представленію отвѣчающее». Притомъ, по мнѣнію г. Василевскаго, техника пушкинскаго времени сама по себѣ заставляла желать очень многаго. Она отличалась сухостью рисунка, тусклостью колорита и робостью кисти («Живоп. Обозрѣніе», 1880, № 21).

еще черты лица, изображенныя на этомъ портретѣ, повторяются довольно наглядно, конечно съ небольшими измѣненіями, во всѣхъ позднѣйшихъ портретахъ Пушкина, что̀ ясно доказы-

Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, гравюра Гейтмана.

ваетъ сходство этого перваго дошедшаго до насъ изображенія поэта.

Этотъ первый портретъ Пушкина сдѣлался извѣстнымъ

уже въ 1822 году, такъ какъ гравюра-копія его была приложена къ тогдашнему изданію «Кавказскаго плѣнника» съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Издатели присовокупляютъ портретъ автора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ». Портретъ былъ гравированъ извѣстнымъ въ двадцатыхъ годахъ граверомъ П. Е. Гейтманомъ, но кто рисовалъ подлинникъ его—остается до сихъ поръ вопросомъ спорнымъ.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ обратились по этому поводу за справками къ племяннику поэта, Н. И. Павлищеву, очень интересовавшемуся портретами Пушкина и тщательно ихъ собиравшему, онъ заявилъ, что портретъ этотъ сдѣланъ былъ учителемъ рисованія въ царскосельскомъ лицеѣ, С. Г. Чириковымъ. На Пушкинской выставкѣ, устроенной въ Москвѣ въ 1880 году Обществомъ любителей россійской словесности, при открытіи памятника поэту, находился тотъ-же портретъ, сдѣланный карандашемъ и принадлежавшій П. Е. Басистову, утверждавшему, что это—оригиналъ изображенія, приложеннаго къ «Кавказскому плѣннику», т.-е. оригиналъ перваго, по времени, извѣстнаго портрета Пушкина. Это мнѣніе (покойнаго нынѣ) Басистова и было занесено А. А. Венкштерномъ въ «Альбомъ» означенной выставки, изданный Обществомъ любителей древней письменности. Кромѣ Н. И. Павлищева, заявившаго, что этотъ первый портретъ Пушкина сдѣланъ былъ С. Г. Чириковымъ, и родственники Чирикова утверждали, что послѣдній, дѣйствительно, разсказывалъ о какомъ-то портретѣ, снятомъ имъ съ лицеиста Пушкина, «въ которомъ роль играла рука».

Съ этими показаніями находится, однакожь, въ совершенномъ противорѣчіи несомнѣнно заслуживающая довѣрія замѣтка въ «Художественной Газетѣ» Кукольника 1837 г., № 9—10. Въ замѣткѣ сказано, что «сей портретъ нарисованъ наизусть, безъ натуры, К. Б., и обличаетъ руку художника,

въ нѣжной молодости уже обратившаго на себя вниманіе всѣхъ тоговременныхъ любителей». Подъ буквами «К. Б.» здѣсь разумѣлся знаменитый К. П. Брюлловъ, и вѣроятно на этомъ основаніи, на петербургской Пушкинской выставкѣ, устроенной въ 1880 году комитетомъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, гравюра съ упомянутаго портрета была названа «копіей съ оригинала К. П. Брюллова».

Брюлловъ или Чириковъ?—вопросъ остается открытымъ, и редакція образцоваго изданія сочиненій Пушкина, выпущеннаго въ 1887 г. Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, прилагая портретъ въ новой гравированной копіи, тоже не рѣшилась окончательно приписать подлинникъ тому или другому и оставила въ силѣ неразрѣшимое пока «или» [1]).

Въ изданіи сочиненій Пушкина 1855—1857 г.г., къ которому тоже былъ приложенъ гравированный портретъ Пушкина-мальчика съ того-же оригинала, сказано, что портретъ «рисованъ» П. Е. Гейтманомъ. Такимъ образомъ вышло, что портретъ имѣлъ трехъ авторовъ. Въ сущности же, послѣднее указаніе—простое недоразумѣніе: не рисованъ приложенный къ изданію портретъ, но лишь гравированъ по оригиналу карандашемъ другаго художника; подпись гравера ошибочно принята за подпись художника, рисовавшаго съ натуры. Что сдѣлалось съ подлинною доскою Гейтмана—неизвѣстно; она затерялась, и въ изданіи Исакова сочиненій Пушкина она появилась уже не въ подлинникѣ,—съ нея сдѣлана была новая гравюра Эйзенгардтомъ, но крайне неудачно. Въ 1879 г., по заказу М. Семевскаго, съ одного изъ экземпляровъ подлинной гравюры Гейтмана была сдѣлана г-мъ Скамони несомнѣнно наиболѣе вѣрная копія въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

---

[1]) А. Сомовъ, въ спискѣ произведеній Брюллова, приложенномъ къ его монографіи «О Брюлловѣ и его значеніи въ русскомъ искусствѣ», перечисляетъ нѣсколько гравюръ съ упомянутаго портрета, считая его, какъ видно, безусловно работою Брюллова.

Въ числѣ эпиграммъ Пушкина сохранились любопытныя четыре строки, озаглавленныя: «Надпись на мой портретъ», написанныя въ 1816 г., по адресу извѣстнаго книгопродавца-издателя Глазунова, въ которыхъ Пушкинъ, какъ видно, шутитъ надъ своею внѣшностью.

Строки эти относятся, вѣроятно, къ портрету 12—14 лѣтъ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

Гравюра Гейтмана была приложена къ «Кавказскому плѣннику» изданія 1822 г. помимо желанія Пушкина. Это видно изъ слѣдующихъ словъ письма Пушкина къ Гнѣдичу, принявшему на себя изданіе «Плѣнника»,—письма, помѣченнаго 13 мая 1822 г. въ Кишиневѣ: «Своего портрета у меня нѣтъ—да на кой чортъ имѣть его?» Слѣдуетъ полагать, что Гнѣдичъ, желая украсить изданіе портретомъ, но не получая отъ Пушкина современнаго портрета, рѣшился приложить гравюру съ извѣстнаго ему рисунка, снятаго въ дѣтскомъ возрастѣ поэта.

Въ публику проникалъ портретъ Пушкина 12—14 лѣтъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: въ 1822 г. при первомъ изданіи «Кавказскаго плѣнника»; въ 1837 г. при «Художественной Газетѣ» Кукольника, № 1 (причемъ въ примѣчаніи отъ редакціи сказано, что онъ прилагается «не какъ портретъ современный, а какъ воспоминаніе», къ чему побудилъ редакцію примѣченный повсемѣстно недостатокъ оттисковъ съ портрета Пушкина); въ 1861 г. въ «Художественномъ Листкѣ» Тимма (литографія); въ 1870 г. въ гравюрѣ Эйзенгардта при второмъ изданіи сочиненій Пушкина; въ 1875 г. въ перерисованной К. Брожемъ и гравированной на деревѣ И. Матюшинымъ копіи въ «Всемірной Иллюстраціи» съ курьезною подписью—«Пушкинъ 27 лѣтъ»; въ 1879.г. въ геліографическомъ снимкѣ художника Скамони, исполненномъ въ Экспе-

диціи заготовленія государственныхъ бумагъ, при «Русской Старинѣ»; въ 1880 году въ гравюрѣ на деревѣ Варшавской политипажни въ «Живописномъ Обозрѣніи»; въ томъ-же году въ гравюрѣ Кондена въ «Газетѣ Гатцука»; въ 1882 г. въ фотопической копіи въ «Альбомѣ Московской Пушкинской выставки»; въ 1884 г. въ гравюрѣ Паннемакера въ Парижѣ въ «Художественной Россіи»; въ 1887 г. въ цинкографической копіи въ «Задушевномъ Словѣ», въ геліогравюрѣ въ изданіи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ, въ гравюрѣ на деревѣ въ біографіи Пушкина, составленной А. И. Скабичевскимъ [1]), и въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ московскихъ изданій стихотвореній Пушкина. Во многихъ изъ этихъ послѣднихъ—портретъ не только воспроизведенъ неудачно, но измѣненъ просто до неузнаваемости. Копіистамъ видимо не нравились растрепанные волосы и небрежно отогнутый воротникъ рубашки, и они постарались все пригладить, примазать и причесать, лицу же поэта-мальчика придать больше красоты...—

Самъ Пушкинъ о портретѣ своемъ, приложенномъ къ «Кавказскому плѣннику», пишетъ къ Гнѣдичу изъ Кишинева 27 сентября 1822 г. слѣдующее: «Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ-ли; примѣчаніе издателей очень лестно,—не знаю, справедливо-ли».

Впрочемъ, судя по описанію наружности Пушкина, въ воспоминаніяхъ друга и товарища поэта, И. И. Пущина [2]),—Чириковскій или Брюлловскій портретъ былъ очень схожъ и изображаетъ Пушкина именно такимъ живымъ, курчавымъ, быстроглазымъ, какимъ описывалъ его Пущинъ и какимъ описывалъ себя самъ Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ француз-

---

[1]) Перечисляя, какъ здѣсь, такъ и при другихъ портретахъ, копіи, появлявшіяся въ періодическихъ изданіяхъ, я не упоминаю о тѣхъ копіяхъ, которыя помѣщены въ монографіи моей—«Исторія портретовъ Пушкина» («Новь», 1888 г., №№ 1—16, 20—26), такъ какъ всѣ онѣ повторены въ настоящей книгѣ.

[2]) Помѣщенныхъ въ «Атенеѣ», 1869 г., № 8.

скомъ стихотвореніи «Мой портретъ», написанномъ въ 1814 г., въ отвѣтъ на просьбу лицейскаго товарища, барона П. Ѳ. Гревеница, желавшаго имѣть портретъ молодаго тогда поэта, и напечатанномъ впервые въ «Маякѣ» 1840 г., ч. 3, съ переводомъ П. Корсакова.

Ma taille à celle des plus longs
N'est pas être egalée,
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.
. . . . . .
. . . . . .
Oui! tel qui le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.
Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,—
Ma foi—voilà Pouchkine [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ собственномъ портретѣ своемъ Пушкинъ допустилъ довольно крупную невѣрность: онъ утверждаетъ, что у него «cheveux blonds» (волосы бѣлокурые), между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ это подтверждается многими его товарищами, у поэта, даже въ молодости, никогда не было ни бѣлокурыхъ, ни свѣтло-русыхъ волосъ. Н. П. Павлищевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что, когда братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ, за-

[1]) Станъ мой съ высокимъ
Не можетъ быть въ уровень;
Я свѣжъ лицомъ; волосы мои бѣлокуры,
А голова курчавая.
. . . . . .
. . . . . .
Да! Такимъ, какъ Богъ создалъ меня,
Хочу всегда казаться.
Настоящій демонъ въ шалостяхъ,
Настоящая обезьяна по виду,
Я вѣтренникъ большой и даже черезчуръ,—
По чести таковъ—Пушкинъ.
(Подстрочный переводъ И. Корсакова).

мѣтилъ Пушкину эту несообразность въ стихотвореніи «Портретъ», то поэтъ отвѣтилъ ему, что употребилъ выраженіе «cheveux blonds» для риѳмы съ «plus longs». Такимъ образомъ, оговорки, которыми было снабжено стихотвореніе «Портретъ» во многихъ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, будто у поэта въ молодости были свѣтлорусые волосы, совершенно невѣрны.

Къ «курчавой головѣ» Пушкина, такъ ярко и наглядно представленной на первомъ его портретѣ, относится любопытный анекдотъ, разсказанный М. Н. Макаровымъ въ «Современникѣ» 1843 г., № 3. Какъ-то Дмитріевъ, этотъ поэтъ и министръ, глядя на курчавые волосы мальчика Пушкина, замѣтилъ Макарову:

— Посмотрите, вѣдь это настоящій арабчикъ!

Маленькій Пушкинъ разсмѣялся и проговорилъ весьма бойко:

— По крайней мѣрѣ, отличусь тѣмъ, и не буду рябчикъ.

Эта находчивость маленькаго поэта будетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что Дмитріевъ былъ нѣсколько рябоватъ.

II.

Пушкинъ передъ выходомъ изъ лицея.—Лажечниковъ о внѣшности Пушкина.—Портретъ Жюля Верне.—Крамской объ этомъ портретѣ.—Портретъ Пушкина, имъ самимъ рисованный въ Крыму, въ 1826 г.

Въ то время какъ портретъ Пушкина въ возрастѣ 12—14 лѣтъ сдѣлался весьма популярнымъ, второй по времени портретъ поэта оставался до послѣдняго времени совершенно неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, это, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ портретовъ. Онъ изображаетъ Пушкина передъ самымъ выходомъ изъ лицея, въ лицейской формѣ, съ высокимъ воротникомъ. На этомъ портретѣ Пушкинъ является красавцемъ, какимъ мы его не встрѣчаемъ ни на какомъ другомъ портретѣ. Лицо его дышетъ жизнью, въ глазахъ виденъ умъ, въ чертахъ лица—энергія, соединенная съ благородствомъ. Маленькія баки только еще начинаютъ выступать, а на головѣ курчавые волосы живописно обрамляютъ высокій, умный лобъ. Портретъ этотъ принадлежалъ бывшему директору лицея Е. А. Энгельгардту, послѣ же его смерти перешелъ къ товарищу и другу поэта, Ф. Ф. Матюшкину, и былъ подаренъ имъ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Куломзиной, урожденной Замятниной, у которой находится и въ настоящее время. Оригиналъ портрета значительно выцвѣлъ. Въ началѣ 1887 г. Н. И. Кон-

доянаки сдѣлалъ снимокъ съ подлиннаго портрета посредствомъ фотографіи и съ этого снимка, по порученію Императорскаго

Пушкинъ передъ выходомъ изъ лицея—портретъ, принадлежавшій Энгельгардту.

Александровскаго лицея, въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, сдѣлана автолитографія, приложенная къ

брошюрѣ лицея — «Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина», изданной въ 1887 г.

По времени, съ упомянутымъ портретомъ совпадаетъ коротенькое описаніе внѣшности Пушкина, сохранившееся у И. И. Лажечникова. Вотъ какъ описываетъ Пушкина Лажеч-

Пушкинъ на 21-мъ году жизни—портретъ Жюля Верне.

никовъ, познакомившійся съ Пушкинымъ въ первый разъ въ 1819 году: «молодой человѣкъ, худенькій, небольшаго роста, курчавый, съ *арабскимъ профилемъ*» [1]).

---

[1]) Сочиненія И. Лажечникова. Посмертное полное изданіе. Спб. 1883, т. VII, стр. 234—«Знакомство мое съ Пушкинымъ».

Третій, по времени исполненія, портретъ Пушкина изображаетъ поэта на 21-мъ году жизни, т.-е. черезъ четыре года по выходѣ изъ лицея. Какая громадная разница между Пушкинымъ на предъидущемъ портретѣ и на этомъ! Тутъ уже не

Портретъ Пушкина, имъ самимъ рисованный въ Крыму въ 1826 г.

юноша, а возмужалый человѣкъ, съ окончательно установившимися чертами лица. Портретъ этотъ рисованъ въ 1820 г. чернымъ карандашемъ и снабженъ, вмѣсто подписи, моногram-

мой «J. V.», которая, какъ полагаютъ, должна означать знаменитаго французскаго живописца Жюля Верне (Jules Vernet).

Пушкинъ подарилъ этотъ портретъ, сдѣланный по его собственному заказу, М. И. Осиповой, отъ которой онъ перешелъ затѣмъ въ собственность младшаго сына поэта, Г. А. Пушкина. Портретъ этотъ считается однимъ изъ лучшихъ, хотя онъ мало еще извѣстенъ сравнительно съ другими позднѣйшими портретами Пушкина. И. Н. Крамской, видѣвшій портретъ работы Верне на Пушкинской выставкѣ въ Москвѣ, пишетъ въ письмѣ къ М. П. Третьякову, что ему этотъ портретъ понравился, «но вообще портреты Пушкина—прибавляетъ онъ—никуда не годятся» [1]). Съ подлиннаго портрета Верне, С. Л. Левицкимъ были сняты въ 1880 году фотографическія копіи, въ 1885 же году фототипіей Штейна заготовлены снимки для изданія сочиненій Пушкина, предпринятаго Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

По времени происхожденія, портретъ Верне совпадаетъ довольно близко съ собственнымъ портретомъ Пушкина, сдѣланнымъ поэтомъ въ Крыму, въ видѣ наброска. Портретъ этотъ былъ подаренъ Пушкинымъ Прасковьѣ Петровнѣ Кротковой, урожденной Новосильцевой. Подлинный набросокъ этого портрета хранится въ московскомъ публичномъ музеѣ. Онъ сдѣланъ Пушкинымъ въ 1820 году, во время пребыванія въ Крыму, и представляетъ поэта сидящимъ у фонтана, подъ деревомъ, въ небрежной позѣ, съ шапкою въ одной рукѣ. Исполненъ онъ карандашемъ. Сходства съ другими портретами мало, но все-же, несмотря даже на то, что Пушкинъ былъ дилеттантомъ въ рисованіи, онъ съумѣлъ передать нѣкоторыя черты своего лица довольно мѣтко. Первый разъ въ печати появился этотъ портретъ Пушкина въ 1882 г. при IV-омъ томѣ «Сочиненій Пушкина», изданныхъ, подъ редакціей П. А. Ефре-

---

[1]) И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. Спб. 1888, стр. 429.

мова, Ѳ. И. Анскимъ, въ Москвѣ. Приложенный къ этому изданію снимокъ исполненъ въ литографіи Милюкова въ Москвѣ. Въ той-же литографіи сдѣланъ въ 1887 г. новый, тоже литографическій снимокъ этого портрета, еще болѣе удачный, нежели первый.

Научная библиотека
Ура[illegible]кого
Госуниверситета
г. Свердловск

III.

Портретъ работы Тропинина —Замѣтка о немъ Н. И. Полевого.—Разсказъ Берга о портретѣ Тропинина.—Подлогъ портрета Тропинина и исторія этого подлога, разсказанная М. Погодинымъ.—Неточности этого разсказа.—Брошюра М. А. Оболенскаго объ этомъ портретѣ.—Кольцо Пушкина на портретѣ Тропинина.—Копіи, фотографіи и гравюры съ портрета Тропинина.

Слѣдующій затѣмъ портретъ Пушкина исполненъ уже масляными красками и принадлежитъ кисти знаменитаго въ свое время художника, Василія Андреевича Тропинина. Портретъ этотъ исполненъ въ 1827 году и представляетъ Пушкина въ его домашнемъ халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ мистическимъ перстнемъ-талисманомъ на большомъ пальцѣ правой руки [1]). Портретъ этотъ былъ заказанъ Соболевскимъ, кото-

---

[1]) Въ статьѣ моей «Портреты Пушкина» (помѣщенной въ «Новостяхъ», 1887 г., № 29, и подписанной иниціалами «С. Л.»), я мимоходомъ объяснилъ, что этотъ перстень-талисманъ Пушкинъ, умирая, подарилъ Данзасу, о чемъ упоминаетъ также Аммосовъ въ «Послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ А. С. Пушкина» и Венкштернъ въ «Альбомѣ Московской Пушкинской выставки». Строки эти вызвали цѣлый рядъ писемъ и статей («Новое Время», 1887 года, №№ 3956—3959, 4009, 4010, 4014 и 4015: два письма Ольги Смирновой, корректурная поправка къ первому письму; письма Б. А. Данзаса, Василія Пассека и Л. съ примѣчаніемъ редакціи и объясненіемъ Я. К. Грота: «Конецъ похожденій перстня Пушкина», В. П. Гаевскаго; письмо Я. К. Грота о надписи на перстнѣ, переведенной Д. А Хвольсономъ, и корректурная поправка къ этому письму; далѣе—«Новости», 1887 г., №№ 114—116: письма И. Гальперина-Каменскаго, В. Н. Герарда и извлеченіе изъ письма Л. съ повтореніемъ объясненія Я. К. Грота. Статьи эти закончились прекраснымъ изслѣдованіемъ В. Га-

рому хотѣлось имѣть изображеніе поэта такимъ, «какъ онъ есть, какъ онъ бывалъ чаще, не приглаженнымъ и припомаженнымъ». Тропининъ, одинъ изъ лучшихъ портретистовъ Москвы того времени, согласился писать портретъ, но съ тѣмъ, чтобъ Пушкинъ ходилъ къ нему на квартиру. Портретъ поэтому писался на квартирѣ у Тропинина, въ Москвѣ, въ домѣ Писарева, на улицѣ Лѣнивкѣ, близъ Каменнаго моста, гдѣ снимались у него многіе москвичи и куда Пушкинъ ежедневно ходилъ. Портретъ — поясной. Большой воротъ рубахи, гордо поднятая голова, направленная немного въ правую отъ зрителя сторону, и вся вообще поза — показываютъ, что Тропининъ имѣлъ въ виду создать портретъ поэта, въ отношеніи позы и т. п., похожій на популярные въ то время портреты Байрона. Кромѣ того, особенное вниманіе было удѣлено художникомъ мистическому перстню-«талисману», который Пушкинъ носилъ на правой рукѣ и которому посвятилъ извѣстное свое стихотвореніе. На портретѣ Тропинина правая рука, на большомъ и указательномъ пальцахъ которой надѣты два перстня («талисманъ» и перстень съ бирюзою, подаренный Пушкину), лежитъ на столикѣ съ бумагами.

Въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. появилась слѣдующая, упомянутая уже мною, замѣтка Н. И. Полевого, подъ заглавіемъ «О портретѣ А. С. Пушкина»: «Русскій живописецъ Тропининъ недавно окончилъ портретъ Пушкина. Пушкинъ изображенъ en trois quarts, въ халатѣ, сидящій подлѣ столика. Сходство портрета съ подлинникомъ поразительно, хотя намъ кажется, что художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живаго выраженія лица поэта. Впрочемъ, физіономія Пушкина—столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное

евскаго: «Перстень Пушкина», помѣщеннымъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1888, февраль). Это изслѣдованіе окончательно рѣшило любопытный вопросъ о загадочномъ перстнѣ.

понятіе». Замѣтка оканчивается похвалою Тропинину, котораго «должно причислить къ числу тѣхъ артистовъ, которые дѣлаютъ честь отечеству своими необыкновенными талантами».

О портретѣ Тропинина Н. В. Бергъ записалъ со словъ С. А. Соболевскаго слѣдующій любопытный фактъ, помѣщенный въ разсказахъ Соболевскаго въ «Русскомъ Архивѣ», 1871 г., № 1. Когда портретъ былъ конченъ, заказчикъ Соболевскій находился заграницей. Тропининъ велѣлъ, поэтому, уложить портретъ и отправить его по адресу, къ Соболевскому. Укупоркою занялся одинъ бѣдный живописецъ Смирновъ, надъ которымъ Соболевскій позволялъ себѣ нѣсколько разъ неосторожно подтрунивать. Изъ мести или другихъ какихъ причинъ, Смирновъ сыгралъ надъ Соболевскимъ такую шутку: скопировавъ портретъ довольно недурно и спрятавъ оригиналъ, онъ уложилъ копію — и она полетѣла отыскивать хозяина, который, получивъ портретъ, не вдругъ узналъ о подлогѣ. Вѣрно только то, что эта копія не брошена и очутилась опять въ Москвѣ, гдѣ впослѣдствіи пріобрѣтена была за ничтожную цѣну однимъ собирателемъ картинъ. А подлинникъ лежалъ у Смирнова, подвергаясь разнымъ приключеніямъ во время скитанія хозяина по недорогимъ квартирамъ. Ничего не знали о немъ до пятидесятыхъ годовъ. Вдругъ Смирновъ умеръ, и его имущество продано съ аукціона. Портретъ Пушкина, съ разными другими картинами, попалъ къ извѣстному мѣнялѣ Волкову, имѣвшему тогда свой магазинъ на Волконкѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ начинается Лѣнивка, въ трехъ шагахъ отъ квартиры Тропинина. Заходитъ въ магазинъ князь М. А. О—ій (Оболенскій) и видитъ портретъ.

— Что это: никакъ Пушкинъ?

Волковъ разсказалъ всю исторію.

— Да чѣмъ-же вы докажете, что это именно Тропининъ писалъ съ самого Пушкина?—спросилъ князь.

— Это подтвердитъ, безъ сомнѣнія, самъ Тропининъ, живущій отсюда въ двухъ шагахъ,—отвѣтилъ Волковъ.

Пошли къ Тропинину.

Встрѣча художника съ его произведеніемъ черезъ столько лѣтъ—была трогательна.

Пушкинъ въ 1827 году—портретъ кисти Тропинина.

— Судите, что́ взглянуло на меня этими глазами, чѣмъ пахнуло на меня изъ ветхихъ рамъ!...—говорилъ потомъ Тро-

пининъ:—какія минуты я провелъ, разсматривая черты, мною-же самимъ когда то-положенныя!

Князь просилъ поправить портретъ, если можно. Честный художникъ отвѣтилъ на это:

— Нѣтъ! На это рука не подымется! Это будетъ святотатствомъ. Это писано здѣсь съ самого Пушкина... Я могу только почистить.

Такъ и сдѣлали. Портретъ пріобрѣтенъ княземъ за сто съ чѣмъ-то рублей.

Упомянутая копія съ Тропининскаго портрета Пушкина была подарена Соболевскому Елагинымъ,—прибавляетъ Н. В. Бергъ въ «Русскомъ Архивѣ», — и покойный Соболевскій многократно выражалъ желаніе, чтобы по его смерти этотъ портретъ былъ возвращенъ въ дружескій ему домъ Елагиныхъ.

Любопытная исторія подлога портрета Пушкина, написаннаго Тропининымъ, передается М. Погодинымъ [1]) немного иначе, чѣмъ Бергомъ. «С. А. Соболевскій, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ Пушкину,—пишетъ Погодинъ,—заказалъ на память его портретъ Тропинину въ тридцатыхъ годахъ, и написанный портретъ долго красовался у него въ великолѣпной золоченой рамѣ. Отъѣзжая заграницу, Соболевскій оставилъ портретъ, вмѣстѣ съ библіотекой, одному общему нашему пріятелю, имѣвшему собственный домъ. Этотъ пріятель, оставляя свой домъ, передалъ библіотеку и портретъ другому, также общему нашему пріятелю. У котораго-то изъ нихъ, перваго или втораго, крѣпостной живописецъ (я помню его — звали его Александромъ) выпросилъ портретъ для снятія копіи и возвратилъ не портретъ, а копію. Пріятелю, тому или другому, не пришлось взглянуть на возвращенный портретъ, и онъ оставался у нихъ не на глазахъ. С. А. Соболевскій воротился черезъ пять лѣтъ изъ заграницы. Плутня объяснилась вскорѣ.

---

[1]) Газета Погодина «Русскій» 1868 г., № 116.

Копію онъ бросилъ, а подлинникъ очутился у князя М. А. Оболенскаго, который купилъ его у извѣстнаго Бардина».

Точность переданной Погодинымъ исторіи портрета оспариваетъ, однакожь, въ его же газетѣ [1]) нѣкто Н. Ш. Вотъ какъ разсказывается послѣднимъ исторія портрета: «С. А. Соболевскій, отправляясь заграницу, просилъ Пушкина сняться у Тропинина и портретъ переслать ему—кажется, въ Мадридъ. Задача художникомъ выполнена художественно. Дѣло стояло за отправкой, а покойный Тропининъ былъ куда тяжелъ для исправленія коммиссій. Ему, по его собственному признанію, легче было написать нѣсколько портретовъ, чѣмъ одно письмо. А тутъ еще отправка, да заграницу! Къ счастію, зашелъ къ нему одинъ художникъ (Смирновъ или Смирновскій?), взглянулъ на портретъ, полюбовался и предложилъ избавить Тропинина отъ хлопотъ, взялся отправить посылку по назначенію, —что и исполнилъ. Только отправленъ былъ не оригиналъ, а копія, которая чуть-ли не въ Нью-Іоркѣ побывала. Впослѣдствіи обманъ открылся. Подлинникъ очутился у Гаврилы Григорьевича Волкова, гдѣ и купленъ кн. М. А. Оболенскимъ. Подлинность его засвидѣтельствована В. А. Тропининымъ, жившимъ въ ту пору около Каменнаго моста». Авторъ этой замѣтки, Н. Ш., между прочимъ, сообщаетъ еще слѣдующую любопытную подробность: «Тропининъ, словно предчувствуя судьбу портрета, неестественно передалъ золото на знаменитомъ кольцѣ Пушкина. Этой-то подписи или анаграммы художника и не замѣтилъ копировщикъ».

Замѣтка Погодина объ исторіи портрета Пушкина вызвала еще одно опроверженіе, которому Погодинъ хотя и далъ мѣсто на столбцахъ своей газеты [2]), но называетъ «совершенно ложнымъ». По словамъ замѣтки, подписанной «Между нами», Пушкинъ самъ заказалъ портретъ Тропинину тайкомъ и под-

---

[1]) «Русскій», 1868 г., № 119.
[2]) Тамъ-же.

несъ его, въ видѣ сюрприза, съ разными фарсами, С. А. Соболевскому. Стоилъ этотъ портретъ Пушкину 350 руб. Соболевскій же, уѣзжая заграницу въ 1828 г., увезъ съ собою уменьшенную копію, сдѣланную «нарочито на сей предметъ А. П. Е.».

Князь Оболенскій издалъ отдѣльную брошюру о портретѣ Тропинина, которая теперь принадлежитъ къ числу большихъ библіографическихъ рѣдкостей.

Въ настоящее время подлинный портретъ Тропинина принадлежитъ княгинѣ А. М. Хилковой, въ Москвѣ (Старая Конюшенная, собств. домъ). Грудной эскизъ портрета, приблизительно въ четверть натуральной величины, сдѣланный Тропининымъ, находится въ Москвѣ, въ картинной галлереѣ П. М. Третьякова; но на эскизѣ, представляющемъ этюдъ головы, нѣтъ ни перстней, ни рукъ. На московской Пушкинской выставкѣ находилась, кромѣ того, копія съ портрета, принадлежащая г. Муханову. Въ 1860 г. съ Тропининскаго портрета снята была фотографія двухъ разныхъ величинъ и продавалась вмѣстѣ съ листкомъ текста, въ которомъ сообщались нѣкоторыя данныя о произведеніи Тропинина,—большаго размѣра по 3 р. и малой величины по 1 р. [1]). Другая фотографія, малаго размѣра, сдѣлана Эйхенвальдомъ и находится въ лицеѣ. М. А. Оболенскій тоже издалъ въ 1862 г. фотографическія копіи съ этого-же портрета. Фототипія съ Тропининскаго портрета помѣщена въ «Альбомѣ Пушкинской выставки въ Москвѣ». Съ портрета сдѣланъ также цѣлый рядъ гравюръ на деревѣ, въ томъ числѣ Сѣряковымъ, Нейманомъ (для нѣмецкаго журнала «Gartenlaube»), Д. Рыжовымъ («Газета Гатцука» 1880 г., № 23).

[1]) «Русскій худож. Листокъ», 1861 г., № 31.

IV.

Портретъ кисти Кипренскаго.—Разсказъ объ этомъ портретѣ Булгарина.—Достоинства портрета.—Мнѣніе Кукольника.—Копіи съ портрета.—Гравюра Уткина.—Рисунокъ Уткина въ собраніи Ровинскаго.—Мнѣнія объ Уткинскомъ портретѣ отца поэта, Кукольника, Ефремова и др.—Лондонская гравюра съ портрета Кипренскаго.

Въ 1827 году, т.-е. въ томъ-же году, когда Тропининъ написалъ портретъ Пушкина, другой знаменитый портретистъ того времени, О. А. Кипренскій, — «любимецъ Грацій», какъ называлъ его Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1827 г.,—тоже написалъ портретъ поэта, и этому портрету выпало сдѣлаться самымъ популярнымъ изъ всѣхъ изображеній Пушкина. Портретъ этотъ поясной и представляетъ поэта въ плащѣ, накинутомъ на плечо. Голова обращена въ лѣвую сторону; руки скрещены на груди; въ сторонѣ представлена статуя Музы поэзіи, съ лирою въ рукахъ. Выраженіе лица — спокойное, задумчиво-вдохновенное. Портретъ этотъ былъ написанъ по заказу барона Дельвига и впервые былъ выставленъ, въ числѣ другихъ работъ Кипренскаго, въ 1827 году, на выставкѣ въ академіи художествъ. Булгаринъ, въ отчетѣ объ этой выставкѣ [1]) писалъ: «Благодаримъ художника отъ имени всей

[1]) «Сѣверная Пчела», 1827 г., № 110.

образованной публики за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнныя для потомства черты любимца Музъ. Не распространяясь въ исчисленіи красотъ сего произведенія г. Кипренскаго, мы скажемъ только, что это — живой Пушкинъ».

По разсказу того-же Булгарина, послѣ отъѣзда А. С. Пушкина изъ Петербурга, друзья поэта совѣтовали Кипренскому украсить картину изображеніемъ генія поэзіи.

— Довольны-ли вы портретомъ? — спросилъ художникъ.

— Довольны.

— Итакъ, я исполнилъ уже ваше желаніе и изобразилъ генія!—промолвилъ художникъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ выше указано, на портретѣ Пушкина все-таки поставлена фигура, изображающая генія поэзіи. Значитъ, Кипренскій воспользовался совѣтомъ «друзей поэта» и исполнилъ ихъ желаніе, отвѣчавшее модѣ того времени ко всякаго рода аллегоріямъ, изображеніямъ древнихъ Музъ и т. п.

Послѣ смерти Дельвига, Пушкинъ купилъ портретъ у его жены, на что, между прочимъ, указываетъ письмо его къ П. А. Плетневу, отъ 31 января 1831 г., въ которомъ поэтъ поручаетъ «отдать Софіи Михайловнѣ (Дельвигъ) остальные 4,000 руб.». Съ портретомъ Кипренскаго Пушкинъ не разставался уже до самой смерти. Какъ видно изъ описаній послѣднихъ минутъ жизни Пушкина, портретъ висѣлъ на видномъ мѣстѣ въ квартирѣ Пушкина, въ домѣ князя Волконскаго, на Мойкѣ, гдѣ скончался поэтъ. Послѣ смерти Пушкина портретъ Кипренскаго хранился у вдовы поэта, а затѣмъ перешелъ къ старшему сыну его.

Съ подлиннаго портрета существуетъ также современная Пушкину копія масляными красками, писанная, кажется, самимъ Кипренскимъ. Она хранилась въ семействѣ Павлищевыхъ. У князя П. П. Вяземскаго имѣется, кромѣ того, подражаніе портрету Кипренскаго, исполненное масляными красками, съ подписью. «О кр. 1827». Это подражаніе принадлежало

Г. Арбеньеву, пріобрѣтено же[с] Вяземскимъ отъ Н. П. Барсукова.

Портретъ Пушкина, кисти Кипренскаго.

Портретъ работы Кипренскаго считается наиболѣе вѣрнымъ изображеніемъ Пушкина. Это мнѣніе, столь распространенное, раздѣляется, однакожь, далеко не всѣми. Знавшіе поэта

лично—утверждаютъ, что въ этомъ портретѣ много польщено. Нѣтъ того характернаго отпечатка африканской породы, той смуглости и опредѣленности въ выпуклостяхъ широкаго лба, которымъ отличался поэтъ. Даже теперь, въ позднѣйшихъ потомкахъ и Пушкина, и Ганнибаловъ, чувствуется больше расы, чѣмъ въ этомъ изображеніи. Художникъ именно старался скрыть тѣ негритянскія черты, противъ которыхъ, какъ кажется, ничего не имѣлъ Пушкинъ, очень хорошо знавшій свой «арапскій профиль». Кукольникъ [1]) замѣчаетъ еще, что «положеніе поэта не довольно хорошо придумано; оборотъ тѣла и глазъ несвойственъ Пушкину; драпировка умышленна; пушкинской простоты не видно». Но зато работа Кипренскаго наиболѣе приближается къ тому идеальному изображенію поэта, каковаго,—какъ указано раньше,—ищутъ обыкновенно поклонники поэта.

Въ непосредственныхъ, вѣрныхъ копіяхъ съ подлинника портретъ кисти Кипренскаго былъ до послѣдняго времени мало извѣстенъ. Его знаютъ, по большей части, лишь по гравюрѣ знаменитаго Уткина и по копіямъ съ этой гравюры. Уткинская гравюра, однако, несмотря на всѣ ея достоинства, не вполнѣ передаетъ именно тотъ поэтическій духъ, которымъ отличается самая работа Кипренскаго. Впрочемъ, въ послѣднее время, помимо копій съ гравюры Уткина, явились и непосредственныя копіи съ оригинала. Такъ, въ 1875 г. проф. Ге написалъ копію съ портрета Кипренскаго масляными красками; въ томъ-же году петербургскій фотографъ Каррикъ снялъ фотографію съ подлиннаго портрета Кипренскаго, въ большомъ форматѣ; въ 1882 г. художникомъ Пановымъ сдѣлана по подлинному портрету фотогравюра для изданнаго Обществомъ любителей россійской письменности «Альбома»; прекрасная такая-же копія приложена къ изданію избранныхъ сочиненій Пушкина, выпущенному Е. Н. Тихомировою въ

[1]) «Художественная Газета», 1837 г., № 9 и 10.

Москвѣ. Но все-же самый портретъ, писанный Кипренскимъ, гораздо больше извѣстенъ по гравюрѣ Уткина, за которымъ остается, такъ сказать, заслуга популяризаціи и распространенія этого портрета. Гравированныя копіи Уткина разошлись въ многочисленныхъ оттискахъ, и съ этихъ оттисковъ были сдѣланы новыя гравюры, съ разными небольшими варіантами,

Портретъ Пушкина, гравированный Уткинымъ, по оригиналу Кипренскаго, для „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ 1828 г.

на мѣди, стали, деревѣ, въ видѣ литографіи, хромолитографіи и т. п.

Н. И. Уткинъ, профессоръ гравированія и лучшій русскій граверъ начала XIX вѣка, гравировалъ портретъ Пушкина вслѣдъ за окончаніемъ Кипренскимъ подлинника и тоже по заказу Дельвига. Оригинальная гравюра имѣетъ размѣры небольшіе: 3.4½ дюйма вышины и 2.10½ д. ширины. Подъ ней находится надпись: «Пис. О. Кипренской 1827. Грав. Н. Уткинъ». Гравировка

отличается замѣчательно мелкимъ, чистымъ, отчетливымъ и блестящимъ штрихомъ. Пробные,неоконченные отпечатки этой гравюры, такъ называемые avant la lettre, хранятся, какъ сообщаетъ Д. Ровинскій [1]), въ петербургскомъ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ эрмитажной книгѣ Уткина № V, и въ академіи художествъ; на нихъ лицо означено въ однихъ контурахъ. Вторые затѣмъ отпечатки, вполнѣ законченные, тиснуты на китайской и простой бумагѣ въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ; третьи, такіе-же, приложены къ альманаху «Сѣверные Цвѣты» на 1828 годъ; четвертые, съ подписью внизу «второе тисненіе», приложены ко второму изданію «Руслана и Людмилы» (Спб., 1828 г.); пятые — съ «пройденной» доски (очень черные)—приложены къ альманаху «Подснѣжникъ» на 1829 г., и на нихъ стерты слова «2-е тисненіе».

Въ собраніи Д. А. Ровинскаго находится оригинальный рисунокъ, сдѣланный свинцовымъ карандашемъ для этого гравированнаго портрета самимъ Уткинымъ.

Слава Уткинской гравюры распространилась очень рано. Еще не успѣлъ выйти въ свѣтъ альманахъ «Сѣверные Цвѣты» на 1828 г., для котораго Уткинъ гравировалъ портретъ, какъ почитатели Пушкина стали просить Дельвига, издателя альманаха, дать имъ возможность пріобрѣсти гравюру; многіе-же, независимо отъ альманаха, желали имѣть эту-же гравюру въ лучшемъ оттискѣ. За два дня до выхода «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» (они вышли въ четвергъ, 22 декабря 1827 г.) въ «Сѣверной Пчелѣ» появилась слѣдующая замѣтка: «Издатели узнали отъ Н. И. Уткина, что нѣкоторымъ любителямъ поэзіи Пушкина и отличныхъ произведеній гравированія желательно имѣть первые отпечатки портрета Пушкина. Въ угодность симъ любителямъ, они рѣшились отпечатать весьма небольшое число таковыхъ оттисковъ (avant la lettre) на китайской шелковой бумагѣ, въ большомъ форматѣ. Оттиски сіи можно по-

[1]) Ровинскій. «Н. И. Уткинъ и его произведенія». Спб. 1884.

лучать въ квартирѣ барона А. А. Дельвига, на Владимірской, въ домѣ Кувшинникова. Цѣна за каждый листъ 25 рублей» [1]).

Если отзывы о сходствѣ портрета, писаннаго Кипренскимъ, далеко не единогласны, то это относится также и, даже еще больше, къ гравюрѣ Уткина. Правда, сохранилось нѣсколько весьма цѣнныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что гравюра эта признавалась чрезвычайно сходною. Такъ, отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ считалъ портретъ, писанный Кипренскимъ и гравированный Уткинымъ,—какъ видно изъ его «Записокъ на такъ называемую біографію А. С. Пушкина» [2]),— лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ своего сына. Кукольникъ [3]) назвалъ Уткинскій портретъ «наиболѣе схожимъ изо всѣхъ, донынѣ вышедшихъ», и сожалѣетъ, что оттиски его стали рѣдки. Многія лица, знавшія поэта, высказывали даже мнѣніе, что Уткинъ вѣрнѣе Кипренскаго передалъ выраженіе глазъ поэта [4]). П. А. Ефремовъ въ предисловіи къ сочиненіямъ Пушкина (изданіе Исакова 1880 г.) тоже утверждаетъ, что портретъ, гравированный Уткинымъ въ 1828 г., «считается лицейскими товарищами Пушкина и людьми близко его знавшими самымъ схожимъ изъ всѣхъ существующихъ изображеній нашего великаго поэта». Рядомъ съ такими мнѣніями встрѣчаются и другія, менѣе выгодныя для Уткинской гравюры. Такъ, напр., П. Миллеръ [5]), сравнивъ упомянутую гравюру съ работой Кипренскаго, утверждаетъ, что «въ гравюрѣ не оказывается ни сходства, ни экспрессіи, ни рельефности», которыя находятся въ фотографическихъ снимкахъ непосредственно съ подлиннаго портрета, принадлежащаго кисти Кипренскаго».

Оригинальная гравюра Уткина—теперь, понятно, рѣдкость. Съ нея сдѣлана, однакожь, какъ уже упомянуто, цѣлая масса

---

[1]) «Сѣверная Пчела» 1827 г., № 152, отъ 20 декабря.
[2]) Приложены къ «Отечественнымъ Запискамъ» 1841 г., № 4.
[3]) «Художественная Газета» 1837 г., № 9 и 10.
[4]) «Русскій художественный Листокъ», 1861 г., № 32.
[5]) «Московскія Вѣдомости», 1875 г., № 25.

гравированныхъ, литографированныхъ, фотографическихъ и др. копій. Большинство ихъ выпущено послѣ смерти поэта, и о нихъ будетъ упомянуто въ другомъ мѣстѣ.

При жизни Пушкина появились лишь три копіи съ работы Уткина: литографированная копія Сандомури и другая, неизвѣстнаго происхожденія (обѣ около 1828—1829) и, въ

Портретъ Пушкина, гравиров. въ Лондонѣ, для изданія «Сто русск. литераторовъ».

1835 г., Мошарскаго, на которой лицо Пушкина обращено въ другую сторону.

Кромѣ Уткинской гравюры, съ портрета работы Кипренскаго была, при жизни Пушкина, сдѣлана, въ 1835 г., въ Лондонѣ гравюра на стали, неизвѣстнымъ граверомъ, по заказу книгопродавца Смирдина, для предпринятаго имъ изданія «Сто русскихъ литераторовъ», гдѣ она и появилась въ первомъ томѣ

(вышедшемъ въ 1839 году). Англійскій граверъ видимо старался придать лицу Пушкина возможно нѣжныя черты, закруглить ихъ и пр. Отъ этого, конечно, пострадало сходство гравюры съ оригиналомъ Кипренскаго, и окончательно уже затерялись типичныя черты Пушкина.

Та-же лондонская гравюра приложена къ книгѣ «Чтеніе для юношества. А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія» (Спб. 1856 г.), при чемъ въ предисловіи сказано: «Къ изданію нашему приложенъ портретъ Пушкина. Это одинъ изъ двухъ лучшихъ, оставшихся послѣ Пушкина: онъ рисованъ съ натуры К. Брюлловымъ, гравированъ на стали въ Лондонѣ и первоначально былъ приложенъ къ «Ста русскимъ литераторамъ». Указаніе, однако, будто портретъ рисованъ Брюлловымъ, едва-ли вѣрно.

V.

Портретъ Дау. — Стихи Пушкина на этотъ портретъ.

Въ 1828 г. художникъ Дау, извѣстный портретистъ начала нынѣшняго вѣка, тотъ самый, который своимъ портретомъ Барклая де-Толли вдохновилъ Пушкина написать стихотвореніе «Полководецъ», нарисовалъ (вѣрнѣе—рисовалъ, такъ какъ неизвѣстно — окончилъ-ли онъ свою работу) портретъ Пушкина. Этотъ портретъ неизвѣстенъ, и единственное указаніе на то, что такой портретъ существовалъ, мы находимъ въ стихотвореніи Пушкина «To Dove Esq-r, написанномъ 9 мая 1828 г. на пароходѣ, когда Пушкинъ провожалъ до Кронштадта одного знакомаго, ѣхавшаго заграницу. Стихотвореніе это весьма характерно и интересно:

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофель
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

VI.

Пушкинъ и Онѣгинъ на берегу Невы, въ гравюрѣ Гейтмана. — Ровинскій объ этой гравюрѣ.—Письма Пушкина, касающіяся этого портрета.—Набросокъ Пушкина къ этой гравюрѣ. — Эпиграммы Пушкина на эту гравюру.

По времени происхожденія, за портретомъ кисти Кипренскаго слѣдуетъ любопытная гравюра, приложенная къ «Невскому Альманаху» 1829 года. На ней изображенъ Пушкинъ, стоящій съ Онѣгинымъ на берегу Невы. Пушкинъ стоитъ лицомъ къ зрителю, опершись спиною о каменную ограду набережной, со скрещенными на груди руками. Вдали видна Нева, на ней лодка и въ отдаленіи крѣпость. Лицо Пушкина передано довольно удачно. Подъ гравюрою подписано: «рис. А. Нотбекъ, грав. Е. Гейтманъ» и два стиха изъ Онѣгина —

Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ.

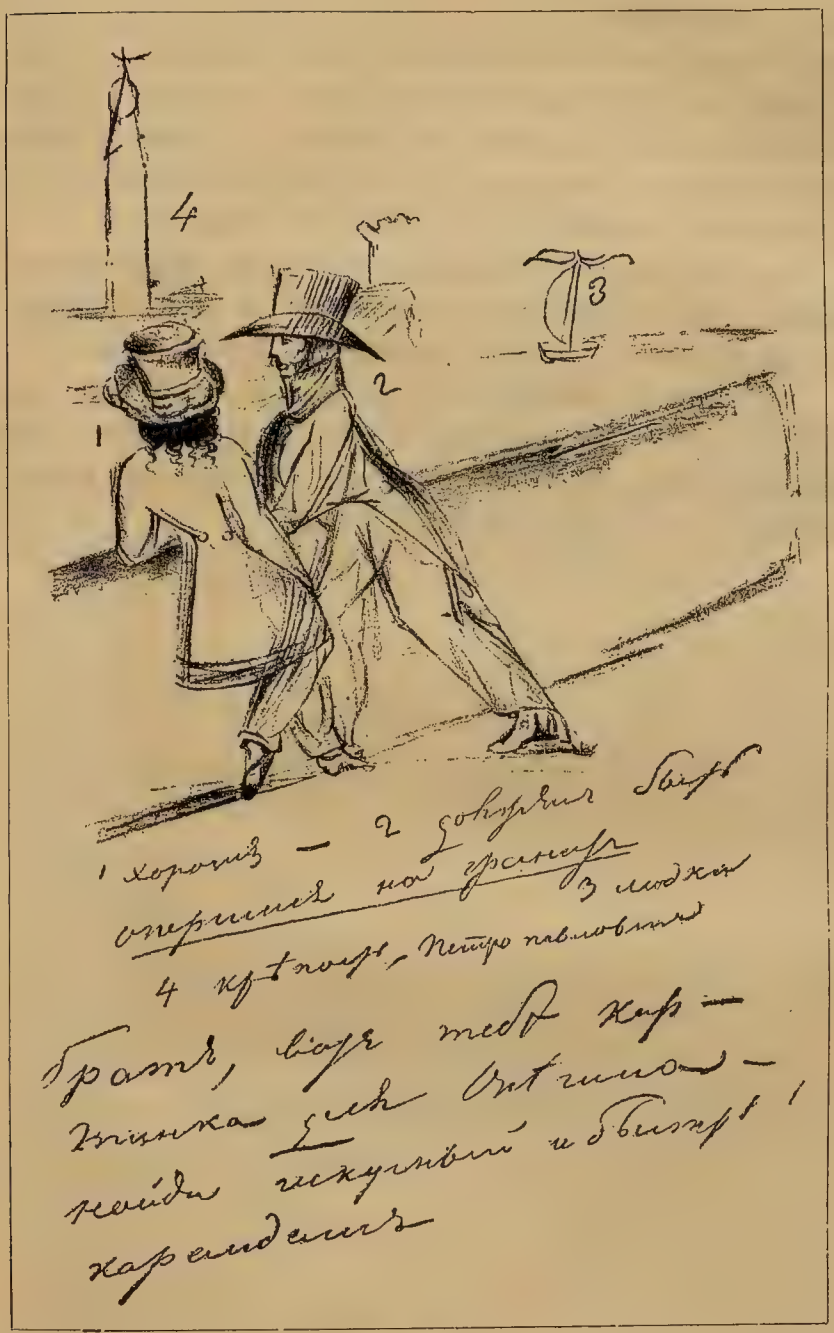
Ровинскій не совсѣмъ справедливо называетъ эту гравюру «очень плохой работой» [1]). Напротивъ, если принять во вниманіе крошечныя фигурки, въ особенности же крошечныя лица, и сходство, которое рисовальщику и граверу удалось передать

[1]) Ровинскій. «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб., 1872.

въ мелкомъ портретѣ Пушкина, то нельзя согласиться съ приговоромъ уважаемаго знатока-собирателя. Можетъ быть, въ руки Ровинскаго попалъ плохой оттискъ. Во всякомъ случаѣ, гравюра «Невскаго Альманаха» очень интересна и цѣнна, во-первыхъ, какъ одна изъ немногихъ портретныхъ гравюръ, сдѣланныхъ при жизни поэта; во-вторыхъ, потому, что она на-

Пушкинъ и Онѣгинъ на берегу Невы, гравюра Гейтмана по рисунку Нотбека.

вѣяна самимъ Пушкинымъ, сдѣлана даже по его наброску. Это ясно видно изъ письма Пушкина къ Л. С. Пушкину изъ Тригорскаго, въ началѣ ноября 1824 г. «Братъ, вотъ тебѣ картина для «Онѣгина», — пишетъ поэтъ, — найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобы все въ томъ-же мѣстоположеніи. Та-же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ



Набросокъ Пушкина къ рисунку къ «Евгенію Онѣгину», приложенному къ «Невскому Альманаху».

нужно непремѣнно.» На оборотѣ этого письма начерчены: крѣпость, лодка на Невѣ, набережная и, опершись на нее, двое мужчинъ; все помѣчено цифрами. Внизу написано: «1. Хорошо. 2. Долженъ быть опершися на гранитъ. 3. Лодка. 4. Крѣпость Петропавловская». По этому-то наброску Пушкина, Нотбекомъ сдѣланъ былъ рисунокъ для «Невскаго Альманаха».

Пушкинъ почему-то очень интересовался наброскомъ предложенной имъ картинки и во второмъ письмѣ къ брату еще разъ спрашиваетъ: «будетъ ли картинка у Онѣгина»?

Подлинный набросокъ Пушкина хранился, по словамъ Геннади, у С. А. Соболевскаго. Съ этого подлиннаго наброска былъ приложенъ литографированный снимокъ къ «Библіографическимъ Запискамъ» 1858 г.

VII.

Акварельный портретъ Соколова. — Копіи съ него. — Наружность Пушкина по описанію Бантышъ-Каменскаго. — Отецъ поэта о портретѣ Соколова.— Разсказъ фотографа Левицкаго объ этомъ портретѣ.

Въ 1830 г. писалъ портретъ Пушкина акварелью знаменитый художникъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, основатель акварельной живописи въ Россіи, Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ. Этотъ акварельный, очень мало извѣстный, портретъ находился на Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ въ 1880 г., и въ каталогѣ этой выставки значится, что онъ написанъ въ 1830 г. Между тѣмъ, въ замѣткѣ, помѣщенной по поводу этого портрета въ «Русской Старинѣ» (1884 г., т. XLI, стр. 664), упомянуто, что портретъ писанъ въ 1836 году. Первое указаніе, судя по большому сходству акварели съ портретами, писанными около 1830 года, кажется болѣе вѣроятнымъ.

По чьему порученію и для кого писалъ Соколовъ этотъ портретъ—неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что Соколовъ, написавъ этотъ портретъ съ Пушкина, отдалъ его поэту. Пушкинъ же подарилъ портретъ своему другу А. О. Россети, а тотъ, многіе годы спустя, отдалъ его въ даръ Помпею Николаевичу Батюшкову, просвѣщенному любителю литературы и искусства. Отъ Батюшкова портретъ перешелъ затѣмъ въ собственность кн. В. П. Мещерскаго.

Еще въ 1841 г. съ акварели Соколова сдѣлана была на камнѣ К. Шертлемъ копія, отпечатанная затѣмъ въ литографіи К. Поля. Копія эта была приложена къ «Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи» (Спб., 1841 г.). Въ 1884 г. петербургскій литографъ-художникъ Н. К. Брезе, по заказу М. И. Семевскаго, вновь воспроизвелъ этотъ портретъ въ хромолитографическомъ снимкѣ, съ оригинала, принадлежавшаго П. Н. Батюшкову, «сколь возможно тщательнѣе и точнѣе съ подлинникомъ», какъ говоритъ редакція «Русской Старины» [1]). Изданіе этой хромолитографированной копіи въ страницу «Русской Старины», въ количествѣ 6,000 экз., обошлось въ 450 р. Кромѣ этой копіи, съ акварели Соколова сдѣлана была еще гравюра для нѣмецкаго «Conversation-Lexicon». Наконецъ, С. Л. Левицкимъ снята съ нея-же увеличенная фотографія.

На акварели Соколова Пушкинъ представленъ сидящимъ въ креслѣ, со скрещенными на груди руками, какъ у Кипренскаго, но безъ плаща. Лицо направлено въ правую сторону; оно глубоко-задумчивое, какъ-бы даже грустное; на немъ уже нѣтъ этого отпечатка быстраго ума, какой виднѣется на портретахъ работы Кипренскаго и Тропинина; нѣтъ также той «улыбки насмѣшливой и вмѣстѣ пріятной», о которой говоритъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ знаменитыхъ Россіянъ» (изданіе 1847 г.), въ статьѣ о Пушкинѣ. Вотъ какова была наружность Пушкина по описанію Бантышъ-Каменскаго: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, средняго роста, худощавый, имѣлъ въ младенчествѣ бѣлокурые курчавые волосы, сдѣлавшіеся потомъ темнорусыми; глаза свѣтло-голубые; улыбку насмѣшливую и вмѣстѣ пріятную; носилъ на умномъ лицѣ отпечатокъ африканскаго своего происхожденія, которому соотвѣтствовали живость и пылкость характера, раздражительнаго, но добраго, услужливаго, чувствительнаго. Онъ въ осо-

[1]) «Русская Старина», 1881 г., т. XLI, стр. 664.

бенности отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголялъ. Любезность, острый умъ, необыкновенная память и заманчивый, веселый разсказъ—дѣлали его украшеніемъ, душою общества.»

Акварельный портретъ Пушкина, работы Соколова.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, упоминая въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1841 г., № 4) о портретѣ Соколова, говоритъ, что въ немъ «много отступленій отъ вѣрности и сходства».

Извѣстный петербургскій фотографъ Императорскаго двора,

г. Левицкій-отецъ, снимавшій съ акварельнаго портрета Соколова въ 1880 г. большую фотографическую копію, передавалъ мнѣ, что онъ считаетъ акварель Соколова наиболѣе похожимъ изъ всѣхъ портретовъ поэта. «Я зналъ Пушкина въ 1832 г. и лицо его запомнилъ хорошо,—разсказывалъ мнѣ г. Левицкій,—тѣмъ болѣе, что лицо у Пушкина было такое характерное, что оно невольно запечатлѣвалось въ памяти каждаго, кто его встрѣчалъ, особенно же въ тѣхъ, кто съ извѣстнымъ благоговѣніемъ относился къ поэту. Когда же мнѣ впервые показали акварель Соколова, я сразу сказалъ: «это единственный, настоящій Пушкинъ». Дѣлая копію портрета для кн. Мещерскаго, я хотѣлъ было сдѣлать такую-же и для себя, но князь поставилъ строгое условіе, чтобы сдѣлана была всего одна копія, которая должна была оставаться у князя, и потребовалъ уничтоженія негатива. Акварель Соколова,—прибавилъ Левицкій,—необыкновенно сочная, живая, и если бы позволено было снять съ нея теперь новую копію, то при громадныхъ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ въ фотографіи въ послѣднее время, можно было бы создать чудный фотографическій портретъ Пушкина».

Я привожу слова Левицкаго, сказанныя имъ въ декабрѣ 1887 г., почти съ буквальной точностью. Они заслуживаютъ вниманія, прежде всего, въ томъ отношеніи, что г. Левицкій, какъ фотографъ, можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ въ оцѣнкѣ сходства портрета. Слова знаменитаго фотографа, кромѣ того, разъясняютъ до нѣкоторой степени причину, почему иные портреты Пушкина остаются неизвѣстными для публики и почему копіи ихъ не находятся въ продажѣ...

VIII.

Пушкинъ на картинѣ Чернецова «Парадъ на Царицыномъ лугу».—Исторія этой картины.—Эскизъ, изображающій Крылова, Пушкина, Жуковскаго и Гнѣдича.—Копіи съ этого эскиза.

Происхожденіе слѣдующаго затѣмъ изображенія Пушкина, принадлежащаго кисти академика Г. Г. Чернецова 1-го (старшаго изъ двухъ братьевъ Чернецовыхъ, извѣстныхъ художниковъ николаевскихъ временъ), весьма любопытно и оригинально. Чернецовъ портретировалъ Пушкина по порученію императора Николая, одновременно съ Жуковскимъ, Крыловымъ и Гнѣдичемъ. Случилось это по слѣдующему, довольно оригинальному, поводу: Императоръ Николай Павловичъ заказалъ Чернецову картину парада и молебствія на Царицыномъ лугу, по случаю окончанія военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ. Заказъ былъ исполненъ и заслужилъ одобреніе государя, который, однако, вмѣстѣ съ похвалою, выразилъ сожалѣніе о томъ, что среди публики, смотрящей на парадъ, онъ не видитъ ни одной знакомой ему личности. Вѣроятно, при этомъ было указано на отсутствіе на картинѣ популярныхъ и знакомыхъ государю лицъ современныхъ поэтовъ. Чернецовъ взялъ картину обратно и обратился тогда къ Пушкину,

Жуковскому, Крылову и Гнѣдичу съ просьбою позволить набросать ихъ портреты для своей картины. Получивъ разрѣ-

Эскизъ Чернецова для картины «Парадъ», изображающій Крылова, Пушкина, Жуковскаго и Гнѣдича.

шеніе, художникъ написалъ сперва группу четырехъ писателей отдѣльно въ видѣ эскиза, и съ этого уже эскиза перенесъ

Литографія съ эскиза Чернецова, рисованная на камнѣ самимъ художникомъ.

всю группу на свою картину парада. Эскизъ, исполненный масляными красками (нѣкоторые называютъ его «картиной»), сохранился; онъ составляетъ собственность Н. Д. Быкова. Всѣ четыре писателя нарисованы Чернецовымъ въ ростъ. Пушкинъ стоитъ позади и изображенъ en face, съ руками въ карманахъ и со шляпою на головѣ, обращенный лицомъ къ Крылову.

Портретъ Пушкина съ картины Чернецова, по литографіи Тимма.

Съ подлиннаго эскиза Чернецова сдѣланы были три литографіи: одна изъ нихъ, въ контурахъ, рисованная самимъ Чернецовымъ, издана Прево; другая помѣщена въ «Русскомъ художественномъ Листкѣ» Тимма 1861 г.; наконецъ, третья, поддѣльная, сдѣлана въ литографіи Чишкова [illegible] году.

Въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ продавали, по словамъ Геннади [1]), на лоткахъ подъ воротами, любопытныя, размале-

[1]) «Москвитянинъ», 1854 г., №№ 1 и 2.

ванныя литографированныя копіи съ эскиза Чернецова: на нихъ Пушкинъ изображенъ въ лиловомъ фракѣ, красномъ жилетѣ и т. д.; даже воротнички его рубашки раскрашены. Это была поддѣлка литографіи Прево, отпечатанная у Чишкова, но раскрашенная отъ руки.

IX.

Пушкинъ на рисункахъ Брюллова и Сапожникова, украшающихъ облож Смирдинскаго «Новоселья».—Сенковскій о виньеткѣ Сапожникова.

Въ томъ-же 1832 году, когда писанъ эскизъ Чернецова, знаменитый К. П. Брюлловъ, по просьбѣ извѣстнаго книгопродавца Смирдина, нарисовалъ, для предпринятаго Смирдинымъ литературнаго сборника «Новоселье», группу писателей за трапезой на новосельѣ, по случаю перемѣщенія Смирдинскаго книжнаго магазина на Невскій проспектъ, и въ этой группѣ помѣщенъ довольно удачный, хотя и миніатюрный портретъ Пушкина. Гости-литераторы изображены за столомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ Крыловъ, съ правой его стороны Хвостовъ, а дальше Пушкинъ; съ другой стороны стоитъ съ бокаломъ Гречъ; за нимъ князь Шаховской и Булгаринъ. Сзади Крылова стоитъ самъ Смирдинъ, съ скромно опущенной головою, прислушивающійся къ «привѣтствію» Греча.

Рисунокъ Брюллова, гравированный Галактіоновымъ, служилъ заглавною виньеткою для сборника «Новоселье», въ составъ котораго вошли, какъ сказано въ предисловіи, «подаренныя Смирдину гостями-литераторами, изъ особой благосклонности, по предложенію В. А. Жуковскаго, произ-

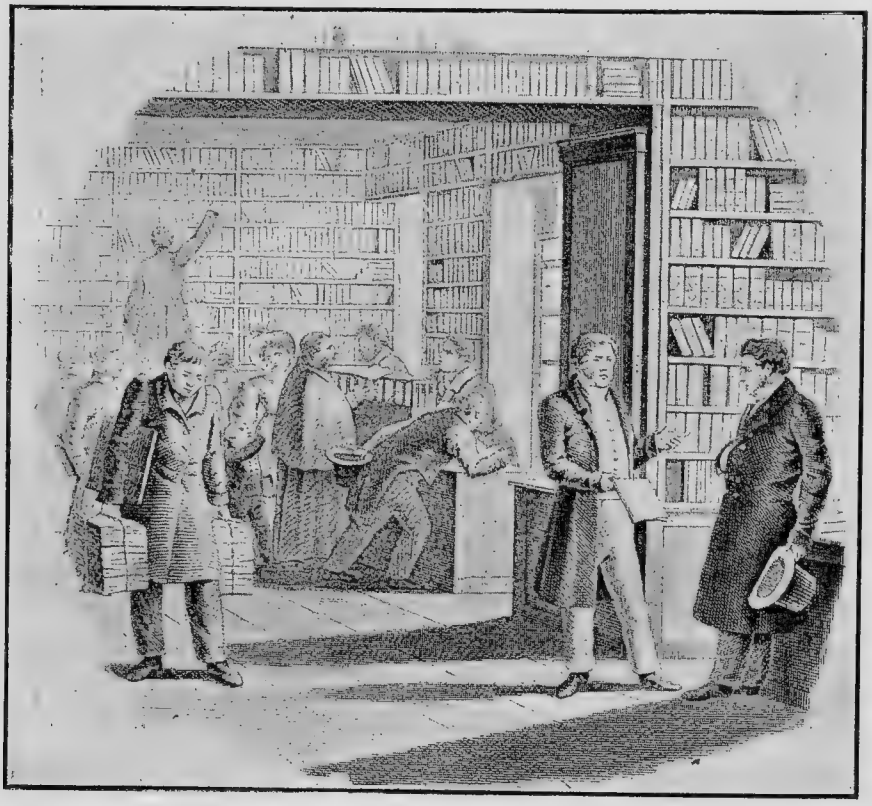
веденія». Во второмъ изданіи сборника, помѣченномъ 1845 годомъ, повторенъ заглавный листъ перваго изданія съ тою-же виньеткою и безъ измѣненія года. Вѣроятно, однакожь, это были новые отпечатки, тѣмъ болѣе, что они далеко не такъ ясны и отчетливы, какъ экземпляры 1833 года. Оригинальный рисунокъ тушью Брюллова для упомянутой виньетки сохранился и составляетъ собственность И. И. Вау-

«Новоселье у Смирдина», рисунокъ К. П. Брюллова, гравированный Галактіоновымъ.

лина. На этомъ подлинномъ рисункѣ съ боку находится надпись цензора: «Можно печатать. Сенковскій».

Въ концѣ предисловія къ «Новоселью» 1833 г. Смирдинъ говоритъ, что «присланныхъ (даромъ) статей достаточно было бы для составленія другой такой-же книги. Но отъ приговора просвѣщенной публики зависѣть будетъ, долженъ ли я (т.-е. Смирдинъ), въ память моего новоселья, сдѣлать подобное

изданіе и въ будущемъ году—или ограничиться настоящимъ?» Какъ видно, «приговоръ» былъ для Смирдина вполнѣ благопріятный, потому что онъ въ 1834 году выпустилъ вторую книгу «Новоселья» — снова съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ, съ виньеткой, рѣзанною тоже Галактіоновымъ, но уже не по рисунку Брюллова, а по рисунку малоизвѣст-



«Лавка Смирдина», рисунокъ Сапожникова, гравированный Галактіоновымъ.

наго Сапожникова. Виньетка изображаетъ книжную лавку Смирдина, въ которой стоятъ: съ правой стороны Пушкинъ, разговаривающій съ княземъ Вяземскимъ, далѣе—прикащикъ Ножевщиковъ, Смирдинъ, Сенковскій, прикащикъ Цвѣтковъ и нѣсколько человѣкъ публики.

Второй томъ «Новоселья» выдержалъ въ 1845 г. второе

изданіе, появившееся съ тою-же виньеткой Сапожникова, помѣченною годомъ первыхъ отпечатковъ — 1834-мъ. Баронъ Брамбеусъ (Сенковскій) въ вступительномъ разсказѣ «Чинъ-Чунъ или авторская слава», помѣщенномъ въ этомъ томѣ, пишетъ, что «почтенный хозяинъ «Новоселья» просилъ его, Сенковскаго, написать ему, для начала книги, повѣсть, въ которую входили бы словесность и любовь: словесность—по поводу виньетки, изображающей шкафы съ книгами, любовь — для занимательности повѣсти «Мнѣ страхъ нравится виньетка, — пишетъ Сенковскій: —какъ хорошо представляются книги, когда онѣ награвированы!...»—и переходитъ затѣмъ къ повѣсти, съ виньеткою ничего общаго, конечно, неимѣющей.

Что касается портрета Пушкина на этой виньеткѣ, то онъ очень мало похожъ, такъ что узнать въ фигурѣ, изображенной съ правой стороны, знаменитаго поэта—очень трудно.

X.

Портретъ кисти Брюллова.—Венкштернъ объ этомъ портретѣ. Къ какому времени относится этотъ портретъ?

К. П. Брюлловъ, независимо отъ виньетки для «Новоселья», написалъ также небольшой портретъ Пушкина масляными красками. Портретъ этотъ очень похожъ на портретъ работы Кипренскаго. Брюлловъ, также какъ и Кипренскій, изобразилъ Пушкина съ накинутымъ на плечо плащемъ, en face; но голова поэта обращена въ правую сторону, между тѣмъ какъ у Кипренскаго она обращена въ лѣвую.

Лицо Брюлловскаго Пушкина далеко не обладаетъ тою живостью выраженія глазъ и тѣмъ поэтическимъ «духомъ», которымъ отличается работа Кипренскаго, хотя въ общемъ черты у Брюллова похожи вполнѣ на черты лица у Кипренскаго, что̀ доказываетъ сходство съ натурою обоихъ портретовъ, если только портретъ Брюллова не составляетъ копіи съ портрета Кипренскаго. Это предположеніе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что трудно допустить, чтобы оба художника писали Пушкина въ одномъ и томъ-же костюмѣ, съ одной и тою-же подробностью накинутаго плаща.

Къ какому времени относится портретъ работы Брюл-

лова — неизвѣстно. А. А. Венкштернъ, — основываясь на томъ, что въ письмахъ Пушкина къ женѣ, писанныхъ въ маѣ 1836 г. изъ Москвы, встрѣчаются частыя упоминанія о Брюловѣ, доказывающія близкія ихъ отношенія, — полагаетъ, что портретъ Брюллова относится къ этому именно времени.

Портретъ Пушкина, писанный Брюлловымъ.

Довольно странно, что никакихъ болѣе точныхъ указаній относительно портрета Брюллова и времени его происхожденія не имѣется. Въ письмахъ Пушкина разъ только упомянуто о портретѣ, писанномъ Брюлловымъ, а именно въ письмѣ

къ П. В. Нащокину изъ Петербурга отъ 29 января, безъ обозначенія года. «Портретъ мой,—пишетъ Пушкинъ, – Брюлловъ напишетъ на дняхъ». На конвертѣ этого письма, по указанію П. О. Морозова [1]), находится штемпель: «29 января 1832 г.» Выходитъ, такимъ образомъ, что портретъ написанъ въ 1832 г. А. Сомовъ, біографъ Брюллова, въ своей монографіи «К. П. Брюлловъ и его значеніе въ русскомъ искусствѣ» [2]), не упоминаетъ даже совсѣмъ объ этомъ портретѣ и въ спискѣ всѣхъ работъ Брюллова, составляющемъ приложеніе къ этой монографіи, портретъ Пушкина не включенъ.

Портретъ Брюллова составляетъ нынѣ собственность О. Ѳ. Кошелевой.

---

[1]) «Сочиненія Пушкина», изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

[2]) «Пчела», т. II, 1876 г.

XI.

Пушкинъ на картинѣ «Субботнее собраніе у Жуковскаго» неизвѣстнаго художника.—Исторія этой картины.—Копіи съ нея.

Если вышеприведенныя соображенія о времени, къ которому относится портретъ работы Брюллова, вѣрны, то онъ почти совпадаетъ, по времени происхожденія, съ другимъ изображеніемъ поэта, составляющимъ часть группы литераторовъ въ одну изъ знаменитыхъ въ свое время «литературныхъ субботъ» у В. А. Жуковскаго, въ его квартирѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Собранія происходили въ заставленномъ книжными шкафами кабинетѣ Жуковскаго, и здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, въ тридцатыхъ годахъ, радушный хозяинъ и поэтъ принималъ у себя избранное общество, состоявшее изъ литераторовъ и другихъ извѣстныхъ лицъ. Здѣсь-то подавался, послѣ оживленныхъ разговоровъ, скромный ужинъ, на которомъ, по заказу Крылова, обыкновенно обязательно фигурировалъ поросенокъ подъ хрѣномъ, что составляло всегда предметъ веселыхъ шутокъ на этомъ ужинѣ. Обычными посѣтителями этихъ субботнихъ собраній были: Пушкинъ, Крыловъ, Перовскій, князь Одоевскій, гр. Віельгорскій, Гоголь, Плетневъ, М. И. Глинка, И. Н. Крив-

цовъ, А. Н. Карамзинъ, въ зиму же 1835—1836 г. пріѣхавшій въ то время въ Петербургъ Кольцовъ и многіе другіе.

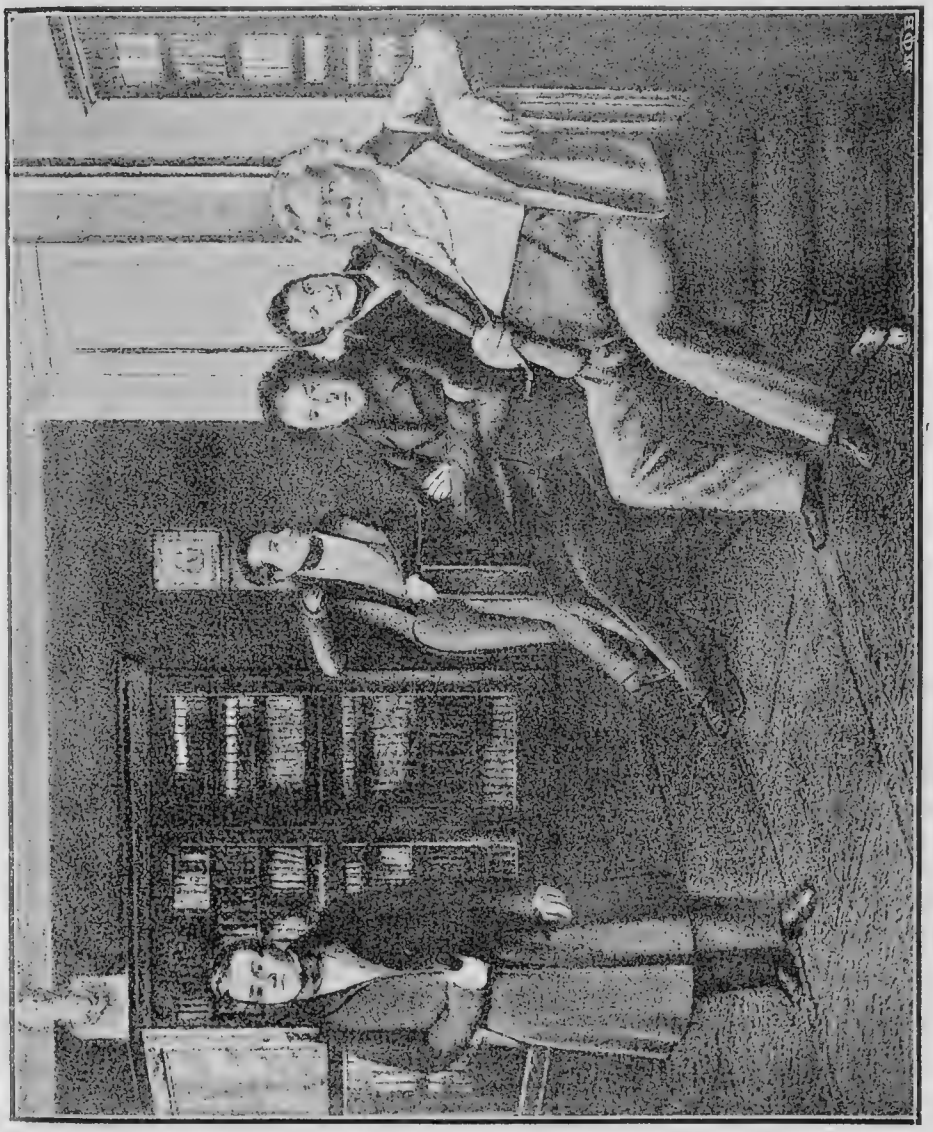
Памятникомъ этихъ вечеровъ и осталась картина масляными красками неизвѣстнаго художника—«Субботнее собраніе у Жуковскаго» или иначе—«Кабинетъ Жуковскаго». На картинѣ представлены всѣ вышеупомянутыя лица, въ ростъ, въ различныхъ позахъ, бесѣдующими между собою группами.

Пушкинъ сидитъ на диванѣ со скрещенными руками, задумчиво глядя на зрителя; рядомъ съ нимъ Крыловъ и князь Одоевскій. Гоголь стоитъ, опершись на спинку дивана у того мѣста, гдѣ сидитъ Пушкинъ. Подальше, съ лѣвой стороны, Кольцовъ. Эта именно группа передана на фотографическомъ снимкѣ съ картины, который потомъ, въ фотогравюрѣ Панова, былъ приложенъ къ «Альбому Пушкинской выставки въ Москвѣ». Но на подлинной картинѣ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, изображены еще слѣва, за столомъ, Жуковскій и Плетневъ, съ правой же (на другой сторонѣ дивана)—Перовскій, разговаривающій съ М. Ю. Віельгорскимъ, стоящимъ у камина, налѣво отъ котораго сидитъ Ф. Ф. Вигель и А. Н. Карамзинъ. Гравированный (впрочемъ, очень плохо) снимокъ съ цѣлой картины былъ помѣщенъ въ «Иллюстраціи» 1859 года, № 3, съ небольшою объяснительною замѣткою.

Хотя изображеніе Пушкина на этой картинѣ не отличается особеннымъ сходствомъ, но оно невольно привлекаетъ на себя наибольшее вниманіе зрителя, такъ какъ рѣзко выдѣляется и оригинальною позою, и задумчивымъ выраженіемъ лица, высокимъ, умнымъ лбомъ и пр.

Жуковскій, передъ отъѣздомъ своимъ заграницу, отдалъ эту картину князю Вяземскому, для того чтобы тотъ дополнилъ ее, поручивъ написать на ней себя, какъ друга Жуковскаго и постояннаго посѣтителя его субботъ. Но вскорѣ, однако, князь самъ долженъ былъ отправиться заграницу; картина осталась, такимъ образомъ, неоконченною, желаніе Жуковскаго неисполненнымъ.

Какъ уже упомянуто, кѣмъ писана эта картина — неизвѣстно. П. А. Вяземскій утверждалъ, что она писана однимъ



«Субботнее собраніе у Жуковскаго», картина неизвѣстнаго художника.

изъ братьевъ Чернецовыхъ, но это никакими данными не подкрѣпляется. Въ послѣднее время картина эта находилась у кн. П. П. Вяземскаго.

XII.

Портретъ кисти Мазера.—Особенности этого портрета.—«Арапскія черты лица».

Въ письмѣ къ женѣ, писанномъ изъ Москвы 1 мая 1836 г., Пушкинъ упоминаетъ, что въ первопрестольной хотѣли лѣпить его бюстъ. «Но я не хочу, — добавляетъ поэтъ: — тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности». У Кипренскаго, какъ указано уже раньше, эти «арапскія черты» скрадены, но онѣ переданы совершенно точно и отчетливо въ портретѣ кисти Тропинина. Существуетъ еще одинъ портретъ Пушкина, на которомъ переданы явственно эти-же черты, отчасти утраченныя на другихъ изображеніяхъ поэта. Портретъ, о которомъ идетъ рѣчь, — кисти Мазера. Также какъ у Тропинина, Пушкинъ изображенъ на портретѣ Мазера «неприглаженнымъ и неприпомаженнымъ», въ халатѣ, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки и открытой шеей; но Тропининъ написалъ поясной портретъ, Мазеръ же изобразилъ Пушкина во весь ростъ, полулежащимъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, у столика. Передъ поэтомъ, на диванѣ лежитъ тетрадь стихотвореній, на которую опирается лѣвая рука поэта, съ завѣтнымъ мистическимъ коль-

цомъ на большомъ пальцѣ; правая же рука свѣшивается съ ручки дивана. Поза Пушкина такая, что станъ находится на первомъ планѣ, ноги же, ушедшія въ противоположный уголъ

Портретъ Пушкина, кисти Мазера.

дивана, почти не замѣтны. Фономъ картины служитъ кучка разбросанныхъ книгъ на полкѣ.

Въ какомъ именно году писанъ этотъ портретъ — неиз-

вѣстно, но, судя по возмужалымъ чертамъ лица, по основному сходству лица съ изображеніемъ Пушкина на картинѣ Чернецова, слѣдуетъ полагать, что происхожденіе Мазеровскаго портрета относится къ послѣднимъ годамъ жизни Пушкина. Полныя губы и выдающіяся челюсти выступаютъ на Мазеровскомъ портретѣ явственно, хотя этотъ «прогнатизмъ челюстей» — одно изъ наглядныхъ наслѣдій петровскаго араба — выраженъ менѣе сильно, нежели у Тропинина, какъ это совершенно вѣрно указано въ статьѣ «О родословной Пушкина», помѣщенной въ «Русскомъ Курьерѣ» 1880 г.

Интересна также подробность на этомъ портретѣ Пушкина, которая не встрѣчается въ другихъ портретахъ: на немъ совершенно ясно видно, что Пушкинъ, независимо отъ бакъ, съ которыми онъ представленъ на другихъ портретахъ, носилъ еще соединяющую баки, ниже подбородка, выше адамова яблока, узкую полосу волосъ, въ томъ родѣ какъ носилъ бороду Мицкевичъ.

Волосы на головѣ Пушкина у Мазера тоже вьющіеся, курчавые, но въ нихъ нѣтъ уже той пышности и лохматости, какъ на портретахъ Кипренскаго, Тропинина и Верне.

Портретъ Мазера принадлежитъ теперь Сергѣю Александровичу Шилову въ Москвѣ (Пречистенка, собств. домъ).

XIII.

Портретъ, писанный, по предположенію, Линевымъ. — Любопытная исторія этого портрета. — Разсказъ Я. Г. Сѣверскаго о томъ, какъ попалъ портретъ въ Александровскій лицей. — Достоинства этого портрета.

Въ Императорскій Александровскій лицей въ Петербургѣ поступилъ въ маѣ 1887 г. еще одинъ портретъ Пушкина, относящійся, вѣроятно, къ послѣднимъ годамъ его жизни, писанный масляными красками. Этотъ портретъ, остававшійся до послѣдняго времени совершенно неизвѣстнымъ, весьма интересенъ въ томъ отношеніи, что на немъ Пушкинъ представленъ совершенно натурально, безъ всякихъ прикрасъ. Лицо, въ профиль, направлено въ лѣвую сторону отъ зрителя; на немъ явственно выступаютъ, какъ и у Тропинина, но менѣе рѣзко, и африканскія губы, и выдающіяся скулы, т.-е. характерныя черты лица Пушкина. Сквозь лохматые, курчавые волосы слегка просвѣчиваетъ лысина — подробность, незамѣтная ни на какомъ другомъ портретѣ поэта.

Блескъ живыхъ глазъ, умный, высокій лобъ въ легкихъ морщинахъ, задумчивое лицо — все это передано на портретѣ съ замѣчательною рельефностью, но безъ малѣйшихъ «прикрасъ», безъ какихъ бы то ни было поэтическихъ прибавленій,

Невольно является предположеніе, что это едва-ли не единственный портретъ Пушкина, внушающій полнѣйшее довѣріе сходства, полнѣйшее убѣжденіе, что такимъ именно былъ въ дѣйствительности Пушкинъ. Что касается самаго письма, то оно отличается силой, смѣлой лѣпкой, сочностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большою жизненностью. Жаль, что до сихъ поръ портретъ этотъ ни разу не былъ еще воспроизведенъ и для публики остается совершенно неизвѣстнымъ.

Исторія этого портрета и его «водворенія» въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ довольно любопытна [1]). Библіотекарь лицея, Я. Г. Сѣверскій, случайно, въ разговорѣ съ балетнымъ артистомъ Стуколкинымъ, узналъ, что въ семействѣ жены послѣдняго когда-то хранился портретъ Пушкина, перешедшій затѣмъ къ артисту Леонидову въ числѣ разныхъ другихъ вещей, въ видѣ прибавки къ приданому за женой—свояченицей Стуколкина. Какъ попалъ портретъ въ семейство послѣдней—неизвѣстно; извѣстно лишь то, что портретъ долженъ былъ, собственно, принадлежать женѣ Стуколкина. Самъ Леонидовъ видимо не придавалъ особеннаго значенія портрету; да въ томъ видѣ, въ какомъ портретъ находился у Леонидова, онъ и не могъ представлять особеннаго интереса. На загрязненномъ, запыленномъ и поблекшемъ отъ времени полотнѣ едва можно было различить черты лица, и на первый взглядъ можно было подумать, что это какая-нибудь плохая копія съ Кипренскаго. Портретъ былъ подписанъ буквами «И. Л.». Почтенный директоръ лицея, Н. Н. Гартманъ, заинтересовавшись портретомъ, пожелалъ видѣть его и просилъ Стуколкина доставить ему къ тому случай. Леонидовъ, узнавъ отъ своего родственника Стуколкина, что рѣчь идетъ о старомъ портретѣ, полученномъ имъ въ приданое, предложилъ его пожертвовать лицею, отказавшись отъ всякаго вознагражденія. Пожертвованіе было, конечно, принято

---

[1]) Исторія и описаніе Линевскаго портрета помѣщены мною впервые въ «Новостяхъ» 1888 г., 20 декабря, въ статьѣ «Еще одинъ портретъ Пушкина».

съ благодарностью. По порученію Н. Н. Гартмана, портретъ былъ тщательно реставрированъ, перенесенъ даже на другое полотно—и тутъ-то выступили, какъ живыя, черты лица поэта. Тогда только можно было вполнѣ оцѣнить, что портретъ—дѣйствительно замѣчательный. Навели справки—чьей кисти могъ принадлежать портретъ. По начальнымъ буквамъ «И. Л.» и по характеру живописи, петербургскій Эрмитажъ призналъ портретъ принадаежащимъ кисти И. Л. Линева. Въ какомъ году писанъ портретъ — неизвѣстно; но, по возмужалымъ чертамъ лица, болѣзненному, желчному выраженію, порѣдѣвшимъ волосамъ — нельзя не заключить, что портретъ относится къ послѣднимъ годамъ жизни поэта. Теперь этотъ портретъ, въ богатой рамѣ, красуется въ лицеѣ, на стѣнѣ такъ называемой «Пушкинской залы», составляя несомнѣнно одно изъ самыхъ цѣнныхъ ея украшеній.

XIV.

Гравированный на мѣди портретъ Райта.—Его отпечатки.—Подлинная доска.—Тургеневъ о наружности Пушкина.—Портретъ Фельтена съ гравюры Райта.—Рисунокъ Панова.

Послѣднимъ изъ сдѣланныхъ при жизни Пушкина портретовъ считается гравированный на мѣди портретъ Райта (Wright), рисованный съ натуры самимъ Райтомъ, однимъ изъ лучшихъ художниковъ-иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Впервые этотъ портретъ былъ приложенъ къ сочиненіямъ Пушкина, изданія Исакова 1859 г., но гравированъ значительно раньше, а именно въ послѣдній годъ жизни поэта.

Гравированный Райтомъ портретъ предназначался Пушкинымъ для предполагавшагося изданія его сочиненій, но за смертью поэта оставался неизданнымъ вплоть до 1859 г. Немногіе оттиски, сдѣланные немедленно по изготовленіи доски, на китайской бумагѣ, продавались въ 1837 году по 5 руб., но вскорѣ они составили чрезвычайную рѣдкость. Подлинная мѣдная доска, съ которой сдѣланы эти первые оттиски и затѣмъ, въ 1859 г., вторые, сохранилась; съ нея въ 1880 г. были сдѣланы отдѣльные оттиски, которые, по случаю празднества при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, продавались довольно бойко, по

1 р. 50 к. за экземпляръ, во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ. Въ 1882 г. были сдѣланы при академіи художествъ новые оттиски съ гравюры Райта, безъ всякихъ поправокъ гравюры, для 8-го изданія сочиненій Пушкина, предпринятаго Ѳ. И. Анскимъ въ Москвѣ. Въ предисловіи къ этому изданію П. А. Ефре-

Портретъ Пушкина, рисованный и гравированный Райтомъ въ 1837 г.

мовъ пишетъ, что «счастливый случай помогъ найти подлинную доску, превосходно сохранившуюся», не объясняя однакожъ—какой это «счастливый случай» [1]).

Лицо поэта на портретѣ Райта серьезнѣе, мужественнѣе, нежели у Кипренскаго и Тропинина. Выраженіе глазъ тоже

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. восьмое, т. I, стр. IV.

умное и задумчивое, какъ и на гравюрѣ Уткина, но съ оттѣнкомъ большей простоты и естественности. П. А. Ефремовъ передаетъ, что, по отзыву современниковъ, портретъ работы Райта «отличается полнѣйшимъ сходствомъ».

Сходство портрета Райта подтверждается, между прочимъ, коротенькимъ описаніемъ внѣшности Пушкина И. С. Тургеневымъ въ его статьѣ «Литературный вечеръ у П. А. Плетнева» [1]). Тургеневъ встрѣчался съ Пушкинымъ два раза и оба раза въ годъ смерти поэта, въ началѣ 1837 г. Первая встрѣча произошла въ передней П. А. Плетнева. «Войдя въ переднюю,—пишетъ Тургеневъ (въ то время онъ былъ еще третьекурснымъ студентомъ с.-петербургскаго университета, совершенно неизвѣстнымъ въ литературѣ),—я столкнулся съ человѣкомъ средняго роста, который, уже надѣвъ шинель и шляпу и прощаясь съ хозяиномъ, звучнымъ голосомъ воскликнулъ: «да! да! хороши наши министры, нечего сказать!»—засмѣялся и вышелъ. Я успѣлъ только разглядѣть его бѣлые зубы и быстрые, живые глаза». Что этотъ человѣкъ былъ Пушкинъ—Тургеневъ узналъ только потомъ. Вторая встрѣча произошла за нѣсколько дней до смерти Пушкина, на утреннемъ концертѣ въ залѣ Энгельгардта. «Онъ (Пушкинъ) стоялъ у двери, опираясь на косякъ, и, скрестивъ руки на широкой груди, съ недовольнымъ видомъ посматривалъ кругомъ. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканскія губы, оскалъ бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячія бакенбарды, темные, желчные глаза подъ высокимъ лбомъ, почти безъ бровей, и курчавые волосы... Онъ и на меня бросилъ бѣглый взоръ; безцеремонное вниманіе, съ которымъ я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатлѣніе непріятное: онъ словно съ досадой повелъ плечомъ — вообще онъ казался не въ духѣ — и отошелъ въ сторону». Всѣ типичныя черты лица, о которыхъ упоминаетъ

---

[1]) «Литературныя и житейскія воспоминанія», въ полномъ собраніи сочиненій И. С. Тургенева 1883 г., т. I, стр. 6.

Тургеневъ, вполнѣ отчетливо переданы на портретѣ Райта. Живость этой передачи и мѣткое, не смотря на краткость, описаніе позы у Тургенева производятъ до такой степени сильное впечатлѣніе, что — по справедливому замѣчанію «одного

Портретъ Пушкина (grisaille), работы Фельтена.

изъ поклонниковъ Пушкина» — «если прочитать описаніе и пристально вглядѣться въ портретъ и затѣмъ закрыть глаза, то невольно выступаетъ въ воображеніи вся фигура безвременно погибшаго поэта, стоящаго у двери концертной залы, глядя-

щаго какимъ-то грустнымъ, желчнымъ взглядомъ на окружающую его толпу»...

Съ гравюры Райта Вильгельмомъ Фельтеномъ сдѣланъ былъ увеличенный портретъ Пушкина черною и бѣлою масля-

Портретъ Пушкина, рисованный И. С. Пановымъ и гравированный Паннемакеромъ.

ными красками (grisaille) въ настоящую величину, который на Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ въ 1880 г. выставленъ былъ въ продажу за 200 р. Съ подлинника Фельтена сдѣланы были у Альберта въ Мюнхенѣ фотографическіе снимки, изданные эстампнымъ магазиномъ Фельтена въ Петербургѣ, въ двухъ форматахъ—большомъ и кабинетномъ. Тѣ и другіе еще

до сихъ поръ находятся въ продажѣ: первые продаются по 3 руб. 60 коп., послѣдніе по 50 коп.

Перерисовыванъ былъ портретъ Райта, кромѣ того, еще нѣсколько разъ. Такъ въ «Исторіи Русской Литературы» П. Н. Полевого (изд. 1871 года) помѣщенъ портретъ Пушкина, рисованный по Райту И. С. Пановымъ и гравированвый Паннемакеромъ. Въ первомъ томѣ «Русской Библіотеки» 1873 г. помѣщена съ того-же портрета Райта литографія. Другая литографированная копія, съ произвольной добавкой плаща, помѣщена въ изданныхъ Мюнстеромъ «Ста портретахъ» и воспроизведена еще разъ Мюнстеромъ-же въ уменьшенномъ форматѣ.

XV.

Нѣсколько малоизвѣстныхъ портретовъ Пушкина, рисованныхъ при его жизни. — Пушкинъ верхомъ на стулѣ. — Пушкинъ на виньеткѣ изданія «Шесть лѣтъ».—Пушкинъ съ Нащокинымъ за кофе.—Портреты Вишневскаго и Дурновой.—О непайденныхъ портретахъ Пушкина.

Кромѣ перечисленныхъ уже портретовъ, сохранилось еще нѣсколько другихъ, тоже писанныхъ при жизни Пушкина, съ натуры, но очень мало извѣстныхъ. Одинъ изъ такихъ портретовъ, писанный масляными красками, работы неизвѣстнаго художника, выставленъ былъ въ 1880 г. въ Петербургѣ. Онъ составлялъ собственность А. А. Журавлева. У Я. К. Грота имѣется любопытная литографированная виньетка изданія, составляющаго библіографическую рѣдкость, п. з. «Шесть лѣтъ, прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго лицея въ Царскомъ Селѣ, 1817 г. Слова барона Дельвига, музыка В. Теппера. С.-Петербургъ, 1835 г.» На этой виньеткѣ представленъ старшій курсъ лицея съ изображеніемъ Пушкина и директора лицея Энгельгардта. Экземпляръ Я. К. Грота снабженъ подписью цензора В. Бекетова.

Не менѣе рѣдкое изображеніе Пушкина принадлежитъ Е. И. Ламанскому: литографія Тюлева по рисунку Иванова,

на которой изображенъ залъ старшаго курса въ царскосельскомъ лицеѣ, съ правой же стороны—Пушкинъ верхомъ на стулѣ.

По указанію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1880 г., № 139), у дочери Нащокина, съ которымъ Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ въ близкихъ отношеніяхъ, находился портретъ, на которомъ Пушкинъ изображенъ бесѣдующимъ за кофе. По указанію же «Художеств. Листка» 1861 г., у жены Льва Сергѣевича Пушкина находился портретъ поэта, рисованный en pastel художникомъ-любителемъ Г. Ѳ. Вишневскимъ.

На московской Пушкинской выставкѣ 1880 г., въ числѣ другихъ портретовъ Пушкина, находился мало извѣстный портретъ съ натуры перомъ, исполненный членомъ академіи художествъ, М. Т. Дурновой (Лавиной) [1]).

Въ виду того, что въ послѣднее время открыто нѣсколько совершенно прежде неизвѣстныхъ портретовъ Пушкина, писанныхъ съ натуры, слѣдуетъ полагать, что вообще далеко еще не всѣ портреты, писанные при жизни Пушкина, сдѣлались извѣстными и что, поэтому, перечисленные нами до сихъ поръ портреты—далеко не всѣ портреты Пушкина, исполненные до 1837 года. Многимъ, конечно, можетъ казаться страннымъ, что въ пятьдесятъ лѣтъ, которыя истекли со дня смерти поэта, не сдѣлались еще извѣстными всѣ портреты поэта, писанные съ натуры, при жизни Пушкина. Не слѣдуетъ, однакожь, забывать, что въ исторіи искусствъ бывали случаи, когда какой-нибудь портретъ, картина и т. п. произведеніе, даже знаменитаго художника, дѣлались извѣстными лишь спустя много столѣтій послѣ смерти художника. Очень можетъ быть, что нѣчто подобное случится и съ портретами Пушкина. Впрочемъ, всѣ тѣ портреты Пушкина, о которыхъ упоминаетъ поэтъ въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, теперь на-лицо. Мы ихъ всѣ знаемъ, знаемъ гдѣ ихъ подлинники. Это уже

---

[1]) «Свѣтъ и Тѣни», 1880 г., № 23.

очень много и если найдется еще какой-нибудь неизвѣстный портретъ Пушкина, писанный при его жизни, съ натуры, то едва-ли онъ въ состояніи будетъ измѣнить въ чемъ-либо существенномъ тотъ обликъ поэта, который мы могли себѣ создать, прослѣдивъ ту массу имѣющихся уже, извѣстныхъ портретовъ Пушкина, которые перечислены въ нашемъ изслѣдованіи.

XVI.

Карикатурные портреты Пушкина, рисованные самимъ поэтомъ.—Голова въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой.—«Не искушай меня».—Пушкинъ на пути въ Арзрумъ.—Рисунокъ головы Пушкина въ одной изъ черновыхъ тетрадей.

Чтобы закончить о портретахъ Пушкина, писанныхъ, рисованныхъ или гравированныхъ при жизни поэта, остается упомянуть о портретахъ, рисованныхъ самимъ поэтомъ. Въ сущности это не портреты, а карикатуры поэта на себя самого. Нѣсколько такихъ карикатуръ сохранилось въ альбомѣ Екатерины Николаевны Ушаковой. Годъ ихъ происхожденія—1829. Наиболѣе любопытная изъ этихъ карикатуръ—та, на которой Пушкинъ изобразилъ одну лишь свою голову въ контурахъ, и то, очевидно, наскоро, безъ приготовленія, нѣсколькими набросанными на бумагу штрихами пера. Тѣмъ не менѣе, и въ этой карикатурѣ настолько удачно и типично переданы строеніе головы Пушкина, его высокій лобъ, бакенбарды, носъ и курчавые волосы, что на первый же взглядъ можно узнать въ карикатурѣ изображеніе Пушкина.

Въ альбомъ той-же г-жи Ушаковой (за которою Пушкинъ сильно ухаживалъ по возвращеніи съ Кавказа), Пушкинымъ нарисованы, въ числѣ цѣлаго ряда другихъ рисунковъ, еще два собственныя карикатурныя изображенія. На одномъ изъ нихъ

Пушкинъ изобразилъ себя въ какомъ-то оригинальномъ головномъ уборѣ, а напротивъ него—какая-то загадочная фигура съ рогами, большимъ носомъ и высунутымъ языкомъ. Подъ этой сценой подписано самимъ Пушкинымъ: «Не искушай(сай) меня безъ нужды». Къ сожалѣнію, не имѣется объ-

Карикатурный портретъ Пушкина, имъ самимъ нарисованный въ 1829 г.

ясненія этого рисунка и его подписи. Третья карикатура изображаетъ Пушкина въ буркѣ и круглой шляпѣ, съ казацкою пикою въ правой рукѣ, верхомъ на лошади, ѣдущаго въ Арзрумъ.

Альбомъ, въ которомъ находятся эти три любопытныя карикатуры Пушкина, составляетъ собственность Петра Сер-

гѣевича Киселева, сына Елисаветы Николаевны Ушаковой, вышедшей въ 1829 году замужъ за С. Д. Киселева. Съ карика-

Карикатура Пушкина на самого себя въ альбомъ Е. Н. Ушаковой.

туръ этихъ снята была въ 1880 г. художникомъ М. Пановымъ въ Москвѣ фотолитографія для «Альбома Пушкинской вы-

ставки»; въ значительно уменьшенномъ видѣ, вторая изъ этихъ карикатуръ помѣщена также въ Суворинскомъ изданіи Пушкина 1887 года.

По указанію П. Анненкова, въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ, находится, въ числѣ многихъ другихъ рисунковъ, рисунокъ, изображаю-

«Пушкинъ на пути въ Арзрумъ», карикатурный рисунокъ самого Пушкина.

щій голову самого Пушкина, слившуюся въ одинъ поцѣлуй съ другой неизвѣстной женской головкой. «Импровизованный художникъ,—добавляетъ Анненковъ,—такъ дорожилъ подобнаго рода воспоминаніями, что подъ рисункомъ сдѣлалъ подпись: Le baiser, 1818. 15 Dec.» [1]).

[1]) Анненковъ, «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху», стр. 134.

XVII.

Пушкинъ въ гробу.—Рисунокъ О. Л. Бруни.—Литографированное подражаніе этому портрету.—Копія Бореля. — Рисунки К. П. Мокрицкаго и А. А. Козлова.—Копія К. О. Брожа съ рисунка Мокрицкаго, съ «прибавленіями».—Любичъ-Романовичъ и портретъ мертваго Пушкина, работы Каренса.—Описаніе Жуковскаго и его стихи о Пушкинѣ на смертномъ одрѣ.

Переходимъ теперь къ портретамъ Пушкина на смертномъ одрѣ.

Первый портретъ съ мертваго Пушкина, лежавшаго въ гробу въ «старомъ, поношенномъ сюртукѣ», былъ снятъ вечеромъ, въ день смерти поэта, 29 января 1837 г. (по другимъ же указаніямъ—на другой день послѣ смерти), знаменитымъ профессоромъ живописи, О. А. Бруни. Оригиналъ, писанный самимъ Бруни, былъ препровожденъ къ отцу поэта, Сергѣю Львовичу Пушкину. Пушкинъ изображенъ въ гробѣ, подъ саваномъ; икона на груди; голова на подушкахъ; смерть уже обозначила на лицѣ разрушительную силу свою; на устахъ застыло страданіе. Бруни самъ переводилъ свой рисунокъ на камень. Литографія съ портрета Бруни, продававшаяся сначала во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ по 5 рублей, принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ; она появилась, въ 1837 г., безъ подписи художника. Въ «Художественной Газетѣ» 1837 года

объ этой литографіи сказано: «превосходный рисунокъ и отличная чистота отдѣлки даютъ сему произведенію почетное мѣсто въ числѣ нашихъ литографій». Одинъ изъ рѣдкихъ ея экземпляровъ хранился въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ собраніи П. С. Шишкина въ Петербургѣ. Существовала еще другая литографія, небольшаго овальнаго формата, тоже изображающая Пушкина-покойника, на подушкѣ, въ профиль, неизвѣстно чьей работы, довольно плохая, составляющая подражаніе портрету Бруни. Она появилась вскорѣ послѣ смерти поэта и тоже безъ всякой подписи. Нѣкоторые ея экземпляры раскрашены, и одинъ изъ нихъ, между прочимъ, случайно былъ найденъ библіотекаремъ Александровскаго липея въ Петербургѣ, Я. Г. Сѣверскимъ, въ кучѣ разнообразныхъ картинъ, у одного изъ торговцевъ на Александровскомъ рынкѣ, и теперь находится въ лицейскомъ пушкинскомъ собраніи. Экземпляры черной и раскрашенной такой литографіи имѣются также у П. А Ефремова. Гравюра на деревѣ съ этой литографіи приложена къ седьмому тому сочиненій Пушкина, изданныхъ въ 1887 г. В. В. Комаровымъ; другая такая-же гравюра помѣщена въ біографіи Пушкина, составленной А. М. Скабичевскимъ и изданной Павленковымъ.

Съ портрета Бруни въ 1870 г. художникъ Борель сдѣлалъ рисунокъ на деревѣ—«Пушкинъ въ гробу», который гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ. Рисунокъ этотъ, съ ошибочною подписью «съ рисунка К. Брюллова» (вмѣсто «съ рисунка О. Бруни»), появился сначала во «Всемірной Иллюстраціи» 1870 г., № 60, затѣмъ въ «Огонькѣ», наконецъ снова во «Всемірной Иллюстраціи», въ пушкинскомъ нумерѣ 1887 г.,— все съ тою-же ошибкою въ указаніи фамиліи художника. Пушкинъ до груди покрытъ саваномъ; на груди икона; на лицѣ печать ненарушимаго спокойствія съ оттѣнкомъ страданія.

Кромѣ Бруни, съ мертваго Пушкина снимали еще портреты: ученикъ Брюллова, К. П. Мокрицкій, и ученикъ Бруни— А. А. Козловъ.

Мокрицкій снималъ портретъ на другой лишь день послѣ смерти поэта, 30 января 1837 года. Оригиналъ его былъ исполненъ карандашемъ, на листѣ почтовой бумаги. По разсказу П. А. Ефремова[1]), Мокрицкій пріѣхалъ со своимъ рисункомъ къ Брюллову, у котораго тогда былъ въ гостяхъ П. А. Каратыгинъ. Этому послѣднему Мокрицкій подарилъ свой рисунокъ

«Пушкинъ въ гробу», съ литографіи 1837 г.

Подлинный этотъ рисунокъ былъ выставленъ въ 1880 г. на Пушкинской выставкѣ, съ рукописною къ нему замѣткою Каратыгина.

Съ рисунка Мокрицкаго и литографіи неизвѣстнаго, художникъ К. О. Брожъ въ 1880 году сдѣлалъ новый рисунокъ на деревѣ, изображающій Пушкина въ гробу, причемъ художникомъ сдѣланъ рядъ произвольныхъ прибавленій, на осно-

[1]) «Русская Старина», 1880 г., т. XXVIII, стр. 531.

ваніи описанія послѣднихъ минутъ жизни и смерти поэта. Такъ, напр., г. Брожъ нарисовалъ, въ видѣ фона, сзади гроба, дверь кабинета поэта, съ виднѣющимися на ней двумя печатями, которыми Жуковскій, по порученію императора Николая, запечаталъ кабинетъ Пушкина, черезъ три четверти часа послѣ кончины поэта, чтобы предотвратить расхищеніе его бумагъ. Мало или даже вовсе незамѣтны за то въ рисункѣ Брожа тѣ подробности, которыя разсказываетъ баронъ Бюллеръ, бывшій въ квартирѣ Пушкина въ то время, когда поэтъ лежалъ въ гробу. Такъ, напр., Бюллеръ передаетъ, что на рукахъ у Пушкина положенъ былъ простой образъ безъ всякаго оклада и до того стертый, что никакого изображенія на немъ нельзя было разглядѣть. Платье на Пушкинѣ, изъ чернаго сукна,—разсказываетъ далѣе Бюллеръ,—было стараго фасона и очень поношенное. Катафалкъ былъ низкій, подсвѣчники весьма старые; «вообще замѣтно было, что все устроено было какъ-то наскоро, и что домашніе и семья растерялись вслѣдствіе ужасной, внезапной потери».

Рисунокъ Брожа—«Пушкинъ въ гробу» гравированъ на деревѣ Л. А. Сѣряковымъ для «Русской Старины», при чемъ передъ знаменитымъ граверомъ, какъ сообщаетъ М. И. Семевскій, при исполненіи гравюры былъ подлинный рисунокъ Мокрицкаго. Приложенная сначала къ «Русской Старинѣ» (1880 г., т. XXVIII), гравюра Сѣрякова появилась затѣмъ въ первомъ томѣ «Русскихъ Дѣятелей» М. И. Семевскаго (изд. 1882 г.) и «Альбомѣ гравюръ Сѣрякова».

Портретъ А. А. Козлова, по указанію «Молвы» (1880 г., № 322), сдѣланъ былъ тушью, чернымъ и бѣлымъ карандашами, и принадлежалъ А. И. Сомову. Въ Александровскій лицей поступилъ въ даръ отъ А. И. Сомова портретъ Пушкина на смертномъ одрѣ, на которомъ значится, что онъ работы Козлова, исполненный, однакожь, акварелью. Портретъ этотъ хранится, въ отдѣльной рамкѣ, подъ стекломъ, въ одной изъ витринъ «Пушкинской залы» лицея. Тотъ-ли это самый порт-

ретъ, о которомъ упомянуто въ «Молвѣ», или, можетъ быть, первый былъ лишь наброскомъ для втораго—въ точности намъ неизвѣстно.

«Пушкинъ въ гробу», рисунокъ Бореля по оригиналу, ошибочно приписываемому Брюллову.

Глядя на эти изображенія Пушкина на смертномъ одрѣ, невольно припоминаешь слова поэта, вѣще предсказанныя имъ

самимъ, за много лѣтъ до смерти, въ его геніальной поэмѣ «Евгеній Онѣгинъ»:

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно...

Читая эти строки, просто не вѣришь, чтобы это было описаніе мертваго Ленскаго, и кажется, будто слова эти относятся къ самому Пушкину,—написаны имъ какъ-бы для подписи къ собственнымъ его портретамъ на смертномъ одрѣ!...

Если вѣрить разсказу одного изъ немногихъ, остающихся еще въ живыхъ, сверстниковъ Пушкина, В. И. Любича-Романовича,—существовалъ, кромѣ упомянутыхъ уже, еще одинъ портретъ мертваго Пушкина, работы Каренса. Любичъ-Романовичъ утверждаетъ, что это было «единственное въ то время (рѣчь идетъ о смерти поэта) лицо, снявшее портретъ поэта». Мнѣніе это противорѣчитъ, однакожь, фактамъ.

Какъ ни хороши и удачны портреты мертваго Пушкина, ни одинъ изъ нихъ не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія и не передаетъ такъ мѣтко внѣшности безвременно погибшаго генія на смертномъ одрѣ, какъ прелестное описаніе Жуковскаго въ письмѣ къ отцу поэта отъ 15 февраля 1837 г.

«Что выражалось на лицѣ его,—пишетъ Жуковскій,—я сказать словами не умѣю... Это не былъ ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ разливалась; что-то похожее

на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное, лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него положила

«Пушкинъ въ гробу», рисунокъ А. А. Козлова.

она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти.»

Величавое выраженіе лица Пушкина на смертномъ одрѣ подтверждается письмомъ «дамы высшаго круга» (княгини Е. Н. Мещерской, дочери Н. М. Карамзина). «Когда друзья и несчастная жена устремились къ бездыханному тѣлу,—говорится въ этомъ письмѣ ихъ поразило величавое и торжественное выраженіе лица его. На устахъ сіяла улыбка, какъ будто отблескъ несказаннаго спокойствія, на чемъ отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды...»

Эти описанія Пушкина на смертномъ одрѣ дополняются еще однимъ, тоже Жуковскаго, но въ стихотворной формѣ, написаннымъ графинѣ Ростопчиной при посылкѣ ей книжки, приготовленной Пушкинымъ для записыванія своихъ новыхъ стиховъ:

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ-будто по тяжкой работѣ,
Руки свои опустивъ, голову тихо склоня.
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза;
Было лицо это мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали въ этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ, не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно; мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ-будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось: «что видишь?»

XVIII.

Маска Пушкина и выводы, сдѣланные на основаніи этой маски.—Рисунки съ этой маски Малиновскаго и Элеоноры Жуковской.—Гипсовые снимки съ маски, работы Палацци.

Смерть такъ неожиданно постигла Пушкина и произвела до такой степени сильное впечатлѣніе на окружавшихъ поэта родныхъ, друзей и почитателей, что въ первую минуту никто даже и не подумалъ о наилучшемъ сохраненіи чертъ его лица —о снятіи съ него гипсовой маски. О маскѣ вспомнили лишь на слѣдующій день послѣ смерти поэта, и она была снята уже тогда, когда лицо Пушкина совсѣмъ окостенѣло и значительно измѣнилось. Маска сохранила, поэтому, лишь немного сходства, и хотя по ней авторъ статьи «О родословной Пушкина» [1]) и дѣлаетъ выводы, «что у Пушкина былъ носъ совершенно европейскій и правильный», но едва-ли можно, въ данномъ случаѣ, посмертную маску считать какимъ-либо «доказательствомъ».

Можетъ быть, впрочемъ, что была снята другая еще маска, сейчасъ же послѣ смерти Пушкина. Заключеніе такое можно вывести, по крайней мѣрѣ, изъ письма Жуковскаго къ С. Л.

[1]) «Русскій Курьеръ», 1880 г., № 152.

Пушкину. Въ этомъ письмѣ, вслѣдъ за описаніемъ самой кончины поэта, Жуковскій пишетъ: «Къ счастію, я вспомнилъ вовремя, что надобно съ него (Пушкина) снять маску; это было исполнено немедленно; черты еще не успѣли измѣниться. Ко-

Маска Пушкина, снятая на другой день послѣ его смерти

нечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось, но все-таки мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ». На Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ, 1880 г., была выставлена одна лишь маска Пушкина, снятая на другой день послѣ его смерти. Помѣщалась она въ особой витринѣ чернаго дерева, при чемъ отмѣчено было, что она составляетъ

собственность Т. Б. Сѣмечкиной. О другой же маскѣ, т.-е. снятой, будто-бы, сейчасъ же послѣ смерти Пушкина, нигдѣ никакихъ указаній не встрѣчается. Съ маски, находившейся на Пушкинской выставкѣ, по порученію покойнаго М. О. Вольфа,

Портретъ Пушкина, рисованный Элеонорою Жуковскою съ посмертной маски поэта.

снятъ былъ молодымъ польскимъ художникомъ, воспитанникомъ академіи художествъ, А. В. Малиновскимъ, точный рисунокъ карандашемъ, какъ одинъ изъ матеріаловъ для предполагавшагося Вольфомъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина. Единственная до сихъ поръ копія съ этого рисунка, воспроизведенная цинкографіей, была помѣщена въ журналѣ «Задушевное Слово», 1887 г., № 13.

Съ маски Пушкина Элеонора Жуковская, вскорѣ послѣ смерти поэта, нарисовала отдѣльный портретъ (одно лицо), мало, однакожь, имѣющій сходства съ подлинною маскою. Рисунокъ этотъ былъ воспроизведенъ литографіей. Въ которомъ году сдѣлана литографія—неизвѣстно; Межовъ въ своемъ библіографическомъ указателѣ «Puschkiniana», относя эту литографію къ 1837 г., ставитъ, однако, по отношенію къ вѣрности года, знакъ вопроса.

Литографированный снимокъ съ рисунка Жуковской впервые появился при «Литературной Газетѣ», издававшейся Кони. Гравюра съ него на деревѣ появилась въ 1887 году, при Суворинскомъ изданіи сочиненій Пушкина и при біографіи Пушкина, составленной Скабичевскимъ, изданной же Павленковымъ.

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина пущены были въ продажу гипсовые снимки съ посмертной маски поэта, съ придѣланными къ нимъ волосами до половины головы, работы Палацци, которые продавались по 15 руб. [1]), и подобныя-же маски-копіи, тоже гипсовыя, въ рамкѣ подъ стекломъ, на голубомъ фонѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе снимки съ маски составляютъ теперь большую рѣдкость и, насколько извѣстно, не имѣются уже ни въ одной изъ извѣстныхъ пушкинскихъ коллекцій. Куда они исчезли—неизвѣстно.

---

[1]) «Письмо въ Парижъ» («Художеств. Газета», 1837 г., № 9 и 10).—«Замѣтка о портретахъ Пушкина» («Художеств. Листокъ», 1861 г., № 32).

XIX.

Портреты Пушкина, появившіеся сейчасъ послѣ смерти поэта.—Отношеніе цензуры.—Политипажъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1837 г.

Смерть поэта, какъ это обыкновенно бываетъ, вызвала большой спросъ на его портреты. Каждому хотѣлось имѣть портретъ знаменитаго поэта, умершаго внезапно и такъ трагично. По разсказамъ современниковъ, эстампные магазины въ первыхъ числахъ февраля 1837 года осаждались покупателями гравированныхъ и литографированныхъ портретовъ Пушкина. Къ несчастію, въ продажѣ оказались лишь немногіе экземпляры Уткинской гравюры 1828 г.; хотя, по разсказу одного изъ біографовъ Пушкина, «въ магазинахъ по всѣмъ угламъ улицъ появились портреты Пушкина», но они продавались какъ рѣдкость, по очень дорогой цѣнѣ, и въ скоромъ времени, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, разошлись чуть-ли не до послѣдняго экземпляра. Спросъ, между тѣмъ, росъ съ каждымъ днемъ, и въ продажѣ появились, взамѣнъ портретовъ, кольца и браслеты, печатки и пр., съ изображеніемъ безсмертнаго поэта и надписью: «29-е января 1837 г.» [1]).

---

[1]) «Русскіе люди», изд. М. О. Вольфа, т. II, ст. 443.

Конечно, скоро нашлись предпріимчивые издатели, преимущественно изъ московскихъ литографовъ, пожелавшіе воспользоваться спросомъ на портреты Пушкина и приступившіе къ изданію новыхъ портретовъ поэта.

Но тутъ встрѣтилось довольно сильное препятствіе въ цензурномъ отношеніи. Портреты Пушкина, изданные послѣ его смерти, какъ свидѣтельствуетъ П. А. Ефремовъ въ своей біографіи Пушкина [1]), неохотно одобрялись цензурою. Да и какъ было появляться портретамъ поэта, если даже разговоры о дуэли велись чуть не шопотомъ, чтобы не навлечь гнѣвъ графа Бенкендорфа. Цензура трепетала предъ шефомъ жандармовъ; страшась его неудовольствія за поблажку въ печати сочувствію Пушкину и не зная, какъ онъ отнесется къ усиленію популярности поэта посредствомъ распространенія его портретовъ,— цензура или безусловно запрещала его портреты, или же медлила ихъ разрѣшеніемъ. И понятно: если А. А. Краевскій заслужилъ упрекъ отъ имени тогдашняго министра Уварова за десять строкъ некролога о Пушкинѣ да за черную рамку вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка «не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ», то тѣмъ болѣе могли опасаться неудовольствія лица, такъ или иначе способствовавшія распространенію изображеній Пушкина, содѣйствовавшихъ увеличенію его популярности...

Этимъ и объясняется, почему число отдѣльно изданныхъ въ 1837 портретовъ Пушкина сравнительно очень ограниченно. Отдѣльно появились, немедленно послѣ смерти поэта, лишь литографія, изображающая его въ гробу, да литографированный снимокъ съ рисунка Элеоноры Жуковской, причемъ ни на той, ни на другомъ не было помѣчено—въ какомъ заведеніи они исполнены, и какъ та, такъ и другой печатались въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и, кажется, въ про-

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., т. XXVIII, стр. 531.

дажу даже совсѣмъ не поступали, а раздавались лишь знакомымъ.

Что касается помѣщенныхъ въ журналахъ портретовъ Пушкина послѣ его смерти, то однимъ изъ первыхъ явился портретъ, гравированный очень плохо на деревѣ, помѣщенный уже во второй половинѣ 1837 г. въ издававшемся тогда въ Москвѣ Августомъ Семеномъ иллюстрированномъ журналѣ «Живописное Обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ» (т. III, листъ, т.-е.

Политипажъ «Живописнаго Обозрѣнія» 1837 г.

нумеръ, 10). Плохой поясной портретъ, очевидно перерисованный съ Уткинской гравюры изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», грубо рѣзанный (ксилографія въ то время была еще очень несовершенна), рѣзко передавалъ вьющіеся локоны Пушкина и его густыя бакенбарды, но сходства—никакого. Портретъ сопровождался очень сочувственною біографіей, въ которой, между прочимъ, есть нѣсколько строкъ, довольно мѣтко характеризующихъ внѣшнія черты Пушкина. «Кто не зналъ Пушкина лично, – пишетъ неизвѣстный біографъ поэта въ «Живопис-

номъ Обозрѣніи» Семена,—для тѣхъ скажемъ, что отличительнымъ характеромъ его въ большомъ обществѣ была задумчивость или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить. Онъ казался при этомъ стѣсненнымъ, попавшимъ не на свое мѣсто. Зато въ искреннемъ, небольшомъ кругу, съ людьми по-сердцу, не было человѣка разговорчивѣе, любезнѣе, остроумнѣе. Тутъ онъ любилъ и посмѣяться и похохотать, глядѣлъ на жизнь только съ веселой стороны и съ необыкновенною ловкостью умѣлъ открывать смѣшное. Одушевленный разговоръ его былъ краснорѣчивою импровизаціей, потому что онъ обыкновенно увлекалъ всѣхъ, овладѣвалъ разговоромъ, и это всегда кончалось тѣмъ, что другіе смолкали невольно, а говорилъ онъ. Если бы записанъ былъ хоть одинъ такой разговоръ Пушкина, похожій на разсужденіе, передъ нимъ показались бы блѣдны профессорскія рѣчи Вильмена и Гизо.»

XX.

Новая, вторая гравюра Уткина.—Разсказъ о возникновеніи этой гравюры.—Отпечатки съ нея по указаніямъ Ровинскаго.—Оцѣнка.—Повтореніе гравюры и ея достоинства.

Спустя годъ, въ 1838 г., появился новый, гравированный Н. И. Уткинымъ, портретъ Пушкина по грудь, исполненный нарочно для посмертнаго изданія сочиненій поэта. Портретъ этотъ, точно также какъ и первая гравюра Уткина 1828 г., воспроизведенъ по оригиналу Кипренскаго, но на этой (второй) гравюрѣ Пушкинъ представленъ, какъ и на подлинной картинѣ Кипренскаго, съ руками, между тѣмъ какъ на первой гравюрѣ 1828 г. рукъ не видно. При этомъ на первой гравюрѣ сдѣланъ сплошной фонъ, въ видѣ обрамленнаго четырехугольника, между тѣмъ какъ на новой гравюрѣ фонъ гораздо слабѣе и незамѣтно расходится кверху, такъ что лицо поэта выступаетъ прямо безъ всякаго фона.

По размѣрамъ своимъ гравюра Уткина 1838 г. больше первой гравюры того-же художника: вышина ея 3 дюйма 10 линій, ширина 4 дюйма 2 линіи; лицо Пушкина вышло, однако, не больше, чѣмъ на гравюрѣ 1828 года.

По поводу этой второй гравюры Уткина, въ рѣдкой брошюрѣ В. Т...на, изданной по случаю пятидесятилѣтняго юби-

лея Уткина, подъ заглавіемъ: «Н. И. Уткинъ и Ѳ. И. Іорданъ», разсказывается съ собственныхъ словъ знаменитаго гравера слѣдующее. Уткинъ былъ у Пушкина наканунѣ смерти, и поэтъ пожелалъ, чтобы онъ награвировалъ его портретъ на стали. Уткинъ согласился на это, хотя и неохотно. На другой день Пушкина не стало. Уткинъ, однако, исполнилъ желаніе поэта, награвировалъ вновь его портретъ въ небольшомъ форматѣ и доставилъ доску семейству Пушкина. Съ этой доски и сдѣланы были отпечатки для посмертнаго изданія сочиненій Пушкина 1838 года. Внизу подъ портретомъ сдѣланы Уткинымъ автографическая подпись: «Александръ Пушкинъ» и подпись мастера: «Гравиров. на стали Николай Уткинъ, 1838 года».

По указанію Д. А. Ровинскаго, первый пробный отпечатокъ этой гравюры, въ одномъ контурѣ, находится въ академіи художествъ; вторые отпечатки, безъ всякой подписи, на китайской бумагѣ, хранятся въ Эрмитажѣ, въ книгѣ Уткина № V; третьи отпечатки, съ вышеприведенными подписями, приложены къ первому тому посмертнаго изданія сочиненій Пушкина 1838 года; четвертые, наконецъ, отпечатки приложены къ изданію сочиненій Пушкина Анненкова 1857 года.

Въ своемъ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Ровинскій оцѣниваетъ Уткинскую гравюру 1838 г. всего въ 40 копѣекъ; ту-же гравюру, съ автографическою подписью поэта,—въ 30 коп. Эта оцѣнка относится къ 1871 году; теперь обѣ гравюры цѣнятся значительно дороже. Амстердамскій эстампный торговецъ, Мюллеръ, предлагалъ въ 1888 г. гравюру Уткина на китайской бумагѣ по 10 руб. У него такихъ экземпляровъ оказалось три и всѣ были проданы по этой цѣнѣ.

Гравюра Уткина была повторена, въ видѣ новой гравюры на стали, въ Лейпцигѣ, въ числѣ портретовъ знаменитыхъ людей, съ подписью «Puschkin» и отмѣткою въ верху «Ms. C. Z. № 846».

Въ отношеніи своихъ достоинствъ Уткинская гравюра 1838 г. значительно уступаетъ гравюрѣ, приложенной къ

Портретъ Пушкина, гравированный Уткинымъ въ 1838 г.

«Сѣвернымъ Цвѣтамъ». Она, какъ это признаетъ и Ровинскій, и менѣе схожа, нежели первая.

XXI.

Портреты, гравированные Леметромъ, Эйсенгардтомъ, Афанасьевымъ.—Измѣненія, которымъ подвергался типъ поэта, переходя отъ одного изображенія въ другое.—Литографированные портреты Львова, Линдрота, Снѣгирева, Клиндера, Гиппіуса, Шертля и др.—Рисунокъ Шарлеманя и описаніе наружности Пушкина въ книгѣ «Русскіе люди».—Литографія Мюнстера.—Гравюра Неймана.—Офортъ Дмитріева-Кавказскаго.

Я. А. Исаковъ, приступая въ 1859 г. къ новому изданію сочиненій Пушкина, помѣстилъ въ немъ гравированный портретъ Пушкина, который принадлежитъ рѣзцу А. Ф. Леметра (Lemaistre), извѣстнаго французскаго гравера шестидесятыхъ годовъ, отпечатанъ же у Ф. Шардона (Chardon) въ Парижѣ. Подъ портретомъ факсимиле Пушкина, внизу же подписи гравера и печатника; съ лѣвой стороны: «A. F. Lemaistre sculp.», съ правой: «Imp. F. Chardon aîné, Paris». Леметровская гравюра рѣзана, несомнѣнно, по отпечатку Уткинской гравюры 1838 г., хотя выраженіе лица поэта на новой гравюрѣ довольно значительно измѣнено и ему придано какое-то странное выраженіе улыбки. Отпечатки Шардона приложены къ первому тому сочиненій Пушкина изданія 1859 года.

Въ слѣдующемъ затѣмъ изданіи Исакова 1869 года, вы-

шедшемъ подъ ред. Г. Н. Геннади, появился другой уже гравированный портретъ Пушкина, работы I. Эйсенгардта. Подъ нимъ находится автографъ Пушкина, на самой же гравюрѣ; съ лѣвой стороны—подпись гравера «I. Eissenhardt 69». Эйсенгардтъ гравировалъ свой портретъ, придерживаясь Уткинской гравюры 1828 г., но съ разными отступленіями. Прежде всего,

Портретъ Пушкина, гравированный Леметромъ.

выраженіе лица не то и въ очертаніи губъ видна какъ-бы игривая насмѣшка, которой нѣтъ въ подлинникѣ портрета Уткина. Фонъ гравюры сдѣланъ не сплошной, въ четыреугольникѣ, какъ у Уткина, но овальный, необрамленный, расходящійся вверху, какъ во второй Уткинской гравюрѣ, но въ немъ нѣтъ Уткинскихъ нюансовъ и переходовъ. Вообще, гравюра

очень однообразна. Съ Эйсенгардтовской гравюры, приложенной къ сочиненіямъ Пушкина изданія 1869 г., сдѣланы въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ 1875 г. новые отпечатки. Кромѣ автографа, подписи и указанія заведенія, въ которомъ они напечатаны, отпечатки эти снабжены внизу помѣтою—«Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 ноября 1875 г.» Фельтенъ продавалъ отдѣльные эти отпечатки въ 8 д. л. по 75 к.

Уткинскую гравюру 1828 г. гравировалъ также вновь К. Афанасьевъ. Существуютъ различные оттиски этой копіи: безъ всякой подписи, составляющіе первые отпечатки, и съ подписью гравера-копировщика. Въ отношеніи размѣровъ эта гравюра разнится отъ Уткинскаго подлинника. По указанію Ровинскаго, вышина ея 3,3 дюйма, ширина 3,5 дюймовъ.

Объ гравюры Уткина, 1828 и 1838 г.г., послужили кромѣ того для цѣлаго ряда литографированныхъ портретовъ поэта. Замѣчательно, что почти всѣ они появились въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ. Портреты эти, конечно, какъ болѣе или менѣе неудачныя копіи, не представляютъ особеннаго интереса въ опредѣленіи внѣшности поэта. Большинство изъ нихъ,—какъ вѣрно замѣтилъ М. И. Семевскій,—интересно только тѣмъ, что позволяетъ прослѣдить, какимъ измѣненіямъ подвергался типъ поэта, переходя отъ одного изображенія въ другое. На иныхъ только по подписи и можно признать Пушкина. Что же касается исполненія, то, по свидѣтельству Геннади, почти всѣ литографированныя изображенія Пушкина того времени довольно грубы.

Многіе изъ этихъ литографированныхъ портретовъ буквально исчезли, не имѣются ни въ одномъ изъ извѣстныхъ собраній портретовъ поэта. Это объясняется тѣмъ, что почти всѣ русскіе собиратели ограничивались собираніемъ лишь гравированныхъ портретовъ, не придавая литографированнымъ особеннаго значенія. Наиболѣе полная коллекція литографированныхъ портретовъ Пушкина, въ особенности изъ числа

исполненныхъ въ первые годы послѣ его смерти, имѣлась у Г. Н. Геннади, собраніе котораго было продано затѣмъ Фельтену и раздробилось между нѣсколькими лицами. Теперь довольно полную коллекцію литографированныхъ портретовъ Пушкина имѣетъ П. А. Ефремовъ; многіе экземпляры его коллекціи находились на Пушкинской выставкѣ 1880 года въ Петербургѣ.

Одинъ изъ литографированныхъ портретовъ, конца тридцатыхъ годовъ, въ большомъ форматѣ, болѣе обыкновеннаго полулиста, рисованъ на камнѣ Л. Львовымъ, печатанъ у Чашкова. Другой, поменьше, исполненъ въ литографіи Линдрота, съ факсимиле, помѣщеннымъ съ боку, гдѣ обыкновенно подписывается рисовальщикъ или литографъ. Третій, который «Художественная Газета» 1837 г. признаетъ лучшимъ, изданъ заведеніемъ Л. Снѣгирева и К° съ Кипренскаго и продавался по 5 рублей. Четвертый рисованъ на камнѣ Клиндеромъ «въ оборотъ противъ оригинала Кипренскаго» и изданъ съ подписью: «Погасъ огонь на алтарѣ». Еще одинъ, работы Капощенки, украшенъ апоѳеозомъ, изображающимъ Музу, которая несетъ лиру съ разорванными струнами.

Кромѣ этихъ портретовъ, литографированный портретъ Пушкина въ большомъ видѣ исполненъ былъ Гиппіусомъ для его изданія, выходившаго въ тридцатыхъ годахъ выпусками, подъ общимъ заглавіемъ: «Les contemporains, suite de portraits lithographiés, d'hommes d'état, d'ecrivains, d'hommes de lettres et d'artiste, vivant de nos jours en Russie. Ouvrage dédié à Sa Majesté Impériale Alexandre I, par Hippius. St. Pétersbourg, 1822. Lithographie de Helmersen». Портретъ Пушкина помѣченъ въ этомъ изданіи № 39-мъ. Хотя существовало общее мнѣніе, что Гиппіусъ рисовалъ свои портреты съ натуры, прямо на камень, но Геннади полагаетъ, что этотъ портретъ рисованъ не съ натуры, а съ портрета Кипренскаго.

Съ 1841 года, когда появился литографированный портретъ Пушкина, рисованный на камнѣ Шертлемъ по оригиналу Соколова (приложенный, какъ мы уже упоминали, къ «Порт-

ретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи»), до 1855 года, когда вышелъ при сочиненіяхъ Пушкина гравированный на стали портретъ Уткина 1838 г., другихъ какихъ бы то ни было портретовъ Пушкина, насколько можно судить по библіографическимъ спискамъ, нигдѣ, за исключеніемъ изданій собраній сочиненій Пушкина, не появлялось.

Въ 1858 году помѣщенъ въ «Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ» политипажъ, изображающій Пушкина, какъ приложеніе къ статьѣ Добролюбова. Въ 1860 году встрѣчаемъ портретъ Пушкина въ собраніи «Русскихъ портретовъ» Н. Н. Полевого, изданномъ въ Москвѣ. Въ 1861 году литографія съ портрета Кипренскаго была помѣщена, одновременно съ литографированною же копіей портрета Пушкина въ дѣтствѣ, въ «Художественномъ Листкѣ» Тимма. Наконецъ, въ 1862 году подобный же портретъ былъ исполненъ Эрготомъ для книги «Подарокъ дѣтямъ», изданной въ Москвѣ.

Въ 1866 году появился портретъ Пушкина, рисованный А. Шарлеманемъ, гравированный же въ Лейпцигѣ по заказу книгопродавца М. О. Вольфа, во второмъ томѣ изданнаго послѣднимъ сочиненія — «Русскіе люди, жизнеописанія соотечественниковъ». Пушкинъ помѣщенъ здѣсь на одной страницѣ съ Крыловымъ, Жуковскимъ, Брюлловымъ, Глинкою, Егоровымъ, Кольцовымъ, Овсянниковымъ, Гоголемъ и Грановскимъ. Въ біографіи Пушкина, сопровождающей этотъ портретъ, внѣшность поэта описана слѣдующимъ образомъ: «Пушкинъ былъ роста менѣе средняго, но довольно широкоплечъ, съ хорошо развитою грудью. Цвѣтъ лица его былъ изжелта-темноватый; а большія алыя губы, изъ-за которыхъ виднѣлся рядъ ярко-бѣлыхъ зубовъ, и нѣсколько широкій, слегка даже приплющенный носъ — обнаруживали въ немъ африканскую кровь, такъ какъ съ материнской стороны былъ онъ негритянскаго происхожденія. Волосы имѣлъ онъ темнорусые, натурально вившіеся и въ молодыхъ лѣтахъ очень густые. При этомъ глаза

у него были голубые съ длинными рѣсницами. Лицо было окаймлено большими, густыми бакенбардами. Сверхъ всего этого онъ отличался необыкновенно большими ногтями, всегда чрезвычайно тщательно содержимыми, щеголялъ бѣлизною и нѣжностію руки, истинно аристократической».

Послѣ нѣкотораго перерыва, въ теченіе котораго портреты Пушкина почти совсѣмъ перестали появляться въ печати, — въ началѣ семидесятыхъ годовъ изображенія поэта, то въ видѣ ксилографіи, то въ видѣ литографіи и т. п., начали все

Портретъ Пушкина, рисованный А. Шарлеманемъ.

чаще и чаще появляться въ разныхъ изданіяхъ, сборникахъ, книгахъ для юношества, портретныхъ галлереяхъ и пр. Такъ, напр., Мюнстеръ помѣстилъ въ своемъ изданіи «Сто портретовъ» литографированную копію съ гравюры Райта, съ произвольнымъ прибавленіемъ плаща. «Новое Время», въ № 1522 за 1880 г., утверждаетъ, что этотъ портретъ «весьма схожъ» (портретъ этотъ, одинъ изъ немногихъ, находящихся въ продажѣ, продается по 75 коп.). А. О. Бауманъ помѣстилъ гравированный на стали по Уткину и Райту портретъ Пушкина, тоже съ накинутымъ плащемъ, во второмъ томѣ «Русскихъ

дѣятелей» (изд. 1878 г.); портретъ этотъ овальный и вклеенъ въ особую литографированную рамку, подобно всѣмъ остальнымъ портретамъ въ изданіи Баумана. М. М. Стасюлевичъ напечаталъ литографированный портретъ-копію съ Райта въ 1-мъ томѣ «Русской Библіотеки». «Нива» въ 1877 г. дала портретъ Пушкина, рисованный и гравированный на деревѣ лейпцигскимъ граверомъ А. Нейманомъ, во всю страницу жур-

Гравюра Неймана.

нала. Подъ этой гравюрой съ лѣвой стороны находятся иниціалы гравера: «A. N.», съ правой же, печатными буквами, подпись: «A. Neumann X. A.». Отдѣльные оттиски съ гравюры Неймана, безъ всякихъ измѣненій, были изданы, въ Одессѣ, въ 1889 г., редакціей «Новороссійскаго Телеграфа». Кромѣ того само клише съ гравюры Неймана помѣщено также на первой страницѣ «Новороссійскаго Телеграфа» 1889 г., № 4390.

Упомянутому Нейману пришлось, впрочемъ, гравировать Пушкина не разъ: онъ гравировалъ его и для разныхъ нѣмецкихъ журналовъ—«Gartenlaube», «Illustrirte Zeitung» и др.—и

Портретъ Пушкина, съ офорта акад. Дмитріева-Кавказскаго.

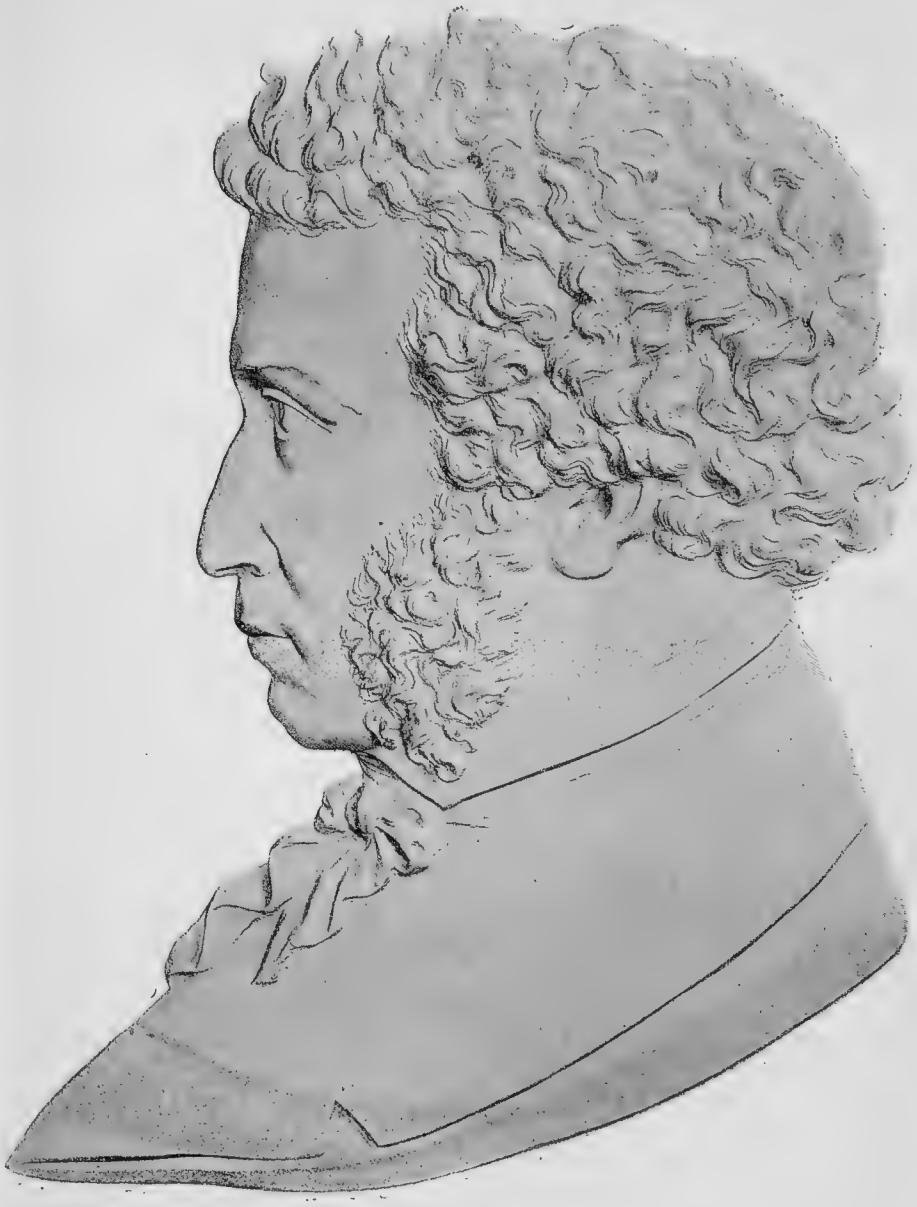
для нѣмецкихъ же лексиконовъ, такъ что, въ общей сложности, рѣзцу Неймана принадлежитъ не менѣе 6—8 портретовъ Пушкина. Когда въ 1882 г. покойный М. О. Вольфъ обратился къ Нейману съ запросомъ—можетъ ли онъ награвировать портретъ

Пушкина для предполагавшаго Вольфомъ собранія сочиненій поэта, Нейманъ отвѣтилъ, что «онъ въ состояніи по памяти воспроизвести портретъ Пушкина, такъ хорошо запомнилъ онъ лицо великаго поэта».

Любопытная и единственная въ своемъ родѣ попытка нарисовать, такъ сказать, идеальный портретъ Пушкина,—въ которомъ были бы соединены въ одно черты лица поэта, представленныя на разныхъ портретахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражены, насколько возможно, всѣ типичныя черты характера и таланта Пушкина,—сдѣлана академикомъ Л. Е. Дмитріевымъ-Кавказскимъ. Офортъ этого художника представляетъ Пушкина en face, съ задумчиво опущенною головою. Африканскія черты лица, вьющіеся волосы, густыя бакенбарды — все это передано прекрасно, но въ общемъ этотъ портретъ Пушкина вызываетъ невольное предположеніе, что такимъ, можетъ быть, былъ бы Пушкинъ, доживъ до 50 лѣтъ, но едва-ли могъ быть и былъ при жизни... Во всякомъ случаѣ, Дмитріевъ-Кавказскій изобразилъ Пушкина старше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Но выраженіе лица передано съ замѣчательною рельефностью и несомнѣнно правдиво. Сравнивая этотъ офортъ Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго съ другими портретами поэта, мы находимъ въ немъ наибольшее сходство съ портретомъ Линева, хотя тотъ портретъ – въ профиль, офортъ же—en face. Первые (avant la lettre) отпечатки офорта появились съ маркою Достоевскаго. Цинкографическая же копія съ офорта была помѣщена въ «Всемірной Иллюстраціи» 1887 г.

Въ 1876 г. появился, въ немногихъ лишь оттискахъ, портретъ Пушкина, нарисованный въ видѣ какъ-бы копіи съ мраморнаго бюста-барельефа и исполненный особымъ способомъ посредствомъ гильоша на камнѣ. Все—именно лицо, голова и вообще весь портретъ—сдѣлано узкими, тонкими штрихами, отчего получились замѣчательный эффектъ и рельефность, ясно напоминающіе выпуклое гипсовое изображеніе. На портретѣ этомъ поэтъ представленъ въ профиль; густыя, большія баки и весь

складъ лица доказываютъ, что художникъ хотѣлъ изобразить



Портретъ Пушкина, рисованный А. К. въ 1876 г.

Пушкина въ послѣдніе годы жизни. На нѣкоторыхъ отти-

скахъ этого портрета находятся иниціалы «А. К.» и годъ «1876»; на другихъ, однакожь, бывшихъ въ моихъ рукахъ оттискахъ—нѣтъ никакой подписи. Нѣсколько экземпляровъ этого портрета (кажется, пробныхъ) я видѣлъ въ собраніи П. Я. Дашкова.

XXII.

Литографированные портреты Пашкова и Иванова.—Гравированные и литографированные портреты Пушкина въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.—Американскій политипажъ Франка Лесли.—Портреты Пушкина для народа.—Портреты поэта въ изданіяхъ г. Павленкова.

Сооруженіе памятника Пушкину въ 1880 г. и громадный интересъ, возбужденный этимъ торжествомъ къ личности поэта, вызвали, конечно, усиленную дѣятельность въ области изданія его портретовъ. Между прочимъ, появился въ Москвѣ довольно большой литографированный портретъ Пушкина, четырехъ-угольнаго формата, изданный Пашковымъ по оригиналу Кипренскаго, съ факсимиле Пушкина и двумя стихами изъ «Памятника»:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Въ томъ-же году І. І. Пашковымъ въ Москвѣ изданъ новый портретъ Пушкина въ натуральную величину, въ большомъ стѣнномъ форматѣ. Портретъ имѣетъ овальную форму, 25 дюймовъ вышины и 20 дюймовъ ширины, и составляетъ довольно удачную копію съ Кипренскаго. Цѣна этому

портрету назначена 10 руб. Этотъ, единственный пока, большой портретъ Пушкина заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія и долженъ бы найти мѣсто во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и на стѣнахъ кабинетовъ поклонниковъ поэта. Между тѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, распространіе его далеко не отвѣчаетъ справедливымъ ожиданіямъ издателя, и даже въ печати изданіе не было надлежащимъ образомъ поощрено, хотя оно вполнѣ заслуживаетъ этого.

Еще одинъ большой, въ листъ, литографированный портретъ Пушкина исполненъ, тоже въ 1880 г., хромолитографіей В. И. Иванова въ Москвѣ, по рисунку Н. С. Матвѣева, сдѣланному тоже по Кипренскому. Этотъ большой, немного меньше натуральной величины, портретъ Пушкина составляетъ одинъ изъ листовъ изданнаго В. И. Ивановымъ «Альбома памяти А. С. Пушкина».

Кромѣ указанныхъ трехъ большихъ портретовъ Пушкина, появились въ томъ-же 1880 г. упомянутая мною въ другомъ мѣстѣ фотографія Фельтена, портретъ Пушкина въ юности, отпечатанный въ фотографіи Н. Индутнаго въ Петербургѣ и рядъ фотографій Везенберга—копій съ Уткина, Соколова и др. На Пушкинской же выставкѣ въ Москвѣ 1880 г. были выставлены портреты Пушкина, рисованные учениками казанской учительской семинаріи: калмыкомъ, мордвиномъ и черемисомъ.

Одновременно съ этими отдѣльными портретами, встрѣчаются въ 1880 г. портреты Пушкина въ большинствѣ иллюстрированныхъ изданій, а также во многихъ иллюстрированныхъ календаряхъ. По большей части, это—рѣзанныя на деревѣ копіи съ Уткинскихъ гравюръ, съ портрета Тропинина и съ рисунка, изображающаго Пушкина въ дѣтствѣ. Новыхъ портретовъ, или хотя-бы съ существенными измѣненіями, между ними нѣтъ. Межовъ, въ своемъ библіографическомъ указателѣ, насчитываетъ всѣхъ портретовъ, появившихся въ 1880 г., одиннадцать, но едва-ли этотъ списокъ можно при-

знавать полнымъ. По указанію Межова [1]), портреты Пушкина появились въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ «Будильникѣ» № 21, въ

Портретъ Пушкина, изданный І. І. Пашковымъ.

«Газетѣ Гатцука» № 21 (портретъ Пушкина въ юности и портретъ

[1]) Межовъ. «Puschkiniana. Библіографическій указатель сочиненій Пушкина».

Пушкина въ 30-хъ годахъ Тропинина, перерисованный Л. Бѣлянкинымъ, гравированный же Рыжовымъ; этотъ послѣдній портретъ повторенъ еще разъ въ «Газетѣ Гатцука» № 23); въ «Живописномъ Обозрѣніи» № 21 (Пушкинъ въ дѣтствѣ, гравюра Варшавской политипажни); въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» № 6 (особое приложеніе); въ «Свѣтъ и Тѣни» № 20 (приложеніе); въ «Игрушечкѣ» № 17; въ «Стрекозѣ» № 23 (рисунокъ А. Лебедева съ подписью: «родился 26 мая 1799 года, умеръ... совсѣмъ не умеръ и до днесь»); въ «Обзорѣ графическихъ искусствъ» № 12 (гравюра Паннемакера по рис. Панова); въ «Огонькѣ» 1880 г. (Пушкинъ въ гробу, Бореля); въ «Русской Старинѣ» (Пушкинъ въ гробу, Брожа); наконецъ въ «Крестовомъ Календарѣ Гатцука» на 1881 годъ (повтореніе гравюры Рыжова изъ «Газеты Гатцука»).

Въ 1882 году вышелъ въ свѣтъ «Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года», изданный «Обществомъ любителей россійской словесности» подъ ред. Льва Поливанова, въ которомъ въ числѣ прочихъ иллюстрацій помѣщено 5 отдѣльныхъ фотографированныхъ портретовъ Пушкина, копіи съ Кипренскаго, Тропинина, Мазера, Брюллова, Козлова, и двѣ фотографированныхъ группы, въ которыхъ тоже находится Пушкинъ: Чернецова и неизвѣстнаго («Кабинетъ Жуковскаго»).

Самый «обильный» до сихъ поръ годъ въ отношеніи появленія портретовъ Пушкина — конечно 1887-й. Не было ни одного почти иллюстрированнаго изданія въ Россіи, которое, по случаю пятидесятилѣтней годовщины смерти поэта, не помѣстило бы того или другаго портрета Пушкина. Появились также и отдѣльные оттиски портретовъ изъ журналовъ, литографіи и фотографіи [1]). Но новаго или выдающагося между ними не было, можно сказать, ни одного портрета, тѣмъ бо-

[1]) Особенно много фотографій выпустилъ фотографъ Везенбергъ въ Петербургѣ въ видѣ дешевыхъ снимковъ съ другихъ готовыхъ фотографическихъ копій.

лѣе, что большинство изданій довольствовалось даже простою перепечаткою старыхъ, бывшихъ уже разъ въ печати, клише. Изъ заслуживающихъ вниманія можно указать на вновь нарисованный съ гравюры Райта Л. Е. Дмитріевымъ-Кавказскимъ портретъ Пушкина съ прибавленіемъ изящной оригинальной рамки-бордюра, изображающей открытую книгу, съ лежащею наверху розою. Портретъ этотъ, отпечатанный въ листъ, изданъ

Американскій политипажъ Франка Лесли.

«книгоиздательствомъ Германа Гоппе», какъ приложеніе къ «Всемірной Иллюстраціи» № 941.

И не въ одной только Россіи, не въ однихъ только русскихъ изданіяхъ появились, по случаю пятидесялѣтія годовщины смерти Пушкина, его портреты. Отголоски торжественнаго празднованія памяти «русскаго Байрона» проникли далеко за предѣлы Россіи, и портретъ Пушкина появился во многихъ

нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и во всѣхъ почти славянскихъ иллюстрированныхъ журналахъ, частію въ оригинальныхъ гравюрахъ, по портретамъ, помѣщеннымъ въ русскихъ изданіяхъ. Онъ проникъ даже въ Америку, и въ одномъ изъ популярнѣйшихъ изданій—«Frank Leslies Illustrated Newspaper» (March 19, 1887) появился портретъ русскаго поэта, гравированный на деревѣ въ Нью-Іоркѣ, съ подписью: «Russia, Alexander Puchkin, poet». Этотъ американскій политипажъ портрета Пушкина любопытенъ въ томъ отношеніи, что на немъ лицу Пушкина придано совершенно особое выраженіе, и его вьющіеся въ поэтическомъ безпорядкѣ волосы и густыя бакенбарды представлены тщательнѣйшимъ образомъ приглаженными.

Съ возрастающею, послѣ 1887 года, популярностью Пушкина возрастаетъ и число его портретовъ, и появляются портреты поэта, спеціально изданные для народа. Какъ уже раньше мною указано, изображенія Пушкина, въ видѣ лубочныхъ, народныхъ картинокъ, были выпущены еще въ 1837 году, вслѣдъ за смертью поэта. Они, однако, не проникли въ народъ и едва-ли сохранились гдѣ-нибудь, какъ украшеніе стѣнъ крестьянскихъ избъ. А вотъ именно для стѣнъ такихъ избъ выпущенъ въ 1888 г. И. Д. Сытинымъ въ Москвѣ, въ числѣ издаваемыхъ имъ народныхъ картинъ, портретъ Пушкина въ видѣ большой величины медальона, окруженнаго разными картинами изъ произведеній Пушкина. Прекрасное исполненіе и изящная отдѣлка лестно выдвигаютъ этотъ портретъ изъ ряда обычныхъ лубочныхъ картинъ, предназначенныхъ для народа [1]). Сытинскій портретъ Пушкина является чуть-ли не первымъ настоящимъ народнымъ портретомъ поэта. Картины, помѣщенныя вокругъ портрета, конечно, тутъ у мѣста и кстати: многія произведенія Пушкина хорошо знакомы народу, и картинки, изображающія сцены изъ этихъ произведеній, мо-

[1]) См. «Русскія Вѣдомости» 1888 г., № 288—отзывъ Е. Н. о народныхъ картинахъ, изданныхъ Н. Д. Сытинымъ.

гутъ служить прекрасною рамкою къ портрету поэта въ крестьянскихъ избахъ, наглядно указывая, кто такой Пушкинъ.

Издательская фирма Ф. Павленкова, выпустившая въ 1887 г. дешевое изданіе сочиненій Пушкина, помѣстила въ немъ портретъ поэта, рѣзанный В. Матэ. Оригиналомъ для этой гравюры служилъ, вѣроятно, портретъ Кипренскаго или гравюра Уткина, но въ «воспроизведеніи» г. Матэ обликъ Пушкина принялъ какой-то странный видъ не то негра, не то русскаго.

Тотъ-же г. Павленковъ украсилъ изданную имъ «Біографію Пушкина» А. М. Скабичевскаго 23 портретами поэта, рѣзанными на деревѣ. Подъ этими портретами, изъ которыхъ большинство въ величину приблизительно серебрянаго двугривеннаго, подписано, что они сдѣланы по Тропинину, Кипренскому, Уткину и пр. Бѣдные художники, вставъ изъ гроба, вѣроятно отреклись бы отъ этихъ портретовъ, равно какъ и самъ Пушкинъ не призналъ бы, что это онъ изображенъ на Павленковскихъ портретахъ,— до того они плохи и не даютъ ни малѣйшаго понятія о различныхъ изображеніяхъ Пушкина.

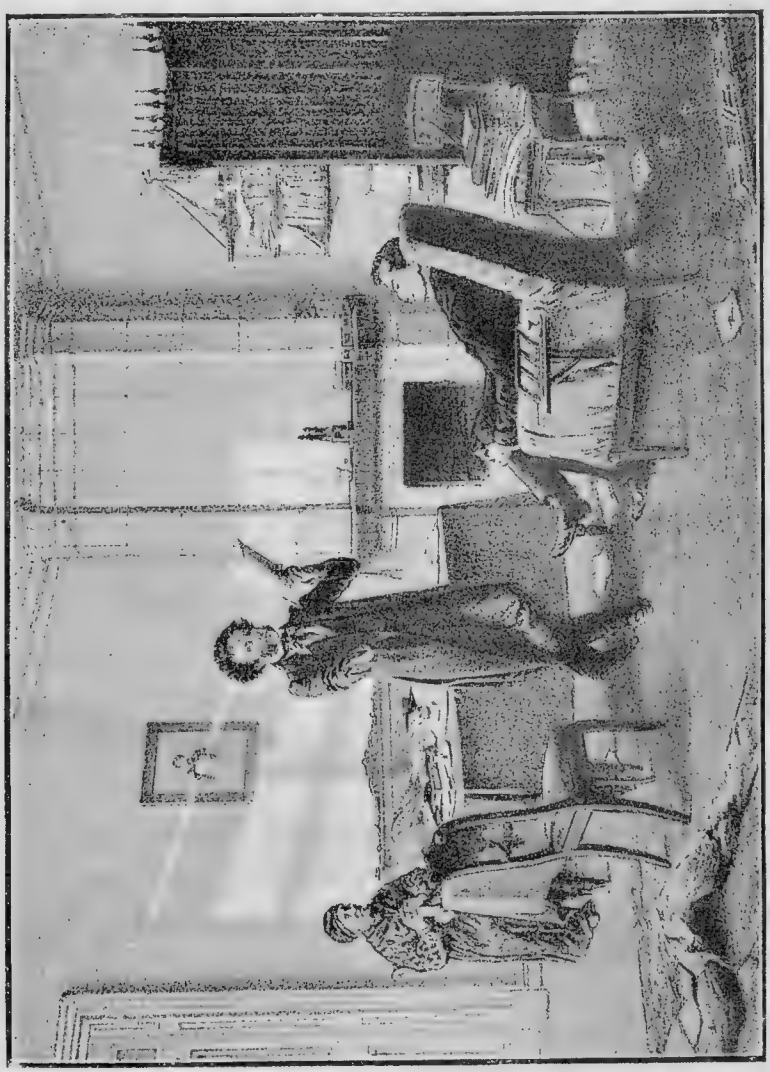
Вообще, насчетъ портретовъ Пушкина, появившихся послѣ его смерти, сдѣлано немало прегрѣшеній, и благодаря неудачнымъ изображеніямъ—многіе имѣютъ теперь совершенно извращенное и невѣрное понятіе о внѣшности знаменитаго поэта.

XXIII.

Историческія картины изъ жизни Пушкина.—«Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» проф. Н. Н. Ге.—Отзывъ объ этой картинѣ А. С. Суворина.—Копіи съ этой картины.

Въ тѣсной связи съ портретами Пушкина находятся историческія картины изъ жизни поэта. На всѣхъ такихъ картинахъ Пушкинъ играетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ бы играть первую роль. Но ни одна изъ этихъ картинъ не писана при жизни Пушкина; съ другой стороны, писали ихъ художники, совсѣмъ не знавшіе лично поэта; понятно, поэтому, что всѣмъ, писавшимъ сцены изъ жизни поэта, пришлось въ изображеніи его довольствоваться болѣе или менѣе вѣрною копировкою прежнихъ, описанныхъ уже нами, портретовъ. Конечно, каждый изъ художниковъ, писавшихъ сцены изъ жизни Пушкина, старался въ изображеніи поэта передавать не только тѣ черты лица, которыя уже представлены на портретахъ, но и влить въ эти черты выраженіе чувствъ и ощущеній, сообразно представленной сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить лицо поэта полнымъ вдохновенія, поэтическаго генія и т. п. Это ясно замѣтно на всѣхъ картинахъ изъ жизни Пушкина. Такихъ картинъ, впрочемъ, очень не много—ихъ не наберется и десятка. Между тѣмъ, казалось бы, что

богатая событіями жизнь поэта должна была бы вызвать множество картинъ, посвященныхъ разнымъ ея сторонамъ и проявленіямъ. Изъ жизни Шиллера, Гете, Шекспира,



А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ, съ картины проф. Н. Н. Ге.

Мольера и другихъ великихъ иностранныхъ поэтовъ существуютъ же цѣлые десятки картинъ, изъ которыхъ многія принадлежатъ кисти наиболѣе знаменитыхъ ихъ соотече-

ственниковъ. Почему же Пушкинъ такъ мало въ этомъ отношеніи «интересуетъ» русскихъ художниковъ? Или, быть можетъ, бѣдность картинъ изъ жизни Пушкина слѣдуетъ объяснить тѣми-же мотивами, которые удерживаютъ польскихъ художниковъ писать картины изъ жизни Мицкевича, а именно убѣжденіемъ, что только «равный по силѣ геній въ живописи въ состояніи изобразить генія въ поэзіи»?...

Наиболѣе популярною картиною изъ жизни Пушкина является картина проф. Н. Н. Ге—«Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ», выставленная впервые на передвижной выставкѣ въ Петербургѣ, въ 1875 г. Картина эта принадлежала Н. А. Некрасову и по смерти его продана въ 1879 г. Борису Григорьевичу Филанову, въ Харьковѣ, гдѣ она находится и до сихъ поръ. Художникъ воспользовался для своего сюжета извѣстнымъ эпизодомъ пребыванія лицейскаго товарища поэта, И. И. Пущина, зимою 1824—25 г., въ Михайловскомъ, куда Пущинъ заѣзжалъ незадолго до декабрскихъ событій. Объ этомъ посѣщеніи упоминаетъ и самъ Пушкинъ, въ стихотвореніи въ память лицейской годовщины—«19 октября 1815 года»:

. . . . Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ!

Въ стихахъ, писанныхъ въ декабрѣ 1826 г. въ Псковѣ, которые были вручены декабристу Пущину, въ день его пріѣзда въ Читу, 5 января 1828 года, Пушкинъ опять припоминаетъ посѣщеніе товарища:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный.
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальникъ, снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей

Даруетъ то-же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

На картинѣ Ге вы видите передъ собою небольшую, невысокую комнату стариннаго барскаго дома, въ которую сквозь невысокое окно заглянуло солнце и рисуетъ на стѣнѣ своими желтыми лучами силуэтъ оконнаго переплета и скромной гардины. Въ рефлексѣ этого яркаго солнечнаго пятна, рисуется характерная обстановка комнаты: въ углу направо изразцовый, едва тлѣющій каминъ, съ извѣстною статуэткою Наполеона, скрестившаго «могучія руки»; правѣе—ширма красной тафты съ переплетомъ изъ стрѣлъ; подлѣ—стулъ стиля empire; на стѣнѣ, освѣщенной солнцемъ, гравированный портретъ Байрона. На полу валяется открытый чемоданчикъ только-что пріѣхавшаго Пущина; на диванѣ—его же шуба. Самъ онъ завалился въ обширное домодѣльное кресло, обитое синимъ шелкомъ, и, охвативъ руками колѣна, внимательно слушаетъ Пушкина, читающаго ему вслухъ изъ какой-то тетрадки [1]), которую онъ держитъ въ рукахъ, прислонившись къ стоящему посреди комнаты столу. Молодое, выразительное лицо Пушкина горитъ одушевленіемъ, между тѣмъ какъ любящіе глаза Пущина впились въ читающаго поэта; вся физіономія его, радостная, полуулыбающаяся, свѣтится благородствомъ и добродушіемъ. Но Пущинъ не единственный тутъ слушатель: налѣво, у двери, у самой стѣны, сидитъ залитая солнцемъ старушка-няня, прославленная Пушкинымъ Арина Родіоновна. Она пріостановила на время движеніе спицъ и прислушивается къ чтенію своего воспитанника и любимца.

Пушкинъ изображенъ на картинѣ Ге въ молодые годы, и задача художника состояла въ томъ, чтобы возсоздать образъ поэта въ этомъ возрастѣ по двумъ наиболѣе извѣстнымъ пуб-

---

[1]) Тетрадка эта—«Горе отъ ума», которое въ рукописи привезъ поэту Пущинъ. Комедія Грибоѣдова до этого времени была мало извѣстна поэту.

ликѣ портретамъ: одному, изображающему Пушкина мальчикомъ, и другому—изображающему его въ зрѣломъ возрастѣ. Кромѣ того, художнику пришлось изобразить поэта во весь ростъ просто съ головы, такъ какъ всѣ существующіе и снятые при жизни портреты Пушкина, какъ мы уже знаемъ, грудные. Проф. Ге справился со свою задачею вполнѣ удовлетворительно: его Пушкинъ несомнѣнно похожъ, экспрессія молодаго вдохновеннаго лица удачна, поза—прекрасная.

А. С. Суворинъ, въ статьѣ своей «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» [1]), высказываетъ мнѣніе, что, глядя на картину проф. Ге и въ особенности останавливаясь на фигурѣ внимательно прислушивающагося къ чтенію и видимо восхищающагося имъ Пущина, «независимо отъ намѣренія художника, думаешь, что это—Пушкинъ и Россія, та пробудившаяся, радостная, любящая, исполненная надеждъ и стремленій Россія, которая повторяла на всѣхъ концахъ своихъ вдохновенныя рѣчи поэта и готова была беречь его и лелѣять отъ всѣхъ бурь и невзгодъ, какъ самое милое дитя свое».

Комната Пушкина и всѣ аксессуары представлены на картинѣ Ге съ возможною точностью, частью списаны съ натуры, по сохранившимся предметамъ, частью по описанію современниковъ. Тутъ видна и ширма, закрывающая кровать съ пологомъ, и полка съ книгами, находящаяся теперь въ Тригорскомъ, та самая, которая висѣла въ комнатѣ Пушкина въ Михайловскомъ, и «поэтическій безпорядокъ», описанный такъ подробно Пущинымъ. Словомъ, картина Ге даетъ прекрасное понятіе о «кабинетѣ» Пушкина. Двѣ только незначительныя неточности допустилъ художникъ,—неточности, какъ-бы оправдываемыя художественными цѣлями, но несогласныя съ дѣйствительностію. Первая изъ нихъ—большой коверъ на полу. А. Н. Вульфъ, другъ и сосѣдъ Пушкина, знавшій поэта въ Михайловскомъ, говорилъ, что на полу въ комнатѣ Пушкина

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1875 г., т. I, № 4.

ничего не было, что вообще въ то время коверъ на полу составлялъ величайшую рѣдкость и роскошь въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Письменный столъ у Пушкина тоже былъ простой, деревянный, безъ всякой покрышки. Но это—мелочи, не отнимающія у картины истиннаго ея значенія.

Разсказываютъ, что проф. Ге имѣлъ первоначально мысль —помѣстить на картинѣ, кромѣ Пущина и няньки, еще настоятеля Святогорскаго монастыря, какъ аллегорическую фигуру старой, отжившей Россіи, не понимавшей и не желавшей признавать взошедшаго свѣтила; но художникъ будто-бы побоялся упрека въ тенденціозности, въ подчеркиваніи. Эпизодъ же, избранный художникомъ для картины, несомнѣнно одинъ изъ самыхъ выразительныхъ въ жизни Пушкина, совершенно понятный безъ всякихъ подчеркиваній...

Картина Ге была воспроизведена много разъ, самыми разнообразными способами: посредствомъ фотографіи, хромолитографіи, ксилографіи и цинкографіи, такъ что получила огромное распространеніе.

Въ 1875 г. съ картины Ге была снята фотографія петербургскимъ фотографомъ Каррикомъ; фотографическіе снимки его находятся и до сихъ поръ въ продажѣ. Въ томъ-же году появилась въ «Древней и Новой Россіи» хромолитографированная копія съ картины Ге, работы Граціанскаго. Затѣмъ въ 1879 г. гравированная на деревѣ копія приложена къ «Огоньку» (№ 14); въ 1880 г. такія-же копіи помѣщены въ «Газетѣ Гатцука» и въ «Нивѣ» (№ 4; тутъ она перерисована Дальквичемъ, рѣзана Б. Пуцомъ въ Варшавѣ). Въ 1882 году въ «Альбомѣ Московской Пушкинской выставки» встрѣчаемъ фотолитографію М. М. Панова съ картины Ге. Въ 1887 году картина Ге была воспроизведена на деревѣ въ «Живописномъ Обозрѣніи» (№ 5, гравюра Львова), въ «Всемірной Иллюстраціи» (№ 941, съ замѣткою, въ которой говорится, между прочимъ: «фигурою поэта мы довольны всего менѣе, но не можемъ не сознаться, что она и труднѣе всего въ этой

сценѣ»)) и въ друг. журналахъ; наконецъ, въ томъ-же году «Новь» дала точную автотипическую копію, травленную на цинкѣ непосредственно по фотографіи съ картины. Этотъ списокъ является, однако, далеко еще не полнымъ, и картина Ге воспроизведена во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, сочиненіяхъ и сборникахъ.

XXIV.

Дуэль Пушкина въ картинахъ.—Картина А. Волкова.—Разсказъ Данзаса.—Картина А. А. Наумова.—Мнѣніе Г. К. Градовскаго и другихъ критиковъ объ этой картинѣ.—Картина К. Н. Чичагова.—Акварель Соколова.—Рисунокъ В. А. Федорова.—Рисунокъ П. Ф. Бореля: «Прибытіе раненаго Пушкина послѣ дуэли».

А. С. Суворинъ въ упомянутой статьѣ своей въ «Древней и Новой Россіи» называетъ картину проф. Ге первою историческою картиною изъ жизни Пушкина. Это невѣрно. Заслуга написанія первой такой картины принадлежитъ академику Адріану Волкову, который еще въ пятидесятыхъ годахъ написалъ картину, изображающую «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ». На эту картину, однакожь, тогда почти никто не обратилъ вниманія и даже мало кто зналъ о ея существованіи.

Картина Волкова представляетъ зимній пейзажъ; на заднемъ планѣ виднѣются обнаженныя отъ листьевъ деревья, изъ-за которыхъ справа видны запряженныя сани; поодаль же, около деревьевъ, стоитъ и одинъ изъ секундантовъ. На переднемъ планѣ—Пушкинъ, упавшій на шинель; опершись на лѣвую руку, онъ направилъ пистолетъ въ своего противника, стоящаго въ отдаленіи, въ довольно спокойной позѣ, съ заложенною за бортъ сюртука лѣвою рукою и съ опущеннымъ пистолетомъ въ дру-

гой рукѣ. Надъ Пушкинымъ, у котораго изъ лѣваго бока струится кровь, наклонился его секундантъ, К. К. Данзасъ, въ военной треугольной шляпѣ и эполетахъ.

Волковъ, задумавъ писать картину дуэли Пушкина,—какъ передаетъ П. А. Ефремовъ [1]),—обратился къ Данзасу съ просьбою указать ему, гдѣ происходила дуэль. Данзасъ возилъ художника на мѣсто поединка, и Волковъ сдѣлалъ эскизъ масляными красками. Обстановка картины была написана съ натуры.

Картина Волкова совершенно вѣрно передаетъ сцену, описанную подробно въ «Послѣднихъ дняхъ жизни А. С. Пушкина, со словъ Данзаса» (Спб. 1863), и можетъ служить прекрасною иллюстраціей къ этимъ словамъ:

«Пушкинъ, по разсказу Данзаса, первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время Дантесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ, и Пушкинъ, падая на лежавшую тутъ-же шинель Данзаса, сказалъ по-французски:

«— У меня, кажется, раздроблено бедро.

«Секунданты бросились къ нему, и когда Дантесъ намѣревался сдѣлать то-же—Пушкинъ удержалъ его словами:

«— Постойте! я чувствую въ себѣ еще столько силы, чтобы выстрѣлить.

«Дантесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукою.

«При паденіи Пушкина, пистолетъ его попалъ въ снѣгъ, и поэтому Данзасъ подалъ ему другой.

«Приподнявшись нѣсколько и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ.»

Это именно мгновеніе представилъ Волковъ на своей картинѣ.

Картина Волкова была пріобрѣтена отъ вдовы художника

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XXVIII, стр. 530.

содержателемъ типографіи въ Тюмени, К. Высоцкимъ. Объ этомъ упоминается въ книгѣ «Вѣнокъ на могилу Пушкина» (стр. 343), въ письмѣ въ редакцію «Новаго Времени» въ 1880 г., № 1532,

Дуэль Пушкина, съ картины академика А. Волкова.

и въ каталогѣ Пушкинской выставки въ Петербургѣ 1880 г., гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сказано, что картина продается.

Съ картины Волкова еще въ 1873 г. художникъ Коверз-

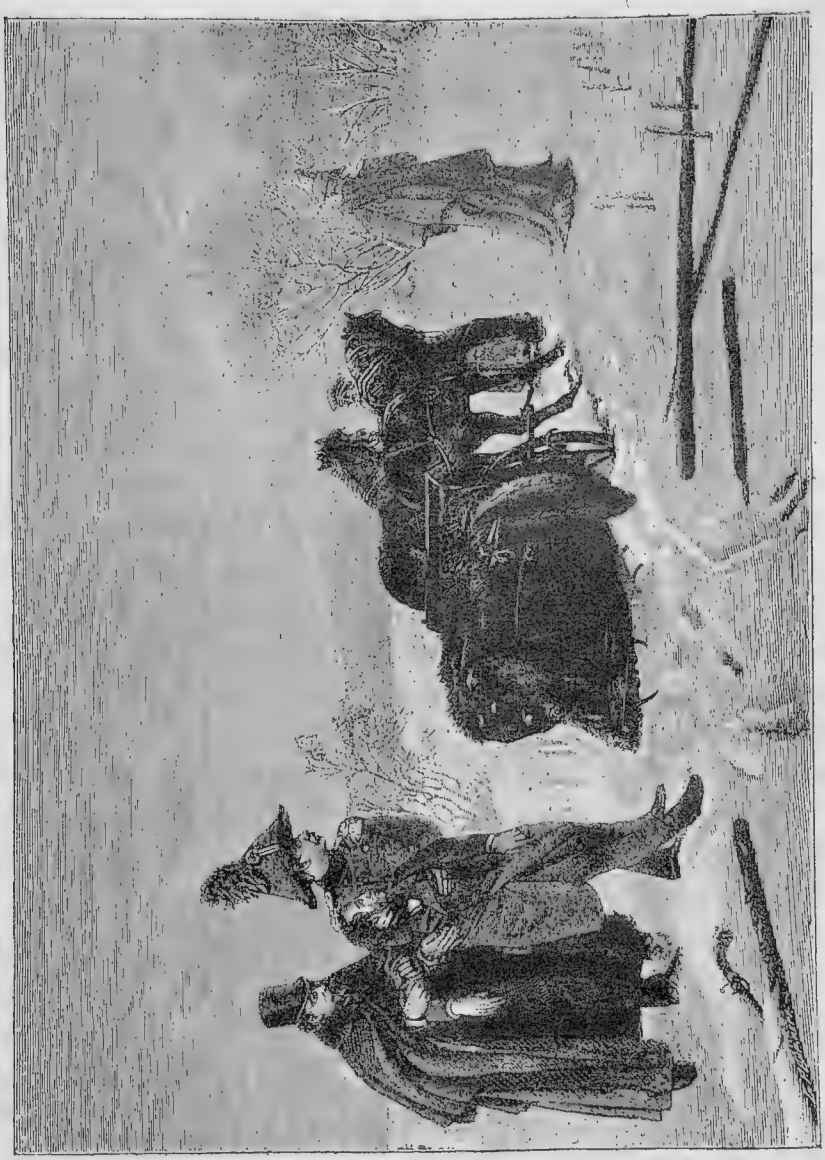
невъ срисовалъ для «Нивы» копію, гравированную затѣмъ на деревѣ Герасимовымъ и помѣщенную въ «Нивѣ» въ 1873 г. (№ 33) съ подписью—«А. С. Пушкинъ, смертельно раненый на поединкѣ съ барономъ Гекереномъ-Дантесомъ, 27 января 1837 г., съ картины, писанной по словесной передачѣ покойнымъ академикомъ Волковымъ». Тотъ-же рисунокъ Коверзнева появился затѣмъ въ «Газетѣ Гатцука» 1875 г. (№ 7). Другой снимокъ приложенъ къ «Русскому Богатству» 1876 г. (№ 1).

Кромѣ Волкова, дуэль Пушкина писалъ въ 1884 году А. А. Наумовъ. На его картинѣ изображенъ, однакожь, не самый моментъ дуэли, но уже печальная развязка ея. Пушкинъ представленъ смертельно раненымъ, въ ту минуту, когда секунданты готовятся усадить его въ тѣ наемныя парныя сани, которыя привезли его и Дантеса къ мѣсту поединка. Середина картины занята парными, въ дышло, большими санями. Влѣво—группа изъ трехъ лицъ: это Данзасъ и д'Аршіакъ подняли раненаго Пушкина и ведутъ его подъ руки усадить въ сани. За ними брошена на снѣгъ шуба, стоитъ пистолетный ящикъ, валяется пистолетъ, слѣды крови на снѣгу. Вправо—спиною къ зрителямъ удаляется Дантесъ. Поэтъ уже не можетъ двигаться, но духъ его живъ. Голова, взоръ, всякая черта этого лица еще дышетъ жизнью, но по ослабленной, подкошенной фигурѣ уже чувствуется, что надъ тѣломъ поэта простерта рука смерти. Это, какъ замѣчаетъ Г. К. Градовскій въ статьѣ о картинѣ Наумова [1]), исторически вѣрно и вполнѣ удачно намекаетъ на безсмертіе поэта. Взоръ Пушкина устремленъ въ даль, гдѣ виднѣется фигура его противника, который въ смущеніи, быстрыми шагами удаляется отъ роковаго мѣста снѣжной поляны, орошенной кровью геніальнаго поэта. Во взглядѣ Пушкина видна и ненависть, и жалость, и презрѣніе къ противнику.

---

[1]) «Новь», 1885, № 6.

Въ отношеніи достоинствъ картины Наумова, сейчасъ же послѣ того, какъ она была выставлена въ 1884 году въ Пе-



Дуэль Пушкина, съ картины А. А. Наумова.

тербургѣ, мнѣнія раздѣлились. Одни считали картину крупнымъ и выдающимся произведеніемъ русской живописи, другіе,

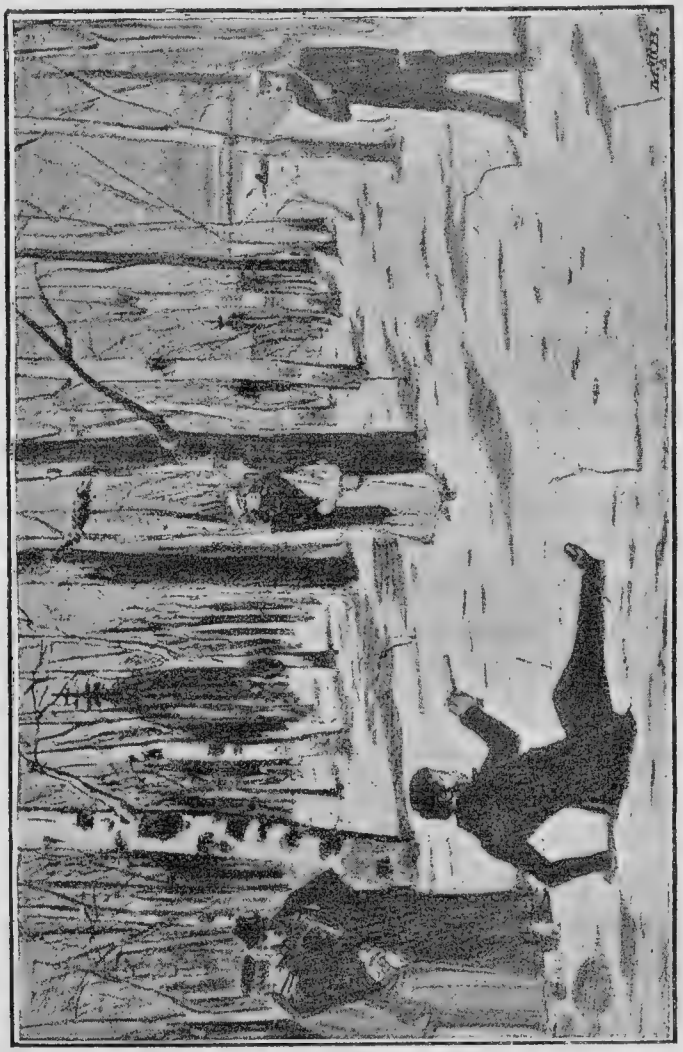
напротивъ, отказывали ей во всякомъ выдающемся значеніи, утверждая, что художникъ не понялъ ни характера изображеннаго имъ событія, ни положенія дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ; указывали также на массу промаховъ, какъ, напр., на «деревянныя ноги» Пушкина, на невѣрную перспективу саней, которыя представлены такими коротенькими, что Пушкинъ не могъ бы на нихъ никакъ помѣститься, и т. п. По мнѣнію художественнаго критика «Русской Мысли» (1885 г., № 4), фигурѣ Пушкина дано крайне неудачное положеніе. «Онъ теряется между фигурами лицъ, поддерживающихъ раненаго поэта. Ноги Пушкина какъ-то мѣшаются, путаются съ ногами Данзаса,—не сразу разберешь, какія принадлежатъ какой фигурѣ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, придающихъ высокое значеніе картинѣ Наумова, она важна не только тѣмъ, что представляетъ фактъ историческій, но и тѣмъ, что въ ней воплощена идея. «Зная всѣ обстоятельства и подробности этой роковой дуэли,—пишетъ Г. К. Градовскій, - просвѣщенный зритель замѣчаетъ на этомъ полотнѣ то, что на немъ не нарисовано, что скрыто въ глубинѣ мысли, воспроизведшей эту картину. Чужіе люди, видимо не сознающіе всей важности совершившагося, окружаютъ Пушкина. Для нихъ это свѣтскій знакомый; они не подозрѣваютъ, что ихъ имена будутъ увѣковѣчены только потому, что судьбѣ угодно было сблизить ихъ съ великимъ человѣкомъ въ такую минуту. Они полагаютъ даже, что они равны Пушкину. Такъ говоритъ картина:...»

Совершенно иначе судитъ о картинѣ критикъ «Русской Мысли», М. Н. Р. По его мнѣнію, «на самой картинѣ не усматривается ни признака вдохновенія, ни слѣда серьезной думы».

«Дуэль Пушкина» Наумова была пріобрѣтена Е. И. В. великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, который, однакожь, не оставилъ картины у себя, а поднесъ ее въ даръ Императорскому Александровскому лицею, гдѣ она и хранится

теперь въ той «Пушкинской залѣ», въ которой собраны вещественныя воспоминанія о Пушкинѣ, его портреты, рисунки къ его сочиненіямъ и проч.



Дуэль Пушкина, съ картины К. Н. Чичагова

Еще рисовалъ дуэль Пушкина въ 1880 г. К. Н. Чичаговъ. На акварельномъ рисункѣ послѣдняго, составившемъ премію къ журналу «Будильникъ» 1880 г., изображенъ тотъ-же мо-

ментъ дуэли, какъ у Волкова, т.-е. моментъ, когда смертельно раненый и упавшій на землю Пушкинъ, упираясь одною рукою въ землю, другою направляетъ выстрѣлъ въ своего противника. Саней, которыя помѣщены на видномъ мѣстѣ какъ у Наумова, такъ и у Волкова, на рисункѣ Чичагова нѣтъ. Зато заботливый художникъ помѣстилъ на своей картинѣ, кромѣ двухъ секундантовъ, еще и доктора, котораго забыли взять съ собою сами дуэлисты... Не смотря, однако, на явную неточность, рисунокъ Чичагова проникъ въ публику и сдѣлался довольно популярнымъ, сперва какъ премія къ журналу, а затѣмъ въ маленькихъ фотографическихъ снимкахъ, фотографовъ Александровскаго и Оскара Мейера въ Москвѣ; снимки, эти, цѣною 15, 25 и 50 коп., разошлись въ массѣ экземпляровъ.

На Пушкинской выставкѣ 1880 г., передъ самымъ уже закрытіемъ выставки, появилась еще одна акварель, изображающая дуэль Пушкина, работы Соколова. На этой акварели тотъ-же промахъ, какъ у Чичагова: въ числѣ находящихся на плацу лицъ помѣщенъ докторъ, котораго, какъ извѣстно, на мѣстѣ дуэли не было. Кромѣ того, по словамъ М. И. Семевскаго [1]), акварель замѣчательна тѣмъ, что авторъ «какъ-то изумительно вывернулъ ноги Пушкину и за все это назначилъ цѣну 1000 рублей».

На той-же Пушкинской выставкѣ находилась картина масляными красками неизвѣстнаго художника, изображающая тоже дуэль Пушкина,—собственность И. И. Глазунова.

Наконецъ, дуэль Пушкина рисовалъ В. А. Федоровъ. Рисунокъ его, исполненный, какъ и всѣ картины дуэли, по описаніямъ Данзаса и Амосова, представляетъ тотъ-же самый моментъ дуэли, какъ у Чичагова: Пушкинъ лежитъ на раскинутой на снѣгу шинели и, подпираясь одною рукою, другою направляетъ пистолетъ въ своего противника. Фигура Пушкина занимаетъ крайнюю правую сторону рисунка; надъ ней стоитъ, скрестивъ руки, секундантъ

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., т. XXX.

въ штатскомъ платьѣ (вѣроятно Данзасъ); напротивъ, почти въ серединѣ—Дантесъ, а рядомъ съ секундантомъ Пушкина—

Прибытіе раненаго Пушкина послѣ дуэли, съ рисунка П. Ф. Бореля.

секундантъ его противника, закутанный въ шинель, причемъ какъ Дантесъ, такъ д'Аршіакъ одѣты въ формы восьмидеся-

тыхъ годовъ... Рисунокъ Федорова вообще плохъ; онъ помѣщенъ въ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни» 1880 г., № 22.

По указанію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1880 г. (№ 139), кромѣ того, у извѣстнаго собирателя рѣдкихъ картинъ, А. Вышеславцева, существовалъ «купленный имъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Москвѣ, на толкучемъ рынкѣ, писанный масляными красками портретъ (?), весьма незавидной въ художественномъ отношеніи работы, на которомъ Пушкинъ изображенъ стрѣляющимъ изъ пистолета». Я навелъ справки у самого г. Вышеславцева—и указаніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» оказалось лишеннымъ всякаго основанія. «Этой картины,—пишетъ А. Вышеславцевъ въ письмѣ отъ 6 ноября 1887 г.,—не только что нѣтъ у меня, но я никогда не слыхалъ о ея существованіи».

Равнымъ образомъ ложнымъ оказался слухъ, будто у В. Д. Спасовича имѣется акварельный рисунокъ какого-то польскаго художника, изображающій Пушкина и Мицкевича у памятника Петра Великаго, какъ иллюстрація къ стихотворенію Мицкевича «Памятникъ Петра Великаго». «Я никогда не видалъ ничего похожаго на картину двухъ славянскихъ поэтовъ у памятника Петра Великаго, — пишетъ мнѣ В. Д. Спасовичъ въ письмѣ отъ 20 января 1888 г.—Это весьма благодарная для картины тема, но, насколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ не пробовалъ ее осуществить». Не знаетъ о подобной картинѣ и авторъ польской монографіи о портретахъ Мицкевича, г. Леопольдъ Мейетъ.

П. Ф. Борель, какъ-бы въ дополненіе къ картинамъ Волкова, Наумова и Чичагова, нарисовалъ «Прибытіе раненаго Пушкина послѣ дуэли». Рисунокъ этотъ изображаетъ сцену, разсказанную Данзасомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ шесть часовъ пополудни привезенъ былъ Пушкинъ домой. Камердинеръ принялъ его изъ кареты (Пушкинъ, какъ пишетъ Амосовъ въ «Послѣднихъ дняхъ жизни А. С. Пушкина», довезенъ былъ на саняхъ до комендантской дачи, и тутъ пересаженъ

въ присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ-отцомъ карету) и бережно понесъ на верхъ по лѣстницѣ.

— Грустно тебѣ нести меня?—спросилъ у него Пушкинъ.

«Его внесли въ кабинетъ».

Этотъ-то моментъ изображенъ на рисункѣ.

Камердинеръ изъ кареты несетъ тяжело-раненаго и, какъ видно, бывшаго уже безъ чувствъ поэта. Другой слуга, съ лицомъ полнымъ ужаса, выскакиваетъ изъ подъѣзда. Третьимъ изображеннымъ на рисункѣ лицомъ—долженъ быть Данзасъ такъ какъ, по описанію Амосова, именно онъ отвозилъ Пушкина; но тогда почему онъ не въ военной формѣ?... Двое прохожихъ—единственные свидѣтели всей сцены—съ недоумѣніемъ глядятъ на происходившую передъ ихъ глазами сцену. Къ сожалѣнію, о рисункѣ Бореля можно сказать, что онъ не соотвѣтствуетъ глубокому трагизму изображеннаго на немъ момента. Рисунокъ этотъ былъ помѣщенъ во «Всемірной Иллюстраціи», № 837.

Самый трагическій моментъ въ жизни Пушкина, его смерть, до сихъ поръ еще ни разу не былъ воспроизведенъ ни кистью художника, ни карандашемъ иллюстратора. Существуетъ лишь, по слухамъ, небольшая картинка, изображающая Даля у кровати раненаго Пушкина и пріобрѣтенная будто-бы недавно С. Третьяковымъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, нельзя не согласиться съ А. С. Суворинымъ, что послѣдніе дни жизни Пушкина годились бы для большой картины, которая могла бы приковать къ себѣ общее вниманіе.

XXV.

Картины Айвазовскаго: «Пушкинъ на берегу моря», «Пушкинъ на Урзуфѣ» «Пушкинъ на берегу Чернаго моря», «Пушкинъ въ Крыму съ семействомъ Раевскихъ».—Отзывы критики объ этихъ картинахъ.

Львиная доля всѣхъ, до сихъ поръ написанныхъ картинъ на темы изъ жизни Пушкина, принадлежитъ И. К. Айвазовскому. Вдохновенный чуднымъ стихотвореніемъ Пушкина «Къ морю», маститый художникъ написалъ пять картинъ, изображающихъ Пушкина въ обстановкѣ величественнаго морскаго вида. Конечно, на этихъ картинахъ знаменитаго мариниста, въ сущности, главную роль играетъ воспѣтое поэтомъ море, самъ же Пушкинъ является лишь элементомъ добавочнымъ, стоитъ, такъ сказать, на заднемъ планѣ и, строго говоря, картины проф. Айвазовскаго едва-ли могутъ считаться историческими картинами изъ жизни Пушкина, хотя онѣ и иллюстрируютъ одинъ изъ эпизодовъ жизни поэта—его пребываніе въ Урзуфѣ, на берегу Чернаго моря, плодомъ чего и явилось высоко-поэтическое его стихотвореніе «Къ морю».

За исключеніемъ одной, всѣ картины проф. Айвазовскаго служатъ иллюстраціей къ этому стихотворенію, но изображаютъ различные его моменты: на однѣхъ Пушкинъ изображенъ

въ ту именно минуту, когда онъ прощается съ моремъ, на другихъ—въ моментъ созерцанія, наблюденія моря и восхищенія имъ.

Первый разъ проф. Айвазовскій написалъ Пушкина на берегу моря въ 1880 году. Картина, названная: «Пушкинъ на берегу южнаго Крыма», была написана, какъ увѣряютъ, въ

«Пушкинъ на берегу южнаго Крыма», рисунокъ худ. Малиновскаго, съ картины проф. И. К. Айвазовскаго.

нѣсколько дней. Айвазовскій услыхалъ въ обществѣ декламацію извѣстнаго стихотворенія «Къ морю»—и въ ту-же, будтобы, минуту въ знаменитомъ маринистѣ возгорѣлось желаніе изобразить «пѣвца моря» на южномъ берегу Крыма. Маститый художникъ изобразилъ Пушкина на этотъ разъ въ стоячей позѣ. На выступѣ скалы, на самомъ краю ея, стоитъ поэтъ, съ обнаженною головою, скрещенными на груди рука-

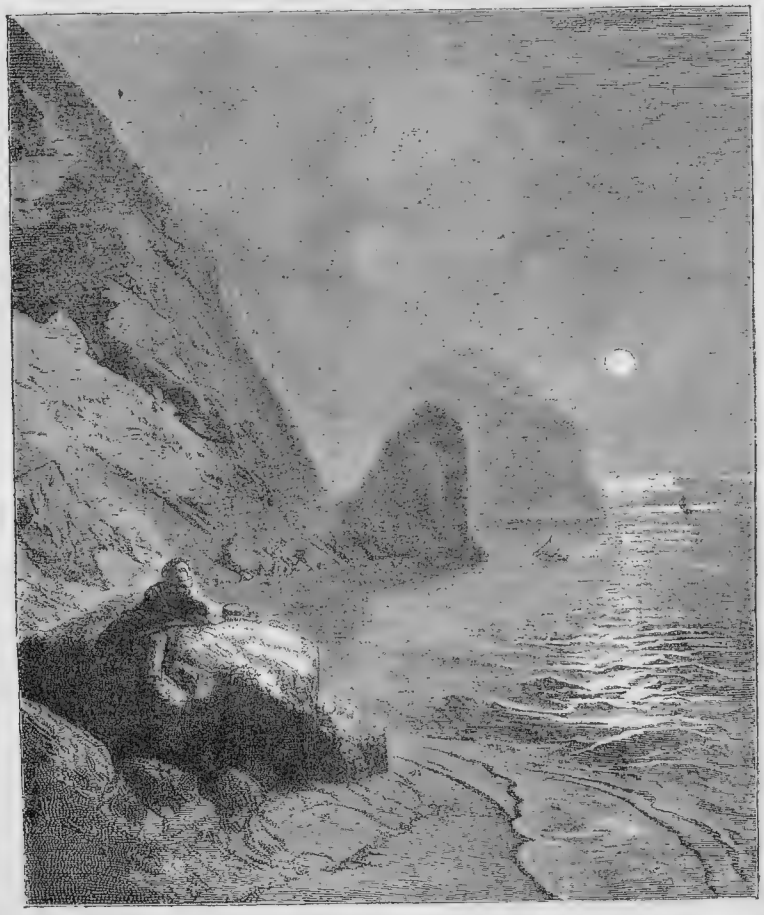
ми, очевидно восхищаясь видомъ моря, на которомъ колышется у подножья противоположной скалы корабль, а вдали виднѣется лодка.

Эта первая картина Айвазовскаго была помѣщена на Пушкинской выставкѣ 1880 года въ Петербургѣ, но не обратила на себя особеннаго вниманія. Вообще, изъ всѣхъ «Пушкинскихъ» картинъ Айвазовскаго она наименѣе извѣстна, и въ снимкахъ, кажется, совсѣмъ не появлялась. Разъ только, по порученію покойнаго М. О. Вольфа, непосредственно съ картины снятъ былъ рисунокъ карандашомъ польскимъ художникомъ Малиновскимъ, тѣмъ самымъ, который срисовалъ для Вольфа же маску Пушкина. Рисунокъ Малиновскаго предназначался для подготовлявшагося Вольфомъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина. Подлинная картина Айвазовскаго пріобрѣтена была княземъ П. П. Вяземскимъ.

Что касается самаго изображенія Пушкина, то какъ на этой, такъ и на другихъ своихъ картинахъ, И. К. Айвазовскій воспроизводилъ портретъ поэта, соображаясь, преимущественно, съ сохранившимися въ гравюрахъ и литографіяхъ изображеніями Пушкина, отыскивая и стараясь передать такъ называемое среднее сходство, подходящее къ общеизвѣстному облику поэта.

Вторая картина Айвазовскаго называется «Пушкинъ на Урзуфѣ». Эта картина, размѣрами значительно больше первой, находилась на Пушкинской выставкѣ 1880 г. съ подписью: «Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ...» Морской пейзажъ и восхищающійся имъ поэтъ представлены на картинѣ ночью, при яркомъ свѣтѣ луны. Это отвѣчаетъ вполнѣ словамъ Пушкина въ его письмѣ къ барону Дельвигу, въ которомъ, упоминая о жизни въ Урзуфѣ, поэтъ писалъ: «Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы...» (письмо изъ Михайловскаго, отъ декабря 1824 г.), а также и стихамъ его, въ которыхъ, упоминая о музѣ, Пушкинъ говоритъ:

Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во тьмѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Творцу міровъ!



«Пушкинъ на Урзуфѣ», съ картины проф. И. К. Айвазовскаго.

Некрасовъ въ своей поэмѣ «Русскія женщины», устами княгини М. Н. Волконской, тоже упоминаетъ о томъ, что Пушкинъ и ночью ходилъ восхищаться морскимъ видомъ:

Онъ (Пушкинъ) намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ—
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ.

На картинѣ «Пушкинъ на Урзуфѣ» поэтъ изображенъ въ сидячемъ, вѣрнѣе—въ полулежачемъ положеніи на прибрежной скалѣ, съ обнаженною головою, опершись на лѣвую руку. Онъ, очевидно, залюбовался волшебнымъ видомъ моря, освѣщеннаго луною. Вдали виднѣются парусныя суда.

Съ картины «Пушкинъ на Урзуфѣ» снята была А. Лоренковичемъ и С. Д. Лаптевымъ фотографія. По этой фотографіи М. Далькевичемъ сдѣланъ былъ для «Всемірной Иллюстраціи» рисунокъ на деревѣ, помѣщенный въ этомъ журналѣ въ 1880 г., № 672, а затѣмъ еще разъ въ 1887 г., № 941.

Что касается отзывовъ критики, то «Пушкинъ на Урзуфѣ» былъ встрѣченъ въ печати далеко не сочувственно. Вполнѣ признавая всѣ прелести морскаго пейзажа, въ которомъ высокоталантливый художникъ не имѣетъ себѣ равнаго, упрекали И. К. Айвазовскаго въ совершенно неудачной фигурѣ Пушкина, находя ее неестественною, чуть не карикатурною. Появились также, вслѣдъ за выставкою 1880 г., рѣзкіе отзывы, совершенно порицавшіе картину даже въ отношеніи пейзажа. Такъ, напримѣръ, въ «Молвѣ» 1880 г. была напечатана объ этой картинѣ такая замѣтка: «Что это за непозволительный подносъ съ изображеніемъ Пушкина, величиною въ-полгоры, съ бланжевою луною, отражающеюся полосками на полотнѣ, замалеванною синею краскою» и т. д. [1]).

Въ 1887 г. Айвазовскій написалъ новую картину, изображающую поэта восхищающимся морскимъ видомъ при вечернемъ закатѣ солнца. Эта новая картина названа: «Пушкинъ на берегу моря» и отличается отъ двухъ предыдущихъ прежде всего тѣмъ, что фигура поэта помѣщена на ней не въ уголкѣ, какъ на прежъ-

[1]) «Молва», 1880 г., № 310.

нихъ картинахъ, а почти въ самой серединѣ, такъ что, несмотря на величавый морской пейзажъ, она не теряется и сразу обращаетъ на себя вниманіе зрителя. Пушкинъ лежитъ на отлогой при-

«Пушкинъ на берегу моря», съ картины И. К. Айвазовскаго.

брежной скалѣ, выступившей далеко въ море. Въ одной рукѣ онъ держитъ соломенную шляпу, другою—подпираетъ голову; рядомъ лежатъ сюртукъ (Пушкинъ лежитъ въ жилетѣ, безъ

сюртука) и тросточка поэта. Глаза Пушкина устремлены вдаль, на могучія морскія волны, катящіяся съ шумомъ и ревомъ у его ногъ. На этихъ волнахъ не видно ни корабля, ни лодокъ, которые изображены на другихъ упомянутыхъ уже картинахъ. Вдали виднѣются лишь огромныя горы, окутанныя вечерними тѣнями... Слѣдуетъ полагать, что художникъ имѣлъ въ виду иллюстрировать главнымъ образомъ чертвертую строфу стихотворенія «Къ морю»:

Какъ я любилъ твои отзывы.
Глухіе звуки, бездны гласъ
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы...

Морской пейзажъ картины—чудесный; прозрачныя, влажныя волны представлены мастерски. «Кажется, слышишь гармоническій шумъ волны и ея тихое, лѣнивое бореніе съ другой, мелкой, набѣгающей сзади, волной,—пишетъ І. І. Ясинскій объ этомъ пейзажѣ.—Точно сейчасъ слышится журчаніе маленькихъ ручейковъ соленой воды, струящейся по гравію обратно въ море. Это журчаніе напоминаетъ собою шипѣніе тысячи маленькихъ змѣекъ, торопливо уползающихъ куда-то межъ камней» [1]).

Что касается самой фигуры Пушкина, то и на этотъ разъ она не въ состояніи была удовлетворить знатоковъ. Пушкинъ кажется на этой картинѣ какимъ-то гигантомъ, великаномъ, превышающимъ ростомъ морскія скалы; при этомъ онъ слишкомъ толстъ, лицо его совсѣмъ неподвижное и очеркомъ своимъ больше напоминаетъ лицо И. К. Айвазовскаго, нежели Пушкина. Кромѣ того, въ самой позѣ Пушкина усмотрѣны недостатки: онъ полулежитъ на слишкомъ покатомъ берегу и, того гляди, съѣдетъ въ море, какъ и его тросточка, которая какимъ-то чудомъ держится на наклонной плоскости. «На мой взглядъ,—пишетъ

[1]) «Всемірная Иллюстрація» 1887 г., № 983.

В. В. Чуйко,—Пушкинъ вышелъ очень неудачнымъ: онъ какъ-то неловко развалился на скалѣ, смотритъ на зрителя, а не на море; лицо его, въ особенности, написано неудачно, совершенно не въ тонѣ со всѣмъ остальнымъ» [1]).

Подмѣчена также и историческая невѣрность въ изображеніи Пушкина: на картинѣ Пушкинъ изображенъ-де юношей, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, Пушкинъ жилъ на берегу моря, когда ему было 20 лѣтъ; а именно, въ 1820 году, онъ, возвращаясь съ Кавказа, посѣтилъ Крымъ, и всѣ стихи, въ которыхъ онъ воспѣваетъ море, относятся къ этому періоду» [2]). Подмѣтили еще и другіе недостатки въ фигурѣ поэта и нѣкоторыхъ мелочахъ, и почти общимъ приговоромъ картина причислена была къ наименѣе удачнымъ произведеніямъ И. К. Айвазовскаго. Съ этимъ приговоромъ мнѣ лично трудно согласиться. Напротивъ, по моему мнѣнію, эта картина маститаго мариниста является въ полномъ смыслѣ chef d'oeuvre'омъ своего рода, и нѣкоторыя техническія погрѣшности въ фигурѣ Пушкина отнюдь не умаляютъ высокихъ достоинствъ самой картины.

Айвазовскій поднесъ эту картину въ даръ Императорской академіи художествъ по случаю пятидесятилѣтняго своего юбилея, и теперь она находится въ академіи.

Три картины одного художника на одну приблизительно тему, на одинъ и тотъ-же мотивъ—фактъ, конечно, рѣдкій и исключительный. Его объясняли обыкновенно тѣмъ обстоятельствомъ, что будто-бы И. К. Айвазовскій, признавая справедливость упрековъ критики въ неудачной передачѣ фигуры Пушкина и изображеннаго момента, хотѣлъ, во что бы то ни стало, создать такую картину «Пушкинъ на берегу моря», которая вполнѣ удовлетворяла бы какъ критику, такъ и самого художника. Таково общераспространенное мнѣніе; но есть и исключеніе изъ него, хотя не высказанное въ печати, но заслуживающее вниманія. По этому взгляду, въ указан-

[1]) Годичная академическая выставка. «Художественныя Новости» 1888 г., № 7.
[2]) «Иллюстрированный Міръ» 1887 г., № 48.

ныхъ картинахъ Айвазовскаго нужно видѣть не погоню за болѣе удачною передачей фигуры Пушкина, а желаніе передать различные моменты, выраженные въ стихотвореніи, точнѣе—различные моменты впечатлѣній, которыя производило море на поэта. Такъ, наприм., въ первой картинѣ «Пушкинъ на берегу южнаго Крыма» поэтъ какъ-бы привѣтствуетъ море въ первый разъ; на второй картинѣ «Пушкинъ на Урзуфѣ»—поэтъ наслаждается видомъ спокойнаго моря при лунномъ освѣщеніи; на третьей картинѣ — «Пушкинъ на берегу моря» — поэтъ восхищается шумнымъ ревомъ волнъ передъ бурей, причемъ въ умѣ его припоминается все пережитое имъ на берегу моря, всѣ тѣ моменты, которые ему удалось наблюдать, которые вдохновляли его, словомъ—то, что такъ чудесно выражено въ его стихотвореніи. Вообще стихотвореніе «Къ морю», какъ тема для картины, слишкомъ обширно, чтобы можно было выразить его на одномъ полотнѣ, не вызвавъ возраженій и замѣчаній, вполнѣ удовлетворивъ зрителей. И художникъ поступилъ очень удачно, давъ рядъ иллюстрацій къ стихотворенію, такъ какъ лишь совокупность ихъ можетъ исчерпать тему.

Кромѣ трехъ перечисленныхъ картинъ, И. К. Айвазовскій написалъ въ началѣ 1887 года еще одну картину—«Пушкинъ въ Крыму съ семействомъ Раевскихъ», на которой воспроизведенъ эпизодъ изъ жизни Пушкина, разсказанный Н. А. Некрасовымъ въ его поэмѣ «Русскія женщины», и на которой Пушкинъ представленъ на берегу моря, между Урзуфомъ и Партенитомъ, въ Крыму, въ сообществѣ съ М. Н. Раевской.

Эпизодъ, о которомъ идетъ рѣчь, разсказанъ Некрасовымъ словами кн. М. Н. Волконской (урожденной Раевской) въ слѣдующихъ строкахъ:

Все наше семейство поѣхало въ Крымъ.
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ наконецъ
И горы, и Черное море!

Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ,
Гибка, высока не по лѣтамъ.
Покинувъ семью, я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла,—и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала;
Когда же приливъ возвращался опять
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!...
И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
Ботинки мои промочила:
«Молчите! идетъ гувернантка моя!»
Сказала я строго... (я скрыла,
Что ноги промокли)...

Объ этомъ эпизодѣ и самъ Пушкинъ говоритъ въ «Евгенiѣ Онѣгинѣ», въ XXXIII-й строфѣ первой части:

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я бъ не желалъ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

Этотъ именно «страстный моментъ», —моментъ, когда Пушкинъ случайно увидалъ ножку красавицы,—составилъ сюжетъ новой картины Айвазовскаго, сюжетъ мало благодарный, по крайней мѣрѣ очень трудный для удачнаго исполненія.

По мнѣнію критика «Новостей», предполагавшаго сначала, не видя еще картины, что она «вѣроятно вызоветъ большой восторгъ, какъ небывалый еще у И. К. Айвазовскаго мотивъ [1]), публика разочаровалась, видя передъ собою «маленькую, очень слабо напоминающую черты великаго поэта, фигурку Пушкина, уныло сидящаго на камнѣ и любующагося на сомнительнаго изящества ножку молодой дѣвицы, купающей въ морѣ кончикъ своего башмака. Ничего напоминающаго стихи Пушкина о волнахъ, «бѣжавшихъ бурной чередою, съ любовью лечь къ ея ногамъ»,—картина эта не даетъ намъ никакихъ «бурныхъ волнъ», спѣшащихъ лечь къ ногамъ гордой красавицы, а мы видимъ передъ собою весьма ординарную провинціальную барышню, неизвѣстно зачѣмъ купающую въ водѣ не разутую ножку, а кончикъ маленькаго башмачка... Пушкинъ представляется совершенно случайно и безцѣльно посаженнымъ въ данномъ случаѣ на берегъ моря... Видъ Урзуфа самъ по себѣ хорошъ, но прицѣпка къ нему имени Пушкина нисколько не возвышаетъ художественнаго достоинства картины, напротивъ умаляетъ ея значеніе, отзываясь желаніемъ приклеить къ картинѣ совершенно несоотвѣтствующій ея содержанію этикетъ [2]).

---

[1]) «Новости», 1884 г., № 24.

[2]) «Выставка картинъ Айвазовскаго»--«Новости», 1887 г., № 25.

XXVI.

Картина Айвазовскаго и Рѣпина «Пушкинъ на берегу Чернаго моря».—Изображеніе поэта на этой картинѣ.—Мнѣніе о немъ критики.—В. В. Чуйко о мотивѣ картины.

Въ 1887 г. произошелъ рѣдкій въ исторіи живописи случай: два крупныхъ, знаменитыхъ художника, два свѣтила русскаго искусства, И. Е. Рѣпинъ и И. К. Айвазовскій, соединились и рѣшили совмѣстно, на одномъ полотнѣ, увѣковѣчить Пушкина—любующимся, столько разъ и такъ вдохновенно воспѣтою имъ, «бурною стихіею».

Фактъ этотъ дѣйствительно замѣчательный. Въ исторіи живописи бывали, правда, случаи, что знаменитые художники, въ началѣ своей артистической карьеры, работая въ мастерскихъ своихъ учителей, помогали посдѣднимъ; бывали также случаи, что работы начинающихъ художниковъ, исправленныя и дополненныя ихъ учителями, выдавались за произведенія этихъ послѣднихъ. Но чтобъ два художника съ такою крупною славою, какъ Рѣпинъ и Айвазовскій, рѣшили создать вмѣстѣ одну картину, пополняя одинъ другаго,—такой случай чуть-ли не первый въ исторіи живописи. Онъ объясняется глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ къ Пушкину и желаніемъ создать нѣчто совершенное въ отношеніи изображенія поэта, любую-

щагося моремъ. Иниціатива, въ данномъ случаѣ, принадлежала И. К. Айвазовскому; чуждый свойственнаго менѣе знаменитымъ и заслуженнымъ художникамъ самомнѣнія, маститый маринистъ самъ пригласилъ Рѣпина, какъ спеціалиста по портретной живописи, написать фигуру Пушкина, предоставляя ей при этомъ первое мѣсто, для себя же оставляя лишь пейзажъ—бурливое море, скалы и небо.

Результатомъ совмѣстной работы двухъ крупныхъ русскихъ художниковъ явилась новая большая картина—«Пушкинъ на берегу Чернаго моря». Въ сентября 1887 г. картина была окончена и выставлена въ Петербургѣ, какъ-разъ въ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Айвазовскаго, въ одной изъ залъ фортепіаннаго магазина Шредера, при громадномъ наплывѣ публики. Пушкинъ изображенъ на картинѣ Айвазовскаго-Рѣпина стоящимъ на покатой и забрызганной морскими волнами скалѣ; лѣвой рукой онъ слегка опирается на скалу, правая же рука, держащая старинную фетровую шляпу, приподнята по направленію къ морю. Вѣтеръ играетъ курчавыми волосами на головѣ и поднимаетъ плащъ на спинѣ. Жестъ правой руки, обнаженная голова и оживленное выраженіе лица, а также полуоткрытый ротъ—все это ясно указываетъ на то, что Пушкинъ въ звучныхъ стихахъ прощается съ моремъ, занимающимъ часть перваго плана и весь задній планъ картины. Глядя на фигуру Пушкина, кажется, словно изъ устъ ея слышимъ:

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь южною красой...

Море, однакожь, изображено не «голубымъ и блестящимъ красой», а темнымъ и бурнымъ; чернѣя на горизонтѣ, оно на первомъ планѣ превращается въ мутно-бѣлыя, непрозрачныя волны, дробящіяся о скалы, на одной изъ которыхъ и стоитъ Пушкинъ. Сильный вѣтеръ, вздымая волны, гонитъ по небу облака

и вообще придаетъ мрачный колоритъ. Этотъ мрачный колоритъ и бурное море вызвали любопытныя разсужденія о томъ, что

«Пушкинъ на берегу Чернаго моря», съ картины Айвазовскаго и Рѣпина.

они находятся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью: Пушкинъ-де не любилъ вида взволнованнаго моря, доказатель-

ствомъ чего можетъ служить его стихотвореніе «Земля и море» [1]), гдѣ Пушкинъ между прочимъ говоритъ:

Мнѣ моря синій шумъ милѣе;
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,—
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубравы.

Въ изображеніи поэта Рѣпинъ, понятно, не ограничился лишь передачею сходства съ знакомымъ всѣмъ обликомъ поэта, но и старался придать фигурѣ его соотвѣтственную сюжету выразительность. «Г. Рѣпинъ,—пишетъ одинъ изъ рецензентовъ [2]),—изобразилъ Пушкина не такимъ, какимъ мы привыкли видѣть его на всѣхъ обращающихся въ обществѣ бюстахъ и портретахъ, а какимъ дѣйствительно долженъ представляться воображенію всякаго его поклонника Пушкинъ-юноша, Пушкинъ той эпохи его жизни, которую онъ провелъ на берегу Чернаго моря». Вообще, почти во всѣхъ органахъ печати Рѣпинская фигура Пушкина признается весьма удачною и прекрасною. «Лицо написано выразительно, смѣло и очень схоже; фигура Пушкина поставлена эффектно»,—пишетъ «Новое Время» (1887 г., № 4162). «Фигура Пушкина носитъ на себѣ печать истиннаго вдохновенія и высокой нравственной силы, съ которыми неразрывно связывается представленіе о нашемъ великомъ поэтѣ», говоритъ «Правительственный Вѣстникъ» (1887 г., № 231). «Экспрессія лица Пушкина передана удачно; прекрасно написана лѣвая рука—она характерна и такою представляется на портретахъ Пушкина»,—пишутъ «Русскія Вѣдомости» (1887 г., № 329). «Задавшись цѣлью возсоздать Пушкина полнымъ увлеченія и надежды юношей,

[1]) Такое именно соображеніе было высказано авторомъ статьи «Пушкинъ на берегу Чернаго моря», помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1887 г., № 329.

[2]) «Новости» 1887 г., № 263.

г. Рѣпинъ, нужно ему отдать справедливость, блистательно исполнилъ эту нелегкую задачу. Онъ даетъ намъ Пушкина не съ тѣми чертами лица, которыя запечатлѣлись въ памяти каждаго изъ насъ по циркулирующимъ въ публикѣ портретамъ, а такимъ, какимъ дѣйствительно можно и должно представить себѣ Пушкина юношей»,—утверждаютъ «Новости» (1887 г., № 263). «Вся фигура чудесно поставлена, естественна, и въ ней много движенія и правды»,—пишутъ «Художественныя Новости» (1888 г., № 7). Больше всѣхъ, однако, восхищается Пушкинымъ Рѣпина «Всемірная Иллюстрація», давшая устами І. І. Ясинскаго такой отзывъ о фигурѣ Пушкина: «Пушкинъ Рѣпина—чудо живописи. Видно, что съ любовью и, можетъ быть, благоговѣніемъ писалъ Рѣпинъ фигуру поэта... Свѣтлые глаза Пушкина обращены къ морю, и художникъ съумѣлъ показать намъ въ нихъ огонь мысли въ тотъ моментъ, когда въ мозгу поэта отпечатлѣвается образъ моря и онъ стоитъ предъ волнующеюся стихіей, охваченный сладостной тоской, стоитъ «звучныхъ думъ полнъ», какъ выразился о немъ другой современный намъ поэтъ».

Рядомъ съ признаніемъ высокихъ достоинствъ фигуры Пушкина, появились, однакожь, и замѣчанія относительно нѣкоторыхъ ея недостатковъ. Одинъ изъ критиковъ находилъ, что, благодаря плащу, приподнятому вѣтромъ на спинѣ Пушкина, кажется, что за спиною Пушкина привязана какая-то котомка. Это очень вредитъ фигурѣ, дѣлая ее странною, и мѣшаетъ впечатлѣнію. Подобно тому, какъ какой-нибудь прыщъ искажаетъ прекрасное лицо, даже не самъ по себѣ, а потому только, что онъ какъ-то невольно привлекаетъ ваше вниманіе, такъ и этотъ горбъ, сдѣланный вѣтромъ, не даетъ покою вашему вниманію [1]). Другой критикъ утверждаетъ, что лицо Пушкина повернуто такъ, что передъ его глазами шумитъ и бушуетъ лишь небольшой кусочекъ моря; бо́льшая же часть

[1]) «Новое Время», № 4162.

моря, которымъ любуется зритель,—бушуетъ позади Пушкина, такъ что мы лишены возможности видѣть какъ-разъ то море, которымъ до экстаза залюбовался поэтъ, отъ полноты овладѣвшаго имъ чувства даже обнажившій голову передъ своею любимою, грозною стихіей, не смотря на то, что сильный вѣтеръ раздуваетъ не только волосы поэта, но и накинутый на его плечи плащъ» [1]).

Еще одинъ упрекъ, сдѣланный г. Рѣпину, состоитъ въ томъ, что, «изображая Пушкина въ моментъ его поэтическаго настроенія, гораздо лучше было бы поставить его въ болѣе твердую и покойную позу, а не давать ему такого шаловливо-рискованнаго положенія» [2]).

Моря на картинѣ не много, но оно кажется необъятнымъ, и по единогласному почти отзыву критики—г. Айвазовскій написалъ такое море, какое приходилось видѣть только на лучшихъ картинахъ, вышедшихъ изъ-подъ кисти знаменитаго мариниста.

Вообще, картина Рѣпина и Айвазовскаго представляетъ собою замѣчательное явленіе и замѣчательное художественное произведеніе, которое въ ряду картинъ на сюжеты изъ жизни Пушкина занимаетъ чуть-ли не первое мѣсто.

Картина подарена художниками русско-драматической труппѣ для артистическаго фойэ Александринскаго театра; плата же за входъ на выставку ея, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, пожертвована была ими же въ пользу Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Артисты труппы, принимая съ благодарностью пожертвованіе, заказали для картины, въ складчину, роскошную раму. Въ этой рамѣ картина красуется теперь въ фойэ Александринскаго театра въ Петербургѣ

В. В. Чуйко, говоря о картинахъ, изображающихъ Пушкина на берегу моря [3]), удивляется—почему этотъ мотивъ такъ

---

[1]) «Новости» 1887 г., № 263.
[2]) «Русскія Вѣдомости» 1887 г., № 229.
[3]) «Художественныя Новости» 1888 г., № 7.

заинтересовалъ собою нашихъ художниковъ. «Въ живописномъ отношеніи,—пишетъ названный критикъ,—онъ, конечно, благодаренъ, но за то и трудно-исполнимъ, именно потому, что въ немъ одинаково важную роль играютъ какъ пейзажъ, такъ и фигура поэта. Что же касается до самаго содержанія, до «идеи», то выраженіе ея представляетъ огромныя трудности, такъ какъ требуется передать нѣчто почти неуловимое для живописи: прощаніе Пушкина съ моремъ есть только матеріальное состояніе того художественнаго перелома, который совершился въ это время съ Пушкинымъ; онъ, собственно говоря, прощался съ Байрономъ, съ тѣмъ долго неотразимымъ вліяніемъ, которое оказывалъ на него великій англійскій поэтъ. Какъ передать это въ пластическихъ, видимыхъ, осязаемыхъ формахъ?»

XXVII.

Рисунокъ И. Н. Крамского «Пушкинъ подъ дубомъ».—Оправданіе Крамского.—Достоинства рисунка.

Въ числѣ художниковъ, писавшихъ и рисовавшихъ Пушкина, нѣтъ, къ сожалѣнію, имени И. Н. Крамского, но все-же между рисунками знаменитаго портретиста есть одинъ, на которомъ изображенъ поэтъ. Это не портретъ, но фантастическое изображеніе, служащее иллюстраціей къ прологу поэмы «Русланъ и Людмила»:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ

и т. д.

На этомъ рисункѣ И. Н. Крамского Пушкинъ представленъ закутаннымъ въ плащъ, съ обнаженною головою; онъ сидитъ подъ зеленымъ дубомъ, вокругъ котораго вьется золотая цѣпь, и прислушивается къ сказкѣ, которую разсказываетъ ему котъ, пріютившійся у его ногъ, — какъ это выражено поэтомъ:

«И тамъ я былъ, и медъ я пилъ, у моря видѣлъ дубъ зеленый, подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый свои мнѣ сказки говорилъ...»

Пушкинъ на рисункѣ Крамского.

На вѣтвяхъ дуба виситъ лира, а весь пейзажъ картины составляетъ рядъ сценъ, иллюстрирующихъ прекрасно весь прологъ «Руслана и Людмилы»: тутъ и «лѣшій бродитъ»,

и «русалка въ вѣтвяхъ сидитъ», и «избушка на курьихъ ножкахъ, безъ оконъ, безъ дверей», и витязи, и т. д.

Что касается самаго изображенія Пушкина, то Крамской, придерживаясь, преимущественно, оригинала Кипренскаго, старался придать лицу поэта задумчивый, сосредоточенный видъ, изобразить его поглощеннымъ сказкою кота.

Рисунокъ Крамского былъ исполненъ спеціально для «Живописнаго Обозрѣнія», гдѣ онъ и появился въ 1880 г., въ № 21, гравированный на деревѣ Скржымовскимъ, съ краткою замѣткою редакціи, что «нечего распространяться о талантливости исполненія рисунка. Г-нъ Крамской слишкомъ хорошо извѣстенъ русской публикѣ. Одно замѣтимъ,—прибавляетъ редакція,—что, какъ бы ни была хороша гравюра, она не въ состояніи передать всей прелести рисунка, подобнаго созданному г. Крамскимъ».

Посылая свое произведеніе редактору «Живописнаго Обозрѣнія», А. К. Шеллеру, Крамской писалъ, между прочимъ: «Два слова въ оправданіе рисунка: иллюстрировать такого поэта, какъ Пушкинъ, вовсе нелегко (да я уже это зналъ и раньше). Что дѣлать? Вы предоставили на мой выборъ, но, вѣдь, это значитъ: взвалить на человѣка огромную отвѣтственность. И вотъ, какъ видите, я нарисовалъ банальныя вещи и на банальныя поэмы; впрочемъ, у «Лукоморья» поэма не банальная, но невозможная. Словомъ, я понимаю отлично все, что можно сказать, но, вѣдь, кто же сдѣлаетъ такъ, какъ бы это хотѣлось? И у Дорэ не всегда удается. Ну, словомъ, разговаривать безполезно... Я сдѣлалъ лиру возлѣ Пушкина, а хотѣлъ гусли; но подъ руками не было рисунка, а на память боялся напутать. Если есть время, я передѣлаю, потому что гусли, кажется, лучше» [1]).

Замѣчательно ловкое соединеніе фантазіи съ дѣйствительностью—вотъ одно изъ главныхъ достоинствъ изображенія Пушкина, принадлежащаго карандашу Крамского.

[1]) Иванъ Николаевичъ Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи, стр. 415. Письмо къ А. К. Шеллеру отъ 15 сентября 1879 г.

XXVIII.

Пушкинъ въ скульптурѣ.—Бюстъ С. И. Гальберга.—Мнѣнія о немъ Кукольника и Крамского.—Подписка на этотъ бюстъ и слѣпки съ него.—Разсказъ В. И. Любичъ-Романовича.—Статуэтки Пушкина, работы А. И. Теребенева.—Бюсты работы И. И. Витали, П. А. Степанова и Л. А. Бернштамма.—Гипсовые бюсты Пушкина.—Медальоны-барельефы.

Я упоминалъ уже о письмѣ Пушкина отъ 1 мая 1836 г., въ которомъ поэтъ сообщалъ женѣ, что въ Москвѣ хотѣли лѣпить его бюстъ, но Пушкинъ не соглашался, не желая, чтобы «арапское его безобразіе предано было безсмертію во всей своей мертвой неподвижности». И, дѣйствительно, насколько извѣстно, при жизни Пушкина не было сдѣлано его бюста; первые бюсты и вообще скульптурныя изображенія поэта появились лишь послѣ его смерти.

Первымъ изъ нихъ по времени и наиболѣе выдающимся по сходству и исполненію является бюстъ работы одного изъ извѣстнѣйшихъ скульпторовъ конца тридцатыхъ годовъ, Самуила Ивановича Гальберга, того самаго, которому Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе «Художнику»:

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ и богинь и героевъ!... Вотъ Зевсъ-громовержецъ;

Вотъ изподлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ—идеалъ, тамъ Ніобея—печаль...
Весело мнѣ! Но, межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ...
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

Бюстъ работы Гальберга появился лишь послѣ смерти поэта, но, вѣроятно, скульпторъ въ бытность поэта въ его мастерской сдѣлалъ прямо съ натуры слѣпокъ, благодаря которому бюстъ вышелъ очень похожимъ. Кукольникъ, въ своей «Художественной Газетѣ» 1837 года, упоминая, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Пушкина, объ изображеніяхъ поэта, говоритъ, что бюстъ Гальберга «останется для потомства превосходнѣйшимъ изображеніемъ великаго поэта».

«Сходство, простота въ движеніи, превосходная отдѣлка, постоянныя достоинства нашего скульптора,—говорится дальше,—и здѣсь сохранили свои обычныя мѣста». Вслѣдъ затѣмъ, въ особомъ объявленіи о подпискѣ на этотъ бюстъ, Кукольникъ пишетъ, что «хотя одно имя художника ручается за достоинство труда, не смотря на то, всякій будетъ пораженъ сходствомъ, правдой, простотой и отдѣлкой бюста» и что «почитатели великаго генія А. С. Пушкина, вѣроятно, захотятъ имѣть изображеніе его достойное и, благодаря С. И. Гальбергу, имѣютъ теперь всю къ этому возможность» [1]).

Въ то время очень сильно распространена была контрафакція скульпурныхъ произведеній, и не успѣвалъ какой-нибудь скульпторъ, особенно съ большимъ дарованіемъ, выпустить свое произведеніе изъ мастерской, какъ сейчасъ же появлялись на лоткахъ разнощиковъ слѣпки, иногда очень неудачные. Чтобы подобная участь не постигла бюстъ Пушкина работы Гальберга, редакція «Художественной Газеты», въ лицѣ Кукольника, рѣшила упросить скульптора дозволить

[1]) «Художественная Газета» 1837 г., №№ 11 и 12.

открыть подписку на его бюстъ и, когда наберется опредѣленное число подписчиковъ, всѣ слѣпки выпустить вдругъ въ одно время, и тогда уже «предоставить контрафакторамъ заниматься ихъ постыднымъ промысломъ въ отношеніи къ сему бюсту». Подписная цѣна на бюсты Гальберга была объявлена въ 50 р. ассигн. за экземпляръ; подписка же принималась въ редакціи «Художественной Газеты», помѣстившей объ этомъ пространное и мотивированное объявленіе въ своемъ изданіи (1837 г., №№ 11 и 12).

Въ отчетѣ Императорской академіи художествъ за 1836—1837 г. говорится, что бюстъ Пушкина вылѣпленъ Гальбергомъ, также какъ одновременно съ нимъ появившійся бюстъ графини Ферзенъ, урожденной Строгановой, «по особымъ заказамъ». Кѣмъ именно былъ заказанъ Гальбергу бюстъ Пушкина, однако, не сказано.

Слѣпки съ бюста Гальберга, еще при жизни художника (онъ умеръ въ 1839 году), по невѣжеству, подбѣливались, красились, а со временемъ бюстъ и совсѣмъ исчезъ изъ обращенія.

Форму бюста тоже не догадались сохранить, такъ что теперь найти его въ продажѣ, «къ общему нашему стыду и невѣжеству» (какъ говоритъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 1880 г., № 137, скульпторъ Кившенковъ, признающій бюстъ Гальберга лучшимъ какъ по сходству, такъ и по высокому художественному исполненію), положительно невозможно.

Крамской, въ письмѣ къ М. П. Третьякову (23 ноября 1880 г.), говоритъ, что «бюстъ Гальберга—лучшая вещь послѣ маски».

По разсказу одного изъ современниковъ Пушкина, престарѣлаго В. И. Любичъ-Романовича, Гальбергъ, бывшій большимъ поклонникомъ Пушкина, разбилъ будто-бы всѣ бюсты поэта, узнавъ о его смерти,—такъ сильно было его отчаяніе. «Отъ этихъ бюстовъ,—разсказываетъ г. Любичъ-Романовичъ,—только и остался мой». Разсказъ этотъ, со словъ самого

г. Любичъ-Романовича, напечатанъ въ «Свѣтѣ» 1887 г., № 23; но, судя по вышеизложенному, едва-ли можно считать разсказъ вѣрнымъ.

Сейчасъ же послѣ смерти Пушкина, раньше чѣмъ Гальбергъ успѣлъ выпустить свой бюстъ Пушкина, появилась въ продажѣ небольшая (въ $9^1/_2$ вершковъ) статуэтка Пушкина, въ ростъ, сдѣланная А. И. Теребеневымъ. Статуэтка эта, судя по замѣткѣ, помѣщенной въ «Художественной Газетѣ» 1837 г. (№№ 9 и 10), была сдѣлана тоже по смерти поэта, не съ натуры, а по существовавшимъ портретамъ. Пушкинъ изображенъ въ сюртукѣ, со шляпою подъ мышкой, съ сложенными на-крестъ руками. По отзыву Кукольника, «въ головѣ много сходства, въ самой же фигурѣ и костюмѣ можно бы пожелать и большей точности, и большей простоты; но,—добавляетъ Кукольникъ,—по воспоминаніямъ исполнить подобныя условія очень трудно» [1]). Алебастровые отливки со статуэтки Теребенева продавались въ годъ смерти поэта по 15 руб. асс. Продажа ихъ производилась на квартирѣ художника, противъ академіи художествъ, въ конторѣ Л. Снѣгирева и К° и въ книжномъ магазинѣ Бородина.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ 1842 или 1843, бюстъ Пушкина лѣпилъ также, извѣстный по фронтонамъ Исаакіевскаго собора скульпторъ, И. И. Витали. Бюстъ этотъ, какъ работа знаменитаго скульптора, представляетъ, конечно, большую цѣнность, но какъ портретъ Пушкина—онъ неудовлетворителенъ. Витали, какъ видно, больше всего держался, при лѣпкѣ бюста, портрета Мазера, но сдѣлалъ—Пушкина гораздо старше, нежели онъ представленъ на Мазеровскомъ портретѣ. Вообще у Витали сходства съ Пушкинымъ очень мало, и нельзя не согласиться съ скульпторомъ Кившенковымъ, помѣстившимъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 1880 г. (№ 137) замѣтку, въ которой онъ утверждаетъ, что, «при сравненіи

[1]) «Письмо въ Парижъ»—«Худож. Газ.» 1837 г., №№ 9 и 10.

съ портретомъ Кипренскаго и маскою поэта, бюстъ Витали нисколько не даетъ понятія о Пушкинѣ и есть произведеніе чисто-декоративное, но что и эта декоративность, въ виду отсутствія лучшаго бюста, послужила успѣху работы Витали, фантазировавшаго надъ головой поэта и исказившаго до безобразія въ общемъ и деталяхъ черты его». Подлинный бюстъ Витали, какъ видно изъ приписки къ «Каталогу Пушкинской выставки въ Петербургѣ 1880 г.», находился у графа Д. А. Толстого. На упомянутой, однако, выставкѣ находился лишь гипсовый бронзированный слѣпокъ, копія съ Витали, принадлежавшій А. А. Краевскому.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появились бюсты Пушкина, работы любителя-художника П. А. Степанова, выпустившаго цѣлый рядъ бюстиковъ русскихъ знаменитостей. Объ этихъ бюстикахъ Пушкина упоминаетъ «Русскій Художественный Листокъ» 1861 г., № 32.

Въ собраніи К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ, по указанію «Каталога Пушкинской выставки въ 1880 г.», имѣется мраморный бюстъ поэта работы Н. А. Рамазанова, но на упомянутую выставку онъ присланъ не былъ.

Въ концѣ 1886 г. лѣпилъ бюстъ Пушкина молодой скульпторъ Л. А. Бернштаммъ. Лѣпка производилась по заказу театральной дирекціи для Александринскаго театра въ Петербургѣ. Руководствуясь отчасти маскою, отчасти гравированными портретами Пушкина (въ особенности портретомъ Райта), г. Бернштаммъ изобразилъ поэта въ послѣдніе годы его жизни съ приподнятою немного кверху головою, смотрящимъ вдаль. Съумѣвъ сохранить портретныя черты Пушкина, художникъ, въ то-же время, влилъ въ вылѣпленную имъ голову отпечатокъ вдохновенія, поэзіи. Въ этомъ отношеніи, какъ бюстъ поэта, работа Бернштамма является однимъ изъ лучшихъ бюстовъ Пушкина и несомнѣнно наиболѣе удовлетворяетъ желанію тѣхъ, которые въ скульптурномъ портретѣ Пушкина ищутъ, такъ называемую, «умную идеализацію», при

которой бюстъ, сохраняя сходство, вмѣстѣ съ тѣмъ гармонируетъ съ самымъ творчествомъ изображаемаго генія. Отлитъ былъ бюстъ Бернштамма въ Парижѣ, на заводѣ Тибо, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого художника, и въ настоящее время этотъ бронзовый бюстъ стоитъ въ фойэ Александринскаго театра, гдѣ уже находятся бюсты Островскаго и Фонъ-Визина того-же художника [1]).

Къ сожалѣнію, слѣпковъ или копій съ бюста Пушкина, работы Бернштамма, нѣтъ въ продажѣ. За то существуетъ въ продажѣ цѣлая масса плохихъ гипсовыхъ бюстовъ поэта. Они имѣются во всѣхъ почти скульптурныхъ мастерскихъ, торгующихъ гипсовыми бюстами. Кромѣ того, такіе бюсты можно видѣть, въ большомъ числѣ, каждый годъ во время вербной торговли у Гостинаго двора, въ Петербургѣ. Тутъ-то, на ларяхъ гипсовщиковъ, легко найти нѣсколько различныхъ, но одинаково плохихъ, бюстовъ Пушкина, начиная съ маленькихъ 25-тикопѣечныхъ и кончая большими, въ натуральную величину, цѣною въ 7 руб. Есть между ними и плохія поддѣлки Витали, и плохія подражанія Гальбергу и проч. Хорошихъ гипсовыхъ бюстовъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалось видѣть. Большинство изъ этихъ бюстовъ, конечно, безъ подписи художника, но на многихъ встрѣчается также и поддѣльная подпись. Такъ, напр., на нѣкоторыхъ очень плохихъ гипсовыхъ бюстахъ сказано: «лѣпилъ Витали»; на другихъ— буквы Гальберга и т. д.

Имѣются еще въ продажѣ бюсты и фигуры Пушкина— копіи съ московскаго памятника Пушкину, работы акад. Опекушина. Это, несомнѣнно, лучшіе по исполненію гипсовые слѣпки, но о нихъ будетъ еще рѣчь впереди.

Кромѣ бюстовъ, въ 1887 г. поступили въ продажу бронзовые, стѣнные медальоны съ барельефнымъ изображеніемъ

---

[1]) См. статью мою «Русскій скульпторъ въ Парижѣ. Л. А. Бернштаммъ и его произведенія»—«Новь» 1889 г., № 12.

Пушкина en face, работы завода Морана въ Петербургѣ, отличающіеся, при дорогой цѣнѣ (10 руб.), плохимъ исполненіемъ и малымъ сходствомъ. Неудивительно поэтому, что эти барельефные портреты поэта, хотя единственные въ своемъ родѣ, въ продажѣ не имѣютъ успѣха.

XXIX.

Пушкинская медаль.

Въ 1862 году академикъ Чукмасовъ издалъ медаль въ память Пушкина. Лицевая сторона медали представляетъ грудное изображеніе съ надписью вокругъ: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ; родился 29-го мая 1799 года; скончался 29-го января 1837 года». На оборотной сторонѣ—лира, окруженная лавровымъ вѣнкомъ и извѣстнымъ четверостишіемъ Пушкина:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ;
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

На той-же сторонѣ—годъ чеканки медали: 1862.

Медаль эту, какъ сказано въ «Воскресномъ Досугѣ» 1867 г., № 215, продавали по одному рублю (изъ бронзы), а по заказу дѣлали изъ золота и серебра. На Пушкинскую выставку въ Петербургѣ были представлены два экземпляра этой медали: одинъ серебряный, принадлежавшій В. П. Гаевскому, и второй—бронзовый, составлявшій собственность кн. П. П. Вяземскаго.

Но, вообще, Пушкинской медали разошлось немного экземпляровъ, не смотря на горячее воззваніе «Иллюстраціи»

1862 г. (№ 245), гдѣ, между прочимъ, было сказано: «удовлетворяя общественной любви къ покойному поэту, этотъ

Медаль въ память Пушкина, академика Чукмасова.
(лицевая и оборотная стороны)

прекрасный трудъ, въ самомъ дѣлѣ, вправѣ ожидать поощренія, которое одно только и можетъ возвести когда-нибудь

медальерное искусство въ нашемъ отечествѣ на ту степень совершенства, на которой оно находится заграницей».

Особенно выдающихся достоинствъ въ художественномъ отношеніи Пушкинская медаль не имѣетъ. Изображеніе Пушкина на ней тоже далеко не изъ удачныхъ.

XXX.

Памятникъ Пушкину.—Справка о мнимомъ первомъ памятникѣ поэту въ видѣ камня въ саду Царскосельскаго лицея.—Возникновеніе идеи о сооруженіи памятника Пушкину.—Открытіе подписки на сооруженіе памятника въ Царскомъ Селѣ.—Первый проектъ памятника художниковъ Лаверецкаго и Бахмана.—Отзывы о немъ печати семидесятыхъ годовъ.—Модель памятника г. Шредера.—Проектъ Н. С. Пименова.

Самымъ крупнымъ, самымъ выдающимся скульптурнымъ изображеніемъ Пушкина является, конечно, памятникъ поэту, воздвигнутый отъ лица всей Россіи, на добровольныя пожертвованія,—и, говоря о портретахъ Пушкина вообще, нельзя обойти молчаніемъ этого важнѣйшаго портрета поэта.

Первая мысль о сооруженіи памятника возникла въ 1860 г., по случаю приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея Александровскаго Царскосельскаго лицея, и вслѣдъ затѣмъ испрошено было дозволеніе открыть съ этою цѣлью подписку по всей Имперіи.

Существовало раньше мнѣніе, что собственно первый памятникъ былъ воздвигнутъ Пушкину задолго до идеи, возродившейся въ 1860 году, а именно—указывали на камень съ надписью «Genio loci» (мѣстному генію), находившійся въ саду Царскосельскаго лицея еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, какъ

на первый, по времени, памятникъ Пушкину. Какъ, однако, подробно разъяснилъ И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ [1]), на основаніи собственныхъ своихъ изысканій, а также и письма бывшаго воспитанника 1-го выпуска, графа М. А. Корфа,—царскосельскій камень съ надписью «Genio loci» отнюдь не былъ памятникомъ Пушкину, а просто памятникомъ, сооруженнымъ лицеистами перваго выпуска воображаемому «генію»-покровителю наукъ, поэзіи и искусства, которыя въ то время въ лицеѣ процвѣтали. «Genio loci, au génie du lieu», говорится въ запискѣ графа Корфа [2]), была просто фантастическая надпись, придуманная романтическимъ Энгельгардтомъ (директоромъ лицея), въ честь невидимаго духа-покровителя этихъ рощъ (у церковной ограды), какого-нибудь воображаемаго фавна; причемъ никому и въ мысль не приходилъ Пушкинъ. Лучшее тому доказательство—подобная же надпись, красовавшаяся на подобной же пирамидѣ въ саду при домѣ, который имѣлъ Энгельгардтъ въ Царскомъ Селѣ задолго еще до назначенія своего директоромъ лицея, когда именно Пушкина не зналъ никто въ мірѣ, кромѣ его товарищей.»

По описанію Я. К. Грота, мнимый лицейскій дерновый памятникъ Пушкину имѣлъ кубическую форму съ бѣлой мраморной доской, на которой читалась вырѣзанная позолоченными буквами упомянутая надпись: «Genio loci».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, при бывшемъ тогда директорѣ лицея, генералъ-маіорѣ Д. Б. Броневскомъ, этотъ памятникъ старины былъ возобновленъ. Это возобновленіе дало поводъ для официальнаго запроса изъ штаба военно-учебныхъ заведеній директору лицея: «по какому случаю поставленъ въ лицейскомъ саду памятникъ Пушкину и съ чьего разрѣшенія». На это ген.-маіоръ Броневскій лично объяснилъ бывшему тогда начальнику всѣхъ учебныхъ военно-учебныхъ

---

[1]) «Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 1000.

[2]) Записка эта напечатана въ книгѣ Я. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1887.

заведеній, великому князю Михаилу Павловичу, что находящійся въ саду лицея памятникъ не есть памятникъ Пушкину, а что возобновленъ только старый, существующій еще съ 1-го выпуска, поставленный мѣстному воображаемому генію, какъ гласитъ и самая надпись: «genio loci». Тѣмъ запросъ и окончился.

При переводѣ лицея изъ Царскаго Села въ С.-Петербургъ, мнимый памятникъ Пушкину былъ перевезенъ въ садъ лицея на Каменноостровскомъ проспектѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ показаніе А. М. Смирнова, воспитанника лицея XXIII курса, выпуска мая 1853 г. [1]). И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ въ 1873 году, желая удостовѣриться—существуетъ ли еще этотъ камень, отправился въ лицей, но нашелъ на указанномъ мѣстѣ въ землѣ лишь четырехъ-угольное, наполненное водою, углубленіе, свидѣтельствующее, что была здѣсь какая-то каменная постройка, но памятника больше не оказалось. Что̀ съ нимъ сдѣлалось, куда онъ дѣвался и по чьему распоряженію убранъ —осталось неизвѣстнымъ. Въ саду лицея существовалъ онъ, будто-бы, до 1860 года.

Изъ вышесказаннаго видно, что никакого памятника Пушкину въ сороковыхъ годахъ не воздвигалось, и первая идея такого памятника всецѣло относится къ 1860 году.

Мысль о сооруженіи памятника была пущена въ ходъ на одномъ изъ засѣданій депутатовъ по устройству празднества въ честь юбилея лицея. Кто первый подалъ мысль—неизвѣстно. Вѣроятно, что она зародилась заразъ у многихъ воспитанниковъ лицея. Сначала предполагалось воздвигнуть памятникъ исключительно отъ лицеистовъ, ограничивъ расходы по устройству празднества, а всѣ имѣющія быть собранными деньги пожертвовать на памятникъ. Противъ этого возражали, что вся могущая составиться такимъ образомъ сумма слишкомъ недостаточна для сооруженія памятника Пушкину, сколько-нибудь соотвѣтствующаго великому значенію его въ глазахъ

---

1) «Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 597.

каждаго русскаго, и что память Пушкина дорога не одному лицею, а всему народу русскому, и потому лицеисты не имѣютъ никакого права лишать всѣхъ соотечественниковъ своихъ участія въ дѣлѣ, ни для кого изъ нихъ не чуждомъ,—а потому для сооруженія памятника одно средство: всеобщая подписка по всей Россіи. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, и вслѣдствіе того, въ засѣданіи 5-го марта 1860 г., лицейскіе депутаты, отъ лица всѣхъ товарищей своихъ, опредѣлили: «по поводу совершенія пятидесятилѣтія лицея и въ твердой надеждѣ на сочувствіе всей Россіи къ памяти Пушкина и къ мысли о сооруженіи ему памятника, обратиться къ начальству лицея съ просьбой повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе единодушное желаніе ихъ объ открытіи по всей Имперіи подписки для сооруженія памятника знаменитому народному поэту, по примѣру того, какъ былъ воздвигнутъ памятникъ Державину». Начальство лицея, съ своей стороны, отозвалось съ полною готовностію на содѣйствіе исполненію этого желанія и вслѣдъ затѣмъ вошло съ представленіемъ объ немъ къ принцу П. Г. Ольденбургскому, подъ завѣдываніемъ котораго находился лицей. По докладу принца, Высочайше повелѣно 9 ноября 1860 года: открытіе подписки поручить, по принадлежности, министру внутреннихъ дѣлъ, а составленіе проектовъ и самое сооруженіе памятника исполнить по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, академіей художествъ и главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій; самый же памятникъ поставить въ Царскомъ Селѣ, въ бывшемъ лицейскомъ саду. Затѣмъ, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ финансовъ, сдѣлано было распоряженіе, чтобы пожертвованія на сооруженіе памятника обращаемы были въ мѣстныя казначейства, для передачи равныхъ суммъ, кому слѣдуетъ, изъ государственнаго казначейства; до составленія же достаточной на возведеніе памятника суммы, приказано было передавать поступающіе взносы въ государственный банкъ для приращенія процентами.

За сборъ пожертвованій на памятникъ взялся тогдашній директоръ лицея, Н. И. Миллеръ, но ему не удалось довести дѣло до конца. Сначала сборъ шелъ довольно удачно, но, достигнувъ суммы 13,359 руб., совершенно прекратился. Такая сравнительно ничтожная сумма не давала возможности думать объ осуществленіи идеи. Это, однако, не остановило художниковъ отъ составленія проектовъ и моделей предполагавшагося сооруженія, и уже въ концѣ 1860 г. появились первые проекты памятника Пушкину, который предполагалось воздвигнуть въ саду Царскосельскаго лицея.

Художники Н. А. Лаверецкій и Л. Бахманъ—были первыми художниками, составившими модель памятника Пушкину.

Памятникъ, проектированный ими, имѣлъ двѣ части: верхнюю или собственно монументальную, воспроизводящую значеніе заслугъ Пушкина въ литературѣ и въ народѣ, начиная отъ новаго направленія, и вліяніе его школы на послѣдовавшее за нимъ молодое поколѣніе писателей; эта часть должна была давать понятіе также о народной любви, пріобрѣтенной поэтомъ; нижняя часть памятника, какъ-бы «объяснительная», указывала на главнѣйшія отрасли поэзіи, надъ которыми трудился Пушкинъ.

Верхнюю часть составляла группа изъ четырехъ фигуръ, въ которой главное, центральное мѣсто занималъ Пушкинъ. Правою рукою онъ передаетъ прославленное имъ перо свое, съ полнымъ сознаніемъ его великаго значенія, отроку, въ лицѣ коего представляется слѣдующее поколѣніе русскихъ писателей, на которыхъ Пушкинъ возлагаетъ свою надежду и заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи дорогой для него русской литературы. Отрокъ глядитъ на Пушкина, стараясь уловить завѣтъ своего учителя. Позади его другой юноша, изображающій русскій народъ, прижимаетъ къ сердцу полученную отъ поэта книгу его твореній. Лѣвою рукою Пушкинъ старается утѣшить музу русской литературы, которая, на колѣнахъ, обративши умоляющій взоръ къ поэту, въ грустномъ,

покинутомъ положеніи, указываетъ ему на лиру и лавры, у ногъ его лежащіе и такъ рано имъ покинутые, какъ-будто силится остановить преждевременную утрату поэта.

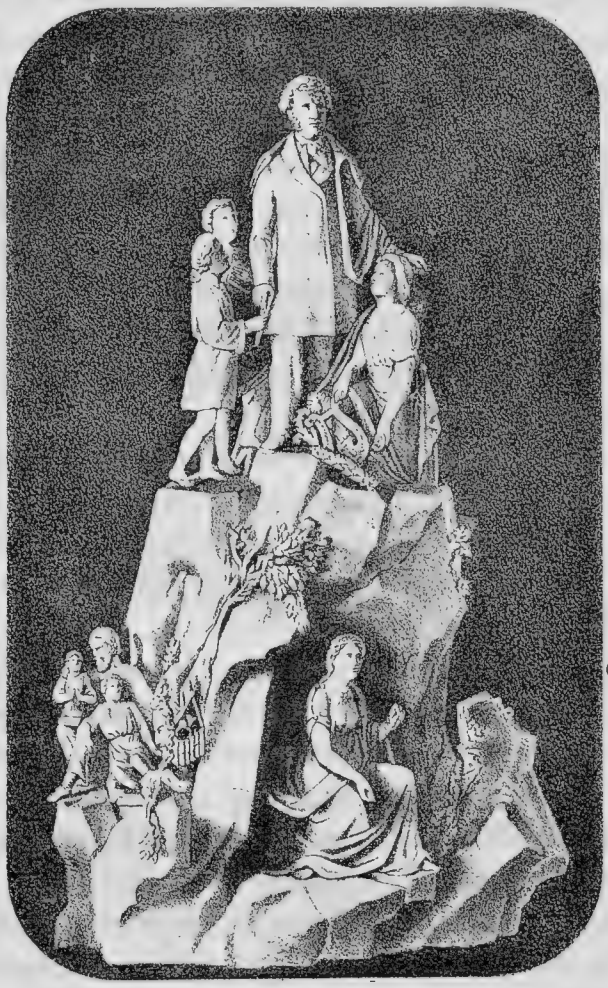
Нижнюю часть памятника составляетъ, вмѣсто пьедестала, большая глыба гранита, неправильной формы, съ углубленіями и выступами, обложенная внизу, вмѣсто базы, дикими, разнаго вида, камнями. По четыремъ ребрамъ этого природнаго пьедестала, подраздѣляющимъ его на четыре части, вмѣсто мховъ и порослей лѣпятся, все шире развѣтвляясь кверху, вѣчно-цвѣтущіе лавры и оливы, символъ мирной художественной славы. Въ передней части, подъ тѣнью лиственнаго карниза, въ неправильной нишѣ, муза начертила на камнѣ надпись: «Пушкину», указывая на раскинутый по ея колѣнамъ свертокъ со стихами Пушкина:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа.

По лѣвую отъ зрителя сторону представлено было аллегорическое изображеніе народной сказки «Русланъ и Людмила», въ видѣ плоскаго барельефа; по правую же сторону—тоже въ видѣ барельефа—сцена изъ «Бориса Годунова». На задней сторонѣ, въ небольшомъ углубленіи, окаймленномъ лавровыми вѣтвями, изваянъ бахчисарайскій фонтанъ, изъ котораго струится живая вода и, сбѣгая съ подошвы памятника, наполняетъ довольно широкій бассейнъ, окружающій весь памятникъ и служащій какъ-бы оградой для него.

Такимъ образомъ, идея художника состояла въ томъ, чтобы верхъ памятника передавалъ значеніе заслугъ Пушкина въ литературѣ и въ народѣ, нижняя же его часть картинами изображала главнѣйшія области его литературной дѣятельности, а именно: лирику, народную сказку, драму и эпосъ. Такъ разъяснено значеніе памятника въ его описаніи, помѣщенномъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (1862 г., № 98) и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1862 г., № 89).

Этотъ первый проектъ памятника былъ въ 1861 году Высочайше утвержденъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, онъ под-



Первая модель памятника Пушкину.

вергся въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1862 г., № 4), въ статьѣ А. М. «О памятникѣ Пушкина»,—жестокой критикѣ. Авторъ статьи упрекаетъ скульптора въ томъ, что онъ сдѣлалъ Пуш-

кина лѣвшой; что по его изображенію геніальность не есть врожденная способность, а передается изъ-подъ полы, по секрету; что любовь народная представлена въ видѣ мальчика съ поднятыми руками, какъ-бы ловящаго брошенную ему бомбошку, и т. д.; самый же памятникъ названъ «странною, невообразимою, чтобы не сказать — лишенною здраваго смысла, фантазіей». Въ отвѣтъ на эту критику появился въ «Русскомъ же Инвалидѣ» 1862 г. (№ 13) отвѣтъ за подписью: «Сочинитель проекта», въ которомъ доказывается, что авторъ статьи совершенно ложно понялъ фигуру памятника, исковеркалъ въ описаніи его композицію и т. п. «Я смѣло могу гордиться,— пишетъ между прочимъ «Сочинитель проекта»,—что не только обрисовалъ жизнь, все значеніе Пушкина въ литературѣ и народѣ, но достигъ въ композиціи памятника совершенно новыхъ художественныхъ формъ, такъ что и пьедесталъ его нисколько не подобенъ тѣмъ архитектурнымъ пьедесталамъ, похожимъ, даже при всемъ ихъ разнообразіи въ украшеніяхъ и формахъ, болѣе или менѣе на ящики, къ которымъ примѣнили какой-нибудь римскій или греческій карнизъ или другія прикрасы вычурнаго стиля рококо».

Вообще, этотъ первый проектъ памятника Пушкину вызвалъ въ журналистикѣ много шума, причемъ рядомъ съ упреками художнику—составителю проекта, появились обвиненія и по адресу «Иллюстраціи», впервые сообщившей, въ отдѣлѣ «Разныхъ Извѣстій» (1861 года, № 198), описаніе модели. «Иллюстрація», съ своей стороны, сочла нужнымъ въ особой замѣткѣ, подъ заглавіемъ: «Шумъ о проектѣ памятника Пушкину» (1862 г., № 204), оправдать себя и отклонить приписываемое ей «желаніе исковеркать мысль составителя проекта».

Модель этого перваго памятника Пушкину, довольно большихъ размѣровъ, помѣщается теперь въ Александровскомъ лицеѣ. Литографированный снимокъ съ нея былъ приложенъ Анненковымъ къ его «Матеріаламъ для біографіи А. С. Пушкина».

Другая модель памятника Пушкину была сдѣлана, въ 1862 году, академикомъ скульптуры Шредеромъ. Шредеровскій памятникъ проектировался изъ четырехугольнаго пьедестала, покоющагося на нѣсколькихъ ступеняхъ, и верхней группы. Группа эта изображаетъ Пушкина и его музу. Пушкинъ сидитъ на возвышеніи, поросшемъ травою, и придерживаетъ одною рукой на колѣнахъ развернутый листъ бумаги; въ другой рукѣ, немного приподнятой надъ бумагой,—перо: онъ нѣсколько подался впередъ; выраженіе лица чуткое, и взглядъ устремленъ вдаль; онъ какъ-будто съ радостнымъ волненіемъ прислушивается и готовъ излить на бумагу то, что шепчетъ ему муза, стоящая за нимъ, въ наклонномъ положеніи, готовясь коснуться струнъ небольшой лиры у самаго уха поэта. Скульпторъ хотѣлъ, видимо, позою Пушкина напомнить тѣ его стихи, гдѣ говорится о вдохновеніи:

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется—
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...

Съ правой стороны, за Пушкинымъ стоитъ муза. Она обнажена по поясъ; лицо юно и исполнено веселой, счастливой задумчивости.

Четырехугольный пьедесталъ на четырехъ сторонахъ украшенъ барельефами, а на четырехъ углахъ—горельефными группами. И тѣ и другія изображаютъ сцены изъ восьми твореній Пушкина: «Цыгане», «Кавказскій плѣнникъ», «Евгеній Онѣгинъ», «Каменный гость», «Борисъ Годуновъ», «Русалка», «Скупой рыцарь».

О модели г. Шредера помѣщена была въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1862 г. (№ 56) очень сочувственная статья, въ которой она названа «замѣчательнымъ произведеніемъ», при чемъ въ особую заслугу скульптора поставлено между прочимъ то, что онъ обошелся безъ аллегорій и вмѣсто нихъ

изобразилъ самыя творенія автора. Поэзія-де Пушкина такъ ясна и объективна, что не нуждается ни въ какихъ аллегоріяхъ. Такой-же сочувственный отзывъ помѣстила и «Иллюстрація» за 1862 годъ (№ 212), считая Шредеровскую модель лучшею изъ всѣхъ и высказывая убѣжденіе, что «всякій, кто близко изучитъ эту модель, отдастъ ей предпочтеніе передъ всѣми другими проектами памятниковъ».

Въ числѣ художниковъ, принявшихъ участіе въ составленіи первыхъ проектовъ памятника Пушкину, былъ также и знаменитый скульпторъ, проф. Н. С. Пименовъ, тотъ самый, которому Пушкинъ посвятилъ за конкурсную статую—«Мальчикъ играющій въ бабки»—слѣдующее превосходное четверостишіе:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость,
Вотъ ужь прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный,
Врознь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

Вѣсть объ осуществленіи памятника Пушкину сильно заняла, какъ видно, воображеніе Пименова. Онъ хотѣлъ въ своемъ проектѣ выразить,—по собственнымъ его словамъ,—предвѣдѣніе поэта, какъ генія себя сознающаго, и подтвержденіе признательности потомства созданіемъ поэту предреченнаго имъ себѣ памятника. Въ своей модели Пименовъ поставилъ поэта на высокой скалѣ, съ гордо и смѣло поднятою вверхъ головою. Ниже его ногъ, летитъ-вьется съ одной стороны крылатый геній, держащій въ правой рукѣ хартію съ текстомъ оды «Памятникъ», а въ лѣвой—вѣнокъ; съ другой стороны—муза. На вершинѣ же скалы (съ противоположнаго бока) поставлена доска съ перечнемъ разныхъ родовъ поэтическаго творчества Пушкина. Доска эта украшена гирляндою изъ листьевъ лавра При основаніи скалы нагромождены камни—и, стоя на нихъ, русскій крестьянинъ (съ чертами самого скульптора-композитора) вырубаетъ на камнѣ надпись:

Проектъ памятника Пушкину проф. Н. С. Пименова.

«Пушкину—Россія». У надписи недостаетъ точки, и на памятникѣ представленъ тотъ именно моментъ, когда русскій крестьянинъ направляетъ свой рѣзецъ на то мѣсто, гдѣ должна быть точка, а другой рукой храбро замахивается молотомъ. Это своего рода аллегорія; ее старались объяснить въ томъ смыслѣ, что когда проснется русскій народъ, онъ поставитъ эту точку за надписью, выведенною критикою и образованнымъ обществомъ; онъ сознаетъ величіе Пушкина, приложитъ свою руку къ надписи «Пушкину—Россія», и тогда только надпись эта будетъ имѣть полный смыслъ [1]).

Съ трехъ сторонъ Пименовскаго памятника, изъ скалы льются потоки воды. Съ боковъ надъ ними, на доскахъ, обозначены даты: рожденія, смерти поэта и сооруженія ему памятника. Пименовъ не хотѣлъ помѣстить на памятникѣ никакихъ барельефовъ, говоря: «не сосчитать образовъ и идей, высказанныхъ Пушкинымъ» [2]).

Художественная критика признала въ свое время за проектомъ Пименова большія достоинства. «Это чуть не первый памятникъ у насъ, въ Россіи,—пишетъ авторъ «Художественныхъ замѣтокъ» въ «Листкѣ Тимма» (1863 г., № 19),—на которомъ отразились не схоластическія правила, не подражаніе чужому, а отразилась чисто-русская душа художника-гражданина. Мы не припомнимъ въ области всего нашего искусства, включая сюда и поэзію, болѣе народнаго, съ болѣе широкой идеей, произведенія, которое, олицетворяя прошлое, отражало бы на себѣ такъ вѣрно и духъ того времени, въ которое задумано и исполнено. Его могъ исполнить только человѣкъ, который живетъ съ обществомъ настоящей его жизнью, а не жизнью давно прошедшихъ временъ,—художникъ-гражданинъ».

Стоимость сооруженія памятника по своему проекту и вы-

---

[1]) «Художественный Листокъ» 1862 г., № 10.
[2]) «Историческій Вѣстникъ» 1880 г., № 2.

полненной модели (пріобрѣтенной впослѣдствіи академіей художествъ) Пименовъ опредѣлилъ въ 85.000 руб. Объ осуществленіи Пименовскаго проекта нельзя было, однакожь, и думать за неимѣніемъ въ сборѣ такой крупной суммы. Вообще, мысль о памятникѣ Пушкину вскорѣ какъ-бы заглохла, частью въ виду той «хулы на Пушкина», которая, благодаря отчасти Писареву, возникла въ шестидесятыхъ годахъ, частью въ виду политическихъ событій, неблагопріятствовавшихъ осуществленію такой прекрасной и возвышенной идеи, какъ сооруженіе памятника народному поэту.

XXXI.

Комитетъ по сооруженію памятника Пушкину. – Выборъ мѣста подъ памятникъ.—Воззваніе комитета.—Подписка.—Конкурсъ на памятникъ Пушкину 1872 года.—Разные проекты, представленные на конкурсъ.—Статуя Забѣлло.

Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ со времени возникновенія первой идеи о памятникѣ Пушкину, пока эта идея была вновь затронута: на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ, 19 октября 1870 г., одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ возобновить вопросъ о памятникѣ поэту [1]). Предложеніе встрѣтило большое сочувствіе, и тутъ-же, по мысли Я. К. Грота, задумано было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лицея.

Комитетъ этотъ, по ходатайству принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, удостоился Высочайшаго утвержденія и въ февралѣ 1871 года открылъ свои дѣйствія. Въ составъ его вошли: статсъ-секретарь баронъ (впослѣдствіи графъ)

[1]) Въ актахъ, относящихся къ исторіи памятника Пушкину, читанныхъ, по случаю сооруженія памятника, въ московской городской думѣ 5 іюня 1880 года, имя этого «возобновителя идеи 1860 года» почему-то не упомянуто; но изъ приписки къ «Историческому очерку памятника Пушкину»—въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники»—видно, что предложеніе возобновить прекратившуюся подписку на памятникъ Пушкину принадлежало Я. К. Гроту.

М. А. Корфъ, адмиралъ Ѳ. Ѳ. Матюшинъ, академикъ Я. К. Гротъ, статсъ-секретарь К. К. Гротъ, статсъ-секретарь Ѳ. П. Корниловъ.

Въ числѣ этихъ лицъ, адмиралъ Ѳ. Ѳ. Матюшинъ первый подалъ мысль о постановкѣ памятника въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ или Царскомъ Селѣ. Это мнѣніе раздѣлилъ съ Матюшинымъ и комитетъ по слѣдующимъ основаніямъ: царскосельскій лицейскій садъ слишкомъ уединенъ; въ Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и знаменитыхъ полководцевъ, мало было надежды найти достойное поэта, достаточно открытое и почетное мѣсто. Между тѣмъ въ Москвѣ, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, постановка памятника была способна придать ему значеніе вполнѣ народнаго достоянія. Наконецъ, Пушкинъ родился въ Москвѣ и до 12-тилѣтняго возраста прожилъ частью въ самомъ городѣ, частью въ подмосковномъ сельцѣ Захаровѣ; здѣсь онъ ознакомился съ народнымъ бытомъ и языкомъ, сблизился съ самимъ народомъ; здѣсь поэтъ нашелъ могучее противодѣйствіе тому французскому воспитанію, которое онъ по духу времени получилъ въ родительскомъ домѣ; въ Москвѣ началось общественное возрожденіе Пушкина, когда императоръ Николай, послѣ коронаціи, положилъ конецъ его изгнанію, и т. д. Такъ мотивируя свое рѣшеніе (мотивы эти подробно перечислены въ актахъ, относящихся къ исторіи открытія памятника въ 1880 году), комитетъ постановилъ воздвигнуть памятникъ Пушкину въ первопрестольной Москвѣ.

И вотъ, по докладу принца Ольденбургскаго, согласно съ ходатайствомъ комитета, 20 марта 1871 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «чтобы памятникъ Пушкину поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде указано было, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, гдѣ монументъ его получитъ вполнѣ національное значеніе».

Комитетъ, между тѣмъ, обратился съ энергичнымъ воззваніемъ къ пожертвованіямъ на сооруженіе памятника. Воз-

званіе, опубликованное во всѣхъ почти русскихъ періодическихъ изданіяхъ 1871 г., заключало въ себѣ краткую исторію возникновенія комитета и оканчивалось слѣдующими словами:

«Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, надобности придумывать доводы для привлеченія жертвователей. Значеніе Пушкина такъ сознается всѣми, права его на памятникъ такъ несомнѣнны, что къ сказанному прибавлять нечего. Пусть только всякій, сочувствующій великому поэту, принесетъ свою посильную лепту: какъ бы ни была она ничтожна сама по себѣ, она получитъ свой вѣсъ въ итогѣ пожертвованій, и средства для осуществленія достойнымъ образомъ общаго желанія могутъ быть собраны въ короткое время».

Воззваніе встрѣтило самый сочувственный пріемъ, и скоро въ газетахъ и журналахъ появились длиннѣйшіе списки жертвователей. Эти списки,—на взглядъ лишь сухой перечень фамилій и пожертвованныхъ суммъ,—представляютъ несомнѣнный интересъ и даютъ наглядное доказательство, что памятникъ Пушкину сооруженъ дѣйствительно представителями всѣхъ классовъ русскаго общества. Рядомъ съ именами Высочайшихъ особъ, мы встрѣчаемъ въ этихъ спискахъ скромныя фамиліи крестьянъ, мелкихъ купцовъ, прикащиковъ; рядомъ съ высокопоставленными сановниками—мелкихъ чиновниковъ; рядомъ съ пожертвованіями въ тысячи и сотни рублей—скромныя лепты въ нѣсколько копѣекъ. Сумма, необходимая для сооруженія памятника, росла такъ быстро, что уже въ началѣ 1872 года окончательно можно было считать дѣло съ матеріальной стороны обезпеченнымъ.

Послѣ этого осталось выбрать пунктъ Москвы, гдѣ всего приличнѣе воздвигнуть памятникъ. Указывали на Тверской бульваръ, противъ Страстнаго монастыря и Нарышкинскій садъ. Для совѣщанія по этому поводу отправился въ Москву членъ комитета, К. К. Гротъ, и вмѣстѣ съ представителями древней столицы, гг. Лялинымъ, Аксаковымъ, Бартеневымъ, Катковымъ, Погодинымъ и Ю. А. Самаринымъ, на собраніи у кн. В. А.

Черкасскаго, признано было лучшимъ мѣсто на Тверскомъ бульварѣ. Выборъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія 17 іюня 1872 года и, съ согласія московской думы, рѣшено было отрѣзать отъ Тверскаго бульвара подъ памятникъ около 30 саженъ по прямой линіи.

Въ томъ-же 1872 году комитетъ открылъ конкурсъ на памятникъ, бросивъ мысль осуществленія прежняго проекта (хотя уже и одобреннаго къ исполненію), во-первыхъ, потому, что для этого требовалась весьма значительная сумма (89,000 р. сер.), на сборъ которой въ то время нельзя было еще разсчитывать; во-вторыхъ, потому, что по замыслу своему проектъ 1860 года не отвѣчалъ, по мнѣнію комитета, тому идеалу простоты и единства созданія, который желательно было видѣть осуществленнымъ въ памятникѣ поэту, столь отличавшемуся именно этими чертами въ своихъ произведеніяхъ.

Выставка проектовъ памятника была открыта въ залахъ Опекунскаго Совѣта (Больш. Мѣщанская, зданіе Воспитательнаго дома) 22 марта 1873 г. Всѣхъ проектовъ было прислано 15.

Публику, какъ свидѣтельствуетъ «Гражданинъ» въ № 17-мъ 1873 г. (издававшійся въ то время Ѳ. М. Достоевскимъ), выставка повидимому не особенно заинтересовала. Зала, гдѣ собраны были представленныя на конкурсъ модели, почти постоянно оставалась пустою, лишь изрѣдка оживляясь появленіемъ немногихъ записныхъ любителей искусства. Печать отнеслась къ дѣлу нѣсколько внимательнѣе и, въ отвѣтъ на вызовъ комитета, учрежденнаго для сооруженія памятника, почти всѣ газеты поспѣшили помѣстить на страницахъ своихъ отзывы о представленныхъ моделяхъ. Высказанныя по этому предмету мнѣнія, несмотря на различіе взглядовъ, убѣжденій и эстетическаго вкуса писавшихъ, всѣ, однакожь, сводятся къ тому, что ни одинъ изъ проектовъ не оказался вполнѣ достойнымъ выразителемъ памяти творца «Онѣгина», «Годунова» и «Мѣднаго Всадника».

Въ числѣ представленныхъ проектовъ были простыя ком-

позиціи, состоящія всего изъ одной фигуры поэта, съ соотвѣтственными барельефами на пьедесталѣ, и болѣе сложныя—въ двѣ и три фигуры, не считая барельефовъ, и наконецъ—цѣлыя грандіозныя, по массѣ фигуръ, композиціи, причемъ въ шести моделяхъ призваны къ участію изображенія музъ и аллегорій, съ крыльями и безъ крыльевъ.

Одинъ изъ художниковъ (проектъ № 4) задался мыслью передать пластически слова поэта, которыми тотъ очертилъ обширность Россіи: «Отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ справа, нагроможденныя одна на другую, глыбы, которыя должны изображать «финскія хладныя скалы», а налѣво—тополи, какъ олицетвореніе «Колхиды». Вокругъ горы, долженствующей выражать неизмѣримость Россіи, вьется народная тропа, которая, по словамъ поэта, не заростетъ къ его памятнику. Возлѣ этой тропы бьетъ «ключъ народной поэзіи», а шероховатости, видныя на тропѣ, должны изображать «корни языка, хранящіеся въ народной рѣчи». Наверху этого пьедестала стоитъ Пушкинъ. Въ опущенной правой рукѣ поэта—перо, а лѣвою онъ прижимаетъ къ сердцу вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ русской флоры: колокольчиковъ, ландышей, незабудокъ и васильковъ, перевитыхъ берестою, на которой надпись: «Россія—Пушкину».

Другой скульпторъ (№ 12) представилъ Пушкина въ сюртукѣ, съ обнаженной головой, въ простой и естественной позѣ, опершись на сколокъ, украшенный барельефомъ, изображающимъ русскій эпосъ—въ видѣ старушки-няни, сказывающей сказки своему питомцу. Рядомъ съ этимъ барельефомъ—другой, изображающій романтическую поэзію. Все это утверждено на пьедесталѣ пирамидальной четырехугольной формы, на усѣченныхъ углахъ котораго расположены группы изъ «Онѣгина», «Бориса Годунова», «Полтавы», «Цыганъ», причемъ подъ каждой изъ группъ подпись вязанымъ славянскимъ шрифтомъ.

Слѣдующій затѣмъ проектъ изображалъ Пушкина, закутаннаго въ альмавиву, съ сложенными на-крестъ руками (№ 13). Онъ стоитъ на удлиненной четырехугольной пирамидѣ, укрѣпленной на четырехъ выступахъ, съ прислонившимися къ сторонамъ пирамиды группами мотивовъ изъ «Онѣгина», «Бориса Годунова», «Полтавы» и «Золотой рыбки».

Большое сходство съ этимъ проектомъ имѣлъ другой (№ 15), на которомъ Пушкинъ представленъ стоя, съ сложенными на груди руками, на скалѣ, на лѣвомъ уступѣ которой расположилась играющая на лирѣ муза поэзіи, а по правой брошена гирлянда; муза держитъ въ лѣвой рукѣ лиру, правую же руку приподняла кверху.

Одинъ изъ проектовъ (№ 14) представлялъ Пушкина сидящимъ задумавшись, а надъ нимъ крылатая муза играетъ на лирѣ.

На другомъ проектѣ (№ 7) Пушкинъ изображенъ сидящимъ на одной изъ каменныхъ скамеекъ набережной, сбоку же его—изображеніе лежащаго Пегаса.

Сидящимъ Пушкинъ изображенъ еще на одной модели (№ 10). Въ одной рукѣ онъ держитъ перо, другою что-то ловитъ въ воздухѣ. На колѣнахъ у него раскрытая книга; кругомъ—разбросаны книги. Немного ниже, съ лѣвой стороны, муза исторіи, записывающая въ длинный сцисокъ названія произведеній Пушкина; съ правой—поэзія, подающая поэту лиру, украшенную вѣнкомъ. По угламъ нижней части пьедестала четыре группы изъ разныхъ произведеній Пушкина и четыре барельефа.

На одномъ изъ проектовъ (№ 5) Пушкинъ, завернутый въ плащъ, стоитъ на четырехгранномъ базисѣ. Русская дѣвушка пишетъ на базисѣ надпись, а парень вѣнчаетъ эту надпись вѣнкомъ.

Одинъ изъ художниковъ (№ 8) изобразилъ Пушкина стоящимъ въ раздумьѣ, опершись одною ногою на камень. Лицо поэта грустное и полное мысли, глаза устремлены въ даль.

Былъ въ числѣ проектовъ и такой, на которомъ Пушкинъ, стоящій на пьедесталѣ (№ 3), представленъ декламирующимъ; на четырехъ углахъ пьедестала, внизу, находятся четыре фигуры, изображающія представителей живаго слова русскаго царства: пѣсенника, гусляра, монаха и халяву (актера). Заслышавъ Пушкина, всѣ они замолчали.

Былъ, наконецъ, цѣлый рядъ проектовъ—банальныхъ по мысли и ниже посредственности по исполненію.

Для оцѣнки всѣхъ представленныхъ на конкурсъ проектовъ, комитетъ по сооруженію памятника пригласилъ къ совмѣстному съ нимъ совѣщанію наиболѣе извѣстныхъ художниковъ изъ среды не только скульпторовъ, но и живописцевъ. Организованная такимъ образомъ коммиссія нашла, что хотя ни одна изъ представленныхъ моделей не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ программы, однакожь нѣкоторыя изъ нихъ, по относительнымъ достоинствамъ своимъ, заслуживаютъ награды, и премій присуждено на 3,500 р. слѣдующимъ художникамъ: Опекушину, Забѣлло, Шредеру, Боку и Ильенкѣ.

Изъ всѣхъ награжденныхъ проектовъ, въ художественныхъ кружкахъ наиболѣе сочувственно отнеслись къ статуѣ Пармена Петровича Забѣлло, въ которой художникъ представилъ Пушкина стоящимъ на скалѣ, въ плащѣ, въ высокихъ сапогахъ, со шляпою въ рукахъ; одна нога приподнята. Первая лѣпка статуи была окончена еще до объявленія конкурса, во время пребыванія художника во Флоренціи; на конкурсъ же Забѣлло представилъ новую лѣпку, немного измѣненную противъ перваго своего проекта. Кромѣ этого проекта, г. Забѣлло, впрочемъ, сдѣлалъ еще три, въ другихъ позахъ.

Къ числу лицъ, одобрявшихъ первоначальный проектъ Забѣлло, принадлежалъ также И. Н. Крамской. Вотъ что писалъ объ этомъ проектѣ знаменитый портретистъ: «Какъ замыселъ, фигура Забѣлло, которую онъ привезъ изъ Италіи, лучшая изъ всѣхъ. Тамъ неудачная голова, она велика, не похожа и мало выразительна, но общее положеніе фигуры,

плащъ (дурно развѣвающійся), шляпа, руки и даже короткія ноги въ высокихъ сапогахъ—очень и очень хороши. Еслибы эту мысль превосходно реализировать, то, пожалуй, и остано-

Статуя Пушкина работы Забѣлло.

виться бы можно [1])». Въ другомъ письмѣ къ неизвѣстному лицу, Крамской пишетъ: «я не утверждаю, что статуя Пушкина Забѣлло такая статуя, о которой бы можно было гово-

[1]) «Иванъ Николаевичъ Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи», стр. 339.

рить съ восторгомъ, какъ объ изображеніи поэта; но статуя эта неизмѣримо выше (по одушевленію), нежели та фигура, которая стоитъ на Тверскомъ бульварѣ». Тутъ-же Крамской утверждаетъ, что, «по концепціи, статуя Забѣлло превосходитъ всѣ бывшія на конкурсахъ» [1]). М. И. Семевскій, въ статьѣ своей объ академикѣ Забѣлло [2]), называетъ статую Пушкина этого художника «превосходною» и выражаетъ сожалѣніе, что она остается непристроенною.

Статуэтки Пушкина, сдѣланныя съ модели памятника работы Забѣлло, продавались на Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ въ 1880 г.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 446.

[2]) «Русская Старина», 1884 г., стр. 433.

XXXII.

Новый конкурсъ, открытый въ 1874 г.—Неудовлетворительность представленныхъ проектовъ.—Единогласное въ этомъ отношеніи мнѣніе критики.—Н. Страховъ объ одномъ изъ выставленныхъ проектовъ.—Проекты на бумагѣ.—А. Н. Майковъ о томъ, что̀ долженъ выражать памятникъ Пушкину.

Спустя годъ, комитетъ по сооруженію памятника призналъ нужнымъ учредить новый конкурсъ, который состоялся тѣмъ-же способомъ и на тѣхъ-же главныхъ основаніяхъ, какъ и первый. Представленнымъ вслѣдствіе того, въ мартѣ 1874 г., 19-ти моделямъ устроена была опять публичная выставка, на этотъ разъ въ залѣ академіи наукъ.

Эта выставка гораздо больше заинтересовала публику. Ее усердно посѣщали, о ней говорили, спорили, но почти всѣ приходили къ заключенію, что ни одна изъ представленныхъ моделей недостойна быть «памятникомъ Пушкину», что ни красоты, ни мысли, ни воображенія въ этихъ моделяхъ нѣтъ. Критика тоже, почти въ одинъ голосъ, признала большинство проектовъ ниже посредственности, и находила, что многіе проекты поражаютъ даже абсолютнымъ отсутствіемъ того, что̀ извѣстно подъ именемъ искры вдохновенія или хотя-бы малѣйшаго художественнаго такта, но что они даже изобличаютъ въ авторахъ ихъ полное незнакомство какъ съ дѣятельностью

Пушкина, такъ и вообще съ исторіей русской литературы. «Нужно удивляться,—пишетъ одинъ изъ критиковъ,—до какой степени безцвѣтно, безхарактерно, бездарно пользовались русскіе ваятели такою богатою задачею, какъ составленіе памятника лучшему, любимому и чуть-ли не самому плодовитому и разнообразному поэту, каковъ былъ Пушкинъ» [1]). «Мы видѣли здѣсь щеголей, расшаркивавшихся со шляпой подъ мышкой, — пишетъ другой обозрѣватель выставки, — видѣли танцмейстеровъ съ перомъ въ рукѣ вмѣсто смычка, видѣли, наконецъ, фигуры въ плащѣ, этомъ благороднѣйшемъ одѣяніи современныхъ статуй и тѣмъ болѣе умѣстномъ, что оно было любимое Пушкинское, - но Пушкина мы не видали въ этихъ попыткахъ. Даже въ лучшихъ изъ этихъ проектовъ поражало какое-то роковое несоотвѣтствіе статуи съ ея подножіемъ: если фигура Пушкина еще могла быть терпима—пьедесталъ никуда не годился по крайней, такъ-сказать, убогости замысла; наоборотъ (и это въ большинствѣ случаевъ), когда подножіе являлось въ нѣкоторой степени достойнымъ памятника пѣвцу-исполину, самая статуя рѣзала глазъ своимъ —tranchons le mot—ничтожествомъ, если еще не потѣшнымъ комизмомъ» [2]).

«Признаться,—пишетъ художественный критикъ «Голоса», —при всемъ недовѣріи къ русскимъ силамъ, мы и не подозрѣвали такой срамоты. Вѣдь, кромѣ одного-двухъ произведеній, все остальное обличаетъ крупное невѣжество, и невѣжество во всѣхъ отношеніяхъ. Не только со стороны художественнаго чувства и яснаго пониманія значенія дѣятельности и творчества Пушкина, даже со стороны техники, рисунка, правильности и простыхъ условій композиціи – и тутъ не находишь возможности критически относиться къ предмету и видѣть въ немъ произведеніе рукъ художника.»

[1]) «Нѣсколько словъ о конкурсныхъ проектахъ памятника Пушкину» — «Гражданинъ», 1874 г., № 16.

[2]) «Кругозоръ», 1876 г., № 12.

Изъ фигуръ, изображающихъ Пушкина, художественный критикъ «Голоса» нашелъ лишь двѣ-три правильно сдѣланныя. Остальныя же, по его мнѣнію, напоминали какой-то звѣринецъ или зоологическій кабинетъ. «Тутъ Пушкинъ и въ видѣ обезьяны, карабкающейся на Гибралтарскую скалу (проектъ № 13), и въ видѣ барашка, и въ видѣ червяка, и на подобіе бодающагося козла, словомъ, продолжая эту зоологическую градацію, мы найдемъ Пушкина и четвероногаго, и четверорукаго, и въ видѣ опухшаго и откормленнаго помѣщика, и въ видѣ прикащика (№ 14), завѣряющаго публику въ своемъ талантѣ, и съ камертономъ около рта (№ 16) и, наконецъ, какъ съумасшедшаго, въ простынѣ, съ подписью: «поэтъ вдохновленъ» (№ 10) и т. д. Есть Пушкинъ съ отвороченными руками, съ выломанными ногами, съ переломаннымъ бокомъ, съ сплюснутой головой; есть въ водянкѣ, есть въ чахоткѣ, есть безъ живота, безъ шеи, а не то безъ спины и груди; встрѣчается также и съ гусиной шеей или съ утинымъ носомъ, да и Богъ знаетъ какими подобіями не обладаетъ иной разъ одна и та-же фигура» [1]).

Такой-же строгой критикѣ подверглись идеи, мотивы всѣхъ памятниковъ.

Въ общемъ, выставка проектовъ въ 1874 г. производила, по единогласному почти мнѣнію столичной печати того времени, тяжелое впечатлѣніе убогостью выставленныхъ моделей, недостойныхъ, за малыми исключеніями, имени великаго поэта и несогласныхъ съ новѣйшими успѣхами скульптуры. Многіе изъ критиковъ рѣшительно даже затруднялись высказаться—который изъ проектовъ лучше другихъ, хотя-бы только относительно. Высказывающіе же въ этомъ смыслѣ свои воззрѣнія критики сильно расходились во мнѣніяхъ: что одинъ находилъ хорошимъ, другой—считалъ ниже всякой критики. Всѣ, однако, почти сходились въ томъ мнѣніи, что представленные на кон-

[1]) «Голосъ» 1874 г., № 101, фельетонъ «Художественныя новости».

курсъ проекты весьма слабы. Одинъ только Н. Страховъ нашелъ въ числѣ представленныхъ работъ проектъ, который онъ призналъ вполнѣ отвѣчающимъ цѣли. На проектѣ, удостоившемся лестной оцѣнки Н. Страхова (проектъ № 13), Пушкинъ представленъ восходящимъ или взошедшимъ на гору. Онъ сдѣлалъ шагъ выше того мѣста, на которомъ стоитъ, остановился, оперся рукою на приподнятое колѣно, повернулъ голову и смотритъ спокойно передъ собою. Поза—по мнѣнію г. Страхова—исполнена такой жизни, что лучше невозможно желать, и въ то-же время совершенно спокойная, совершенно естественная. Не только въ поворотѣ головы и выраженіи лица но и въ туловищѣ, въ ногахъ и рукахъ, художникъ умѣлъ выразить необыкновенную бодрость, легкость, силу и грацію. Поза очень смѣлая, но изъ всѣхъ смѣлыхъ позъ единственно возможная. Фигуру Пушкина въ описываемомъ проектѣ г. Страховъ нашелъ «чрезвычайно стройною»; голову очень похожей и очень красивой: типъ негра въ ней усиленъ, но въ то-же время облагороженъ, а индивидуальность чисто Пушкинская. Точно также художникъ совершенно соблюлъ вѣрность дѣйствительности во всемъ, что ему не мѣшало. Покрой брюкъ и сюртука у него вѣрнѣе, чѣмъ въ другихъ проектахъ; сюртукъ застегнутъ доверху, какъ, говорятъ, любилъ Пушкинъ. Въ итогѣ г. Страховъ признанъ описываемый проектъ «произведеніемъ совершенно оригинальнымъ, совершенно простымъ и цѣльнымъ и вполнѣ выражающимъ то, что нужно; это поэтъ, это Пушкинъ» [1]).

Мнѣніе г. Страхова не встрѣтило, однако, поддержки. Хотя многіе и признавали, что проектъ, одобренный г. Страховымъ, въ числѣ представленныхъ одинъ изъ лучшихъ, но все-же не считали его достойнымъ сдѣлаться памятникомъ Пушкину.

Взамѣнъ неудачныхъ проектовъ, критики, рецензенты и

[1]) Н. Страховъ, «Проекты памятника Пушкину».—«Всемірная Иллюстрація» 1874 г., № 275.

фельетонисты стали предлагать свои соображенія относительно общей идеи памятника, плоды собственнаго творчества. Одинъ требовалъ, чтобы Пушкинъ былъ въ лавровомъ вѣнкѣ и чтобы возлѣ поэта непремѣнно стояли жертвенникъ и «атрибуты богатства и почестей», отверженныхъ Пушкинымъ («Современ. Извѣстія»); другой—разныхъ алегорическихъ фигуръ на пьедесталѣ («Московскія Вѣдомости»); третій—чтобы Пушкинъ поднималъ голову къ небу и имѣлъ какъ-бы уносящуюся фигуру («Пчела»); четвертый—чтобы не было ни шляпы, ни плаща, но чтобъ была непремѣнно книга, «святая книга», брошенная на уголъ или какъ потребуютъ условія искусства («Бирж. Вѣдом.»), и т. д., и т. д.

Нѣкто А. Стронинъ, въ письмѣ въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1874 г., № 121), находитъ, что всѣ модели оттого неудачны, что «ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего новаго, что всѣ онѣ тривіальны, всѣ сшиты по одному и тому-же, давно исчерпанному и давно затасканному образцу. Непремѣнный пьедесталъ, непремѣнная статуя, непремѣнные на пьедесталѣ барельефы изъ жизни или изъ сочиненій статуи—все это такъ присмотрѣлось, такъ пахнетъ казенщиной въ скульптурѣ, что всякая дѣйствительно новая варіація на эту дѣйствительно старую тему рѣшительно перестала быть возможною...»

Взамѣнъ всѣхъ представленныхъ проектовъ, г. Стронинъ напомнилъ о проектѣ памятника, составленномъ покойнымъ архитекторомъ В. А. Гартманомъ, находя его болѣе подходящимъ. Проектъ этотъ представлялъ до половины ушедшую въ землю колонну—и больше ничего. Эта колонна символически обозначала бы Пушкина, скончавшагося на полудорогѣ. Принадлежность такого памятника, по мнѣнію г. Стронина, можно было бы обозначить простой надписью на четырехъ сторонахъ колонны четырехъ простыхъ словъ: «Памятникъ Александру Сергѣевичу Пушкину». А если бы захотѣли еще ближе подвести къ идеѣ о Пушкинѣ идею памятника, то стоило бы, по мнѣнію г. Стро-

нина, взять тотъ-же самый проектъ, но въ обратномъ смыслѣ, а именно—представить не верхъ колонны, низъ которой ушелъ въ землю, а наоборотъ—низъ колонны, у которой верха нѣтъ, которая подломлена на половинѣ. Уступая же рутинѣ, можно бы съ лицевой, главной стороны сдѣлать нишу съ бюстомъ или со статуей Пушкина, а на остальныхъ трехъ сторонахъ—барельефы изъ его трехъ лучшихъ произведеній.

Фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», признавая тоже неудовлетворительность конкурсныхъ проектовъ, предлагалъ либо отложить весь конкурсъ на долгій срокъ, лѣтъ,—на 10 или 15, когда появится новое поколѣніе художниковъ либо предложить двумъ-тремъ лучшимъ изъ наличныхъ художниковъ, участвовавшихъ въ конкурсѣ, соединить свои проекты, знанія, вкусы, разсудокъ и критику, и такимъ образомъ произвести нѣчто дѣйствительно хорошее.

Комитетъ по сооруженію памятника, пригласивъ къ участію экспертовъ изъ художниковъ и литераторовъ, приступилъ къ обсужденію всѣхъ представленныхъ на конкурсъ моделей, и пришелъ къ заключенію, что ни одна изъ моделей недостойна полнаго одобренія; но тѣмъ не менѣе присудилъ, по произведенной баллотировкѣ, второстепенныя преміи, всего на 2,000 руб., тремъ изъ состязавшихся скульпторовъ, именно гг. Опекушину, Забѣлло и Боку.

Высказаться окончательно въ пользу одной изъ этихъ трехъ моделей комитетъ не рѣшился по той причинѣ, что хотя всѣ три признаны достойными награды, но не отвѣчали тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись памятнику публикой, находившей, что памятникъ долженъ хотя немного воплощать въ себѣ «всего Пушкина», давать идею, понятіе о поэтѣ, которому Россія рѣшила поставить монументъ. Ясно и отчетливо выразилъ это справедливое требованіе всѣхъ поклонниковъ Пушкина А. Н. Майковъ, въ четверостишіи своемъ «Ваятелю — что̀ долженъ выражать памятникъ Пушкину»:

Изобрази ты въ немъ поэта,
Чтобъ—въ царствѣ мысли царь--онъ былъ
Исполненъ внутренняго свѣта,
Да имъ и насъ бы освѣтилъ! [1])

Это именно желаніе изобразить поэта «царемъ» пытался воплотить въ своемъ проектѣ Антокольскій, проектировавшій изобразить поэта сидящимъ на вершинѣ скалы, по которой къ нему идутъ главныя дѣйствующія лица его поэмъ и драмъ.

[1]) Четверостишіе это было впервые помѣщено въ «Кругозорѣ» 1876 г. (№ 11).

XXXIII.

Проектъ Антокольскаго.—Мнѣніе о немъ В. В. Стасова.—Споръ по поводу оцѣнки проекта г. Стасовымъ.—Мнѣнія И. С. Тургенева, А. С. Суворина и И. Миллера.—И. Н. Крамской о проектѣ Антокольскаго.

Слухъ о томъ, что скульпторъ «Ивана Грознаго» намѣренъ принять участіе въ составленіи проекта памятника Пушкину, произвелъ сильное впечатлѣніе въ художественныхъ и литературныхъ кружкахъ. И. С. Тургеневъ, жившій въ то время въ Парижѣ, въ письмѣ къ М. А. Милютиной отъ 22 февраля 1875 г., пишетъ тоже, что онъ «радуется, что Антокольскій взялся за Пушкина» [1]).

Всѣ не безъ основанія ждали, что знаменитый скульпторъ представитъ какой-нибудь оригинальный и выдающійся проектъ. Ожиданія эти оправдались, хотя проектъ представленъ былъ г. Антокольскимъ лишь въ-чернѣ и передъ моделью висѣлъ слѣдующій аншлагъ художника: «Я покорно прошу несмотрѣть на мою работу какъ на модель памятника, а лишь какъ на первоначальный эскизъ, котораго я, къ сожалѣнію, не могъ довести до желаемыхъ результатовъ, принужденный обстоятельствами уѣхать въ Римъ къ семейству. Многаго въ моемъ

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Гургенева. С.-Петербургъ, 1885.

эскизѣ недостаетъ, даже цѣлыхъ фигуръ, которыхъ я не успѣлъ сдѣлать, напримѣръ фигуры Русалки, внизу у воды, подъ фигурой Мельника. Также я имѣлъ въ виду измѣнить форму скалы и скамейки, на которой сидитъ Пушкинъ, такъ какъ первоначально предполагались, вмѣсто скалы, архитектурныя формы. Кругомъ подножія скалы, я думалъ устроить со всѣхъ сторонъ бассейнъ съ водою».

Памятникъ по проекту Антокольскаго состоялъ изъ искусственной скалы, на верхнюю площадку которой ведетъ лѣстница изъ неправильныхъ уступовъ. На вершинѣ скалы сидитъ Пушкинъ на скамейкѣ, погруженный въ поэтическія мечты; по ступенямъ же лѣстницы поднимаются всѣ важнѣйшіе герои его поэмъ: въ самомъ низу, отягченный грузомъ разбитыхъ надеждъ—Мазепа ступаетъ неровнымъ шагомъ, придерживаясь за скалу; передъ нимъ идетъ Пугачевъ, съ закрученными назадъ руками; выше Моцартъ, какъ свѣтлый геній, беззаботно ступая по камнямъ, читаетъ ноты, а позади его мрачно прижимается къ стѣнѣ его убійца, Сальери. Еще выше Пименъ остановился въ наблюдательной позѣ, видя, какъ Борисъ жмется къ легкой балюстрадѣ лѣстницы, преслѣдуемый тѣнью отрока Дмитрія; далѣе стоитъ пораженная нравоученіемъ Татьяна; передъ нею, жадно пересчитывая гроши, согнулся Скупой Рыцарь; и наконецъ надъ обрывомъ, гдѣ кончается лѣстница, стоитъ Мельникъ и показываетъ внизъ, гдѣ находится Русалка съ дѣвочкой, у самой воды, окружающей со всѣхъ сторонъ скалу въ видѣ бассейна [1]).

Идея изобразить въ памятникѣ рядъ дѣйствующихъ лицъ поэмъ Пушкина, идущихъ по ступенямъ къ поэту, какъ видно, навѣяна была скульптору стихотвореніемъ «Осень», гдѣ, между прочимъ, сказано:

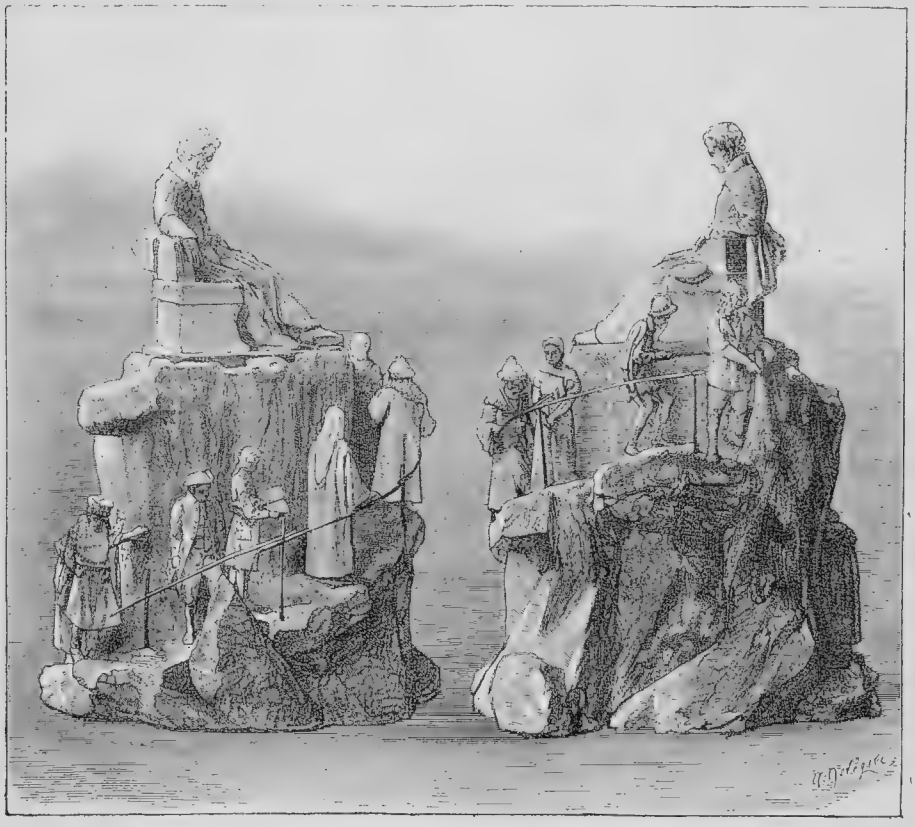
. . . . . И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,

[1]) Третій конкурсъ на памятникъ Пушкину—«Пчела», т. I, № 13.

И пробуждается поэзія во мнѣ:
. . . . . И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей,
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ.
. . . . . Минута—и стихи свободно полетятъ.

Совершенно оригинальный, новый и грандіозный по мысли проектъ Антокольскаго вызвалъ въ художественномъ русскомъ мірѣ цѣлую бурю. Въ то время какъ одни восхваляли идею скульптора, восторгались ею, называли ее великой и полагали, что если памятникъ по проекту Антокольскаго будетъ исполненъ въ натурѣ, то составитъ «гордость Россіи передъ всею Европою»,—другіе находили эту идею просто безсмысленною и безусловно неисполнимою. Во главѣ первыхъ стоялъ извѣстный художественный критикъ и несомнѣнный знатокъ, В. В. Стасовъ. «На мои глаза,—пишетъ г. Стасовъ въ «Голосѣ» (1875 г., № 70),—памятникъ, созданный г. Антокольскимъ, до того оригиналенъ, новъ и талантливъ, что оставляетъ далеко позади себя всѣ проекты, дѣланные до сихъ поръ у насъ. Вотъ въ двухъ словахъ вся идея: Пушкинъ сидитъ наверху скалы, и къ нему идутъ по ступенямъ, вырубленнымъ кругомъ скалы винтомъ, всѣ главныя дѣйствующія лица его созданій. Такой простой, такой великолѣпной мысли до сихъ поръ никому не приходило въ голову. И у насъ, и заграницей немало есть памятниковъ великимъ людямъ, гдѣ хотѣли создать вмѣстѣ и выставить однимъ разомъ всѣ главныя дѣйствующія лица, созданныя поэтомъ или игравшія большую роль въ жизни историческаго дѣятеля. Но какъ это до сихъ поръ плохо удавалось скульпторамъ! Вездѣ вы увидите собраніе личностей, ходящихъ или стоящихъ вокругъ круглаго или четырехугольнаго камня и приклеенныхъ къ нему спинами. Какъ это было все печально! Поневолѣ, бывало, подумаешь, глядя на такой монументъ: «Да, все это очень хорошо, и что всѣ эти господа тутъ собраны—это прекрасно; только зачѣмъ же они спинами-то своими прилѣплены къ подкладкѣ и камню?

Неладно, неладно! Но г. Антокольскій однимъ талантливымъ взмахомъ разсѣкъ узелъ и сдѣлалъ то, чего никому не удавалось, чего никому не пришло въ голову. У него всѣ фигуры свободны отъ головы до ногъ; какъ живые люди, онѣ представляютъ съ разныхъ сторонъ сто разнообразныхъ то-



Проектъ М. М. Антокольскаго (съ двухъ сторонъ).

чекъ зрѣнія, поминутно мѣняющихся и прибавляющихъ новую красоту грандіозному ансамблю; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, онѣ заняты не разговорами другъ съ дружкой, не пустыми и театральными жестами — печальная, неизбѣжная необходимость прежней системы,—онѣ идутъ вверхъ къ своему творцу, къ своему создателю, Пушкину, и несутъ ему, каждый въ оди-

ночку, свое чувство, свое выраженіе, главное движеніе своей души. Пушкинъ, наклонивъ голову, глубокими глазами смотритъ со своей вышины, и передъ нимъ совершается процессія, идетъ живьемъ цѣлая картина, съ которою онъ связанъ, гдѣ онъ тоже играетъ роль — и какую роль! Такую, какой никогда еще никто не игралъ въ скульптурныхъ памятникахъ.»

Идею Антокольскаго г. Стасовъ называетъ «новою, поразительною, небывалою въ скульптурѣ, которая не можетъ не поражать каждаго, кто способенъ что-нибудь чувствовать въ искусствѣ»,—и, въ заключеніе, признаетъ модель Антокольскаго «однимъ изъ капитальнѣйшихъ созданій самобытнаго русскаго творчества» [1]).

Статья г. Стасова, восхваляющая проектъ Антокольскаго, вызвала въ одной части печати и художественныхъ сферъ страшную бурю, и вслѣдъ за ея появленіемъ въ газетахъ напечатано было нѣсколько своеобразныхъ на нее возраженій. Академикъ Литовченко рѣшился даже назвать эту статью «рыночною рекламою» [2]). Кромѣ того, какъ г. Литовченко, такъ и другой художникъ, Ив. Б—въ [3]), старались доказать, что идея Антокольскаго, новизною и оригинальностью которой восхищался г. Стасовъ, вовсе не новая, что она существовала уже раньше въ альбомѣ рисунковъ другаго скульптора, г. Опекушина. По указанію г. Ив. Б—ва, на одномъ изъ Опекушинскихъ набросковъ проекта памятника Пушкинъ тоже стоялъ наверху скалы, по природнымъ уступамъ которой, снизу вверхъ, были расположены группы и отдѣльныя дѣйствующія лица изъ твореній Пушкина. Въ отвѣтъ на это, г. Стасовъ ловко доказалъ, что если даже дѣйствительно у Опекушина существовалъ описанный проектъ разставить группы и дѣйствующія лица, то этотъ проектъ отнюдь не можетъ сравниваться съ полнымъ глубокой мысли проектомъ Антокольскаго.

[1]) Письмо В. В. Стасова въ ред. «Голоса» — «Голосъ», 1875 г. № 70.
[2]) «Голосъ» 1875 г., № 75.
[3]) «Биржевыя Вѣдомости», 1875 г., № 72.

«Стоятъ (у Опекушина) фигуры и группы ничѣмъ несвязанныя съ Пушкинымъ—писалъ г. Стасовъ—ну, и стоятъ, больше ничего! Не все-ли равно, что по уступамъ горы или безъ уступовъ, на ровномъ полу? Это уже мы видѣли сто разъ, въ томъ числѣ у самого г. Опекушина. Но какже можно сравнивать подобное сочиненіе, очень ординарное и скучное, съ тѣмъ, что мы видѣли у г. Антокольскаго? У него дѣйствующія лица Пушкина идутъ по горѣ къ самому Пушкину, идутъ словно на смотръ, явиться ему съ главнымъ моментомъ и движеніемъ своей жизни, блеснуть въ его воображеніи, наполнить его творческій духъ. Вотъ что ново, вотъ что небывало въ скульптурѣ; вотъ гдѣ огромная заслуга и починъ г. Антокольскаго» [1]).

Споръ относительно достоинствъ проекта Антокольскаго дошелъ, наконецъ, до ожесточенія. Но, вмѣсто дѣльныхъ и осмысленныхъ критическихъ о немъ отзывовъ, появились лишь по-большей части безсмысленныя шутки, которыя, конечно, не въ состояніи были умалить значенія проекта. Такъ, напр., фельетонистъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», указывая на то, что природные уступы скалы на проектѣ образуютъ винтовую лѣстницу, разразился слѣдующею пошлою шуткою: «однако, въ книжномъ магазинѣ Мавpикія Осиповича Вольфа винтовая лѣстница болѣе приспособлена къ хожденію прикащиковъ вверхъ къ своему зиждителю, Вольфу! Совѣтую Мардохаю Матысовичу (т.-е. Антокольскому) сходить къ Маврикію Осиповичу и изучить основательно его винтовую лѣстницу» [2]).

Фигура Пушкина, вылѣпленная Антокольскимъ, тоже подверглась рѣзкой критикѣ въ враждебномъ художнику лагерѣ. «Въ Пушкинѣ Антокольскаго нѣтъ и тѣни поэта,—писалъ Н. Александровъ,—и вмѣсто поэта изображенъ какой-то разслабленный больной, сидящій, послѣ тифа, въ саду на ска-

---

[1]) «Голосъ», 1875 г., № 79.

[2]) «За недѣлю»—«Биржевыя Вѣдомости», 1875 г., № 107, статья К. В.

мейкѣ, а не то—это утомившійся и важничающій швейцаръ изъ повѣсти «Капитанъ Копѣйкинъ», къ которому поднимаются по лѣстницѣ разные просители. Онъ въ какомъ-то длинномъ архалукѣ, застегнутомъ доверху на всѣ пуговицы, и смотритъ какъ-то тупо, и развалился какъ-то непринужденно» [1]).—«Самъ поэтъ,—писала «Всемірная Иллюстрація»,—лицо безъ рѣчей; эгоистъ отдыхающій, при отсутствіи живой мысли и чувства. Столовое украшеніе изъ этой группы можетъ выйти пріятное. Большое твореніе въ размѣрахъ полуколоссальныхъ — будетъ ошибкою въ области изящнаго эффекта» [2]).

«Московскія Вѣдомости», устами какого-то г. А. В—ва (1875 г., № 97, въ статьѣ: «Новый проектъ памятника Пушкину»), высказывали мнѣніе, что вся процессія (проектированная Антокольскимъ) весьма похожа на маскарадъ, а весь памятникъ—на лѣстницу Благороднаго собранія, куда входитъ публика на костюмированный балъ... Пушкина, сидящаго на верху, на площадкѣ, можно принять за кассира, выдающаго билеты и записывающаго въ книгу, которую держитъ въ рукѣ.

Другой критикъ модели, И. Миллеръ, спрашиваетъ въ тойже газетѣ: не будутъ ли фигуры, разставленныя въ памятникѣ, «напоминать пеструю по своимъ костюмамъ процессію путешественниковъ, гуськомъ тянущихся въ гору?» Считая проектъ Антокольскаго однимъ лишь «экспериментомъ», г. Миллеръ пишетъ: «Мы охотно признаемъ пользу экспериментовъ и допускаемъ ихъ надъ памятниками, не имѣющими большаго значенія: но не можемъ допустить ихъ надъ памятникомъ Пушкину; этотъ долженъ быть огражденъ отъ

---

[1]) «Несбыточныя мечты. Третій конкурсъ на памятникъ А. С. Пушкину», статья П. Александрова—«Биржевыя Вѣдомости», 1875 г., № 130.

[2]) «Третья выставка моделей памятника Пушкину», статья П. П.—«Всемірн. Иллюстрація», 1875 г., № 330

всего мало-мальски сомнительнаго, неопредѣленнаго и рискованнаго» [1]).

Еще рѣзче отозвался о проектѣ Антокольскаго А. С. Суворинъ, въ то время фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Памятникъ Антокольскаго г. Суворинъ называетъ произведеніемъ «затѣйливымъ, но вовсе не замѣчательнымъ». «Если вы слѣва посмотрите на статую Пушкина у Антокольскаго,—пишетъ г. Суворинъ,—то увидите передъ собою ковенскаго еврея, въ длиннополомъ сюртукѣ, соображающаго о томъ, какой бы это большой «булькъ» вышелъ, если бы изъ всѣхъ озеръ сдѣлать одно озеро, изъ всѣхъ дубовъ одинъ дубъ, изъ всѣхъ топоровъ одинъ топоръ, и этимъ топоромъ повалить этотъ дубъ въ это озеро» и т. д. Въ концѣ концовъ, г. Суворинъ приходитъ къ заключенію, что нелѣпѣе памятника великому поэту выдумать трудно [2]).

Г. Стасовъ, разъ выступивъ защитникомъ проекта Антокольскаго, не оставилъ враждебныхъ проекту отзывовъ безъ вниманія и всѣмъ своимъ оппонентамъ далъ бойкую «отправу» на столбцахъ «Голоса» (1875 г., № 117), разобравъ, такъ сказать, по косточкамъ всѣ враждебные отзывы и стараясь доказать ихъ несообразность, что̀ ему отчасти и удалось.

Но въ числѣ порицателей проекта Антокольскаго были и такіе несомнѣнные знатоки, какъ И. С. Тургеневъ. Споръ по этому поводу между авторомъ «Дыма» и В. В. Стасовымъ дошелъ, по словамъ Тургенева, до «изнеможенія». Тургеневъ находилъ пьедесталъ Антокольскаго съ фигурами главныхъ дѣйствующихъ лицъ, идущихъ по крутой дорожкѣ вверхъ къ Пушкину, смѣшнымъ и карикатурнымъ. «Нигдѣ въ Европѣ такихъ пьедесталовъ не дѣлаютъ,—пишетъ Тургеневъ.—Что за шествіе типовъ! Ха-ха-ха-ха!» Въ письмѣ къ Стасову изъ

[1]) «О модели памятника Пушкину, проектированной г. Антокольскимъ»—«Москов. Вѣдом.» 1875 г., № 76.

[2]) «Собраніе разсказовъ, фельетоновъ и замѣтокъ Незнакомца (А. Суворина)». Книга вторая. Спб., 1875 г.

Буживаля отъ 5 сентября 1875 г. Тургеневъ, возвращаясь еще разъ къ этому пьедесталу, считаетъ вопросъ о немъ «мизерабельнымъ, дрянной схоластикой эпигоновъ—словомъ, не стоющимъ того, чтобы на немъ останавливались больше минуты. Сдѣлай хорошую статую; а то - ничтожнѣйшіе пустяки» [1]).

Весьма интересно мнѣніе И. Н. Крамского о проектѣ Антокольскаго. Вотъ что писалъ знаменитый портретистъ по этому поводу къ А. С. Суворину, въ письмѣ отъ 18 марта 1875 г.: «Я видѣлъ проектъ Антокольскаго и подѣлюсь съ вами своимъ мнѣніемъ. Прежде всего надо сказать, что Антокольскій сдѣлалъ вещь дѣйствительно интересную и художественную, рѣшилъ, при своей задачѣ, вопросъ блистательно. Его проектъ со всѣхъ сторонъ представляетъ очень красивыя очертанія, и вышло даже то, что всего менѣе можно было ждать: Пушкинъ—настоящій человѣкъ, а остальныя фигуры—фикціи. Проектъ не конченъ: кое-что, что онъ сдѣлаетъ, еще болѣе усилитъ эффектъ и совершенно удовлетворительно объяснитъ его мысль... Но... все-таки не думаю, чтобы можно было исполнить именно этотъ проектъ, и вотъ почему. Исчезнувшія цивилизаціи, римская и еще больше греческая, оставили намъ недаромъ указанія въ этомъ отношеніи. Онѣ изображали своихъ великихъ людей просто портретами, на простомъ цоколѣ, и больше ничего. Тысячи лѣтъ прошли, а ихъ изображенія не имѣютъ ни одной смѣшной стороны для насъ, тогда какъ всѣ самыя остроумныя сочиненія, позднѣйшія, для своего времени, черезъ какія-нибудь 100 — 200 лѣтъ оказывались часто чепухою, или, по меньшей мѣрѣ, въ замыслахъ открывались бѣлыя нитки. Я не знаю, съ которой именно стороны мысль Антокольскаго окажется впослѣдствіи несостоятельною, не знаю, долго ли она будетъ сохранять свою свѣжесть, но уже и теперь я могъ бы представить нѣкоторыя

[1]) «Двадцать писемъ Тургенева и мое знакомство съ нимъ», Вл. Стасова—«Сѣверн. Вѣстникъ» 1888 г., № 10.

возраженія. Такъ, напримѣръ: почему первенствующее мѣсто между его героями отведено Борису Годунову? Потому ли, что это самое великое созданіе Пушкина, или потому, что Борисъ даетъ возможность Антокольскому выказать свой драматическій талантъ? Наконецъ, почему всѣ персонажи процессіи— эти, а не другіе? Вопросовъ, подобныхъ настоящимъ, можно много представить, и вы понимаете, что даже и теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Пушкина, критика не установила окончательно, которое изъ созданій его самое примѣчательное. Одно несомнѣнно, какъ вы указываете, что Пушкинъ, какъ лирикъ, гораздо выше Пушкина, какъ драматическаго писателя. Все это, или въ этомъ смыслѣ, я говорилъ Антокольскому, прибавивъ въ заключеніе, что онъ сдѣлалъ дѣйствительно памятникъ, только не Пушкину, а Антокольскому...»

Мысль свою Крамской развиваетъ еще въ другомъ письмѣ, къ И. Е. Рѣпину, отъ 16 мая 1875 года, относясь, впрочемъ, гораздо строже къ работѣ Антокольскаго, но признавая въ ней тоже большія достоинства. «Дѣтская лѣпка, но присутствіе таланта большое, — пишетъ Крамской, — исключая Пушкина, фигура котораго не годится никуда, что я ему (Антокольскому) и сказалъ. Онъ говоритъ, что онъ хотѣлъ его представить царемъ. Ну и пусть. Фигуры героевъ поэзіи Пушкина мнѣ понравились, не всѣхъ, положимъ, но вѣдь это эскизъ. Я знаю, что̀ онъ способенъ вложить при окончаніи, то-есть, что̀ онъ долженъ вложить! Ну, хорошо, говорю, положимъ, такъ. Только я, къ сожалѣнію, стою на другой точкѣ зрѣнія, и скажу, что если это будетъ исполнено, и исполнено превосходно, я не сомнѣваюсь, что это памятникъ Антокольскому, а ужь никакъ не памятникъ Пушкину. «Это почему?» «Да потому, что здѣсь больше всего проглядываетъ ваше личное воззрѣніе на Пушкина, которое еще подлежитъ критикѣ. И чѣмъ вы руководствовались, изображая этихъ лицъ, а не другихъ? Почему, напримѣръ, Борисъ Годуновъ занимаетъ первое мѣсто? Потому ли, что онъ, по вашему, самое великое созданіе

Пушкина, или потому, что онъ вамъ даетъ возможность высказать свой драматическій талантъ? Словомъ, вопросовъ бездна, и ихъ чѣмъ дальше—будетъ все больше и больше. А не даромъ греки и римляне оставили намъ указанія въ извѣстномъ смыслѣ. Они своихъ великихъ людей воспроизводили въ живыхъ портретахъ, и вотъ прошло 2000 лѣтъ, а Софоклъ нисколько не смѣшонъ и теперь. Тогда какъ самыя остроумныя комбинаціи для сегодняшняго дня не переживаютъ и 50 лѣтъ, а становятся свидѣтельствомъ наивности современниковъ. Возьмите что хотите... Даже геніальный «Петръ» Фальконетта—и тотъ теперь возбуждаетъ сожалѣніе, почему онъ римскій императоръ, а не такой, какимъ всѣ его видѣли въ дѣйствительности. И потому, я говорю, вы на меня смотрите какъ на человѣка, для котораго невозможна ваша точка зрѣнія. Я понимаю, что это талантливо, чрезвычайно можетъ быть интересно гдѣ-нибудь въ паркѣ, при фантастическомъ освѣщеніи (какъ онъ хотѣлъ), но рѣшительно невозможно на улицѣ, на площади, гдѣ снуютъ тысячи народа, солнце во всѣ глаза, пыль, шумъ... и вдругъ—видѣніе. И потомъ, какъ вы это сдѣлаете? Мистицизмъ и спиритизмъ въ Москвѣ, днемъ на Тверской площади?!»

Еще разъ возвращается Крамской къ проекту Антокольскаго въ письмѣ къ неизвѣстному, 22 ноября 1882 г. «Его (Антокольскаго) проектъ,—пишетъ онъ,—былъ въ глазахъ комиссіи, публики и критики хуже многихъ, но чѣмъ? Только тѣмъ, что онъ переступилъ главныя основы и границы скульптуры и пытался расширить свои средства до полученія эффекта живописнаго. Такому художнику стоитъ только сказать: «Это не то, что нужно, а нужно вотъ это», и онъ, войдя въ берега, сдѣлалъ бы вещь, достойную его таланта. Но даже если и то, что художникъ тогда представилъ, вообразимъ себѣ выполненнымъ съ тѣмъ талантомъ, который Антокольскій всюду обнаруживаетъ, было бы, конечно, интереснѣе того, что есть».

Въ концѣ концовъ, проектъ Антокольскаго не удостоился одобренія комитета по сооруженію памятника. Это, впрочемъ,

можно было легко предвидѣть. Не говоря уже о самой идеѣ памятника, не отвѣчающей требованіямъ комитета, который пришелъ къ заключенію, что только простой и скромный памятникъ, безъ всякихъ фигуръ, украшеній и проч., приличенъ для Пушкина,—стоимость сооруженія памятника, въ томъ видѣ какъ предлагалъ его Антокольскій, значительно превышала сумму, на сборъ которой можно было разсчитывать.

Такимъ образомъ, Россія лишилась памятника, который несомнѣнно былъ бы выдающимся и единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ скульптуры.

XXXIV.

Новый конкурсъ между А. М. Опекушинымъ и П. П. Забѣлло.—Проектъ г. Шредера и мнѣніе о немъ критики.—Шесть фигуръ Опекушина.—Окончательное присужденіе преміи.

Назначать новый конкурсъ послѣ двухъ, не приведшихъ къ цѣли конкурсовъ, комитетъ по сооруженію памятника нашелъ безполезнымъ и рѣшилъ, по совокупному опредѣленію съ экспертами, предложить двумъ составителямъ наиболѣе удавшихся моделей, А. М. Опекушину и П. П. Забѣлло, изготовить въ увеличенномъ размѣрѣ двѣ новыя модели, исправивъ прежнія по указаніямъ небольшой комиссіи экспертовъ, составленной, подъ предсѣдательствомъ профессора архитектуры Д. И. Гримма, изъ художниковъ: по скульптурной части—Лаверецкаго, по живописи—Келлера и Крамского.

На состоявшійся, такимъ образомъ, въ началѣ 1875 г. новый, третій конкурсъ, А. М. Опекушинъ представилъ цѣлыхъ шесть проектовъ, П. П. Забѣлло—два. Къ конкурирующимъ двумъ художникамъ присоединились еще, съ разрѣшенія комитета, М. М. Антокольскій, со своимъ описаннымъ уже проектомъ, и г. Шредеръ съ новымъ проектомъ, который почему-то не попалъ на предыдущій конкурсъ. Первые два художника въ представленныхъ проектахъ твердо держались высказаннаго

частью печати мнѣнія о необходимости воспроизведенія самого поэта въ схожемъ портретѣ и съ выраженіемъ ощущенія, имъ себѣ приписываемаго; а двое, наоборотъ, задались идеею обстановленія поэта созданными фантазіей его героями и героинями.

Кромѣ Антокольскаго, въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ

Проектъ г. Шредера.

г. Шредеръ. На проектѣ его, за который особенно ратовалъ «Голосъ» (1874 г., № 10), Пушкинъ стоитъ во весь ростъ въ сюртукѣ; на плечи его наброшенъ плащъ; голова приподнята; глаза устремлены въ даль; вся фигура—по словамъ «Голоса»—дышала поэтическимъ вдохновеніемъ и въ ней нельзя не узнать поэта—такъ она художественно-возвышена.

Статуя поставлена на четырехугольную, съ обрѣзанными углами колонну, съ двухъ сторонъ которой помѣщены два барельефа; съ передней стороны Онѣгинъ и Татьяна, съ задней—рыбакъ со своей старухой. Вся колонна, съ барельефами и статуей, поставлена на широкую базу, на которой расположены по четыремъ угламъ колонны, маскируя ихъ, четыре группы. Сюжетъ группъ заимствованъ изъ произведеній Пушкина, образно возсоздая лучшіе моменты его поэтическаго творчества. Первая группа олицетворяетъ «Руслана и Людмилу», вторая «Бориса Годунова». Обѣ эти группы помѣщаются на лицевой сторонѣ памятника; двѣ другія — одна изъ «Каменнаго Гостя», другая изъ «Русалки»—на противоположной сторонѣ.

Высота Шредеровскаго памятника предполагалась 14 аршинъ; фигура изъ бронзы, колонна и база—изъ сердобольскаго гранита; стоимость же памятника разсчитана была на 75,000 руб.

По мнѣнію «Голоса», и статуя, и два барельефа, и четыре группы, въ техническомъ отношеніи, обличали художника-мастера, и, въ общемъ, модель воспроизводила болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ бывшія на выставкахъ 1873 и 1874 г.г.

Мнѣніе «Голоса» относительно достоинствъ проекта Шредера не раздѣляли, однако, другія изданія. Между прочимъ, Н. Александровъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» о Шредеровской фигурѣ Пушкина говоритъ: «Фигура Пушкина ни на что такъ не походитъ, какъ на какого-то сумасшедшаго конькобѣжца. Шея у Пушкина длинная, гусиная и опухшая, руки также длинныя; одной рукой Пушкинъ махаетъ въ воздухѣ перомъ, а голова чуть не соскочитъ съ шеи, и альмавива точно съ чужаго плеча, какая-то короткая и подрѣзанная». Неодобрительно отнеслась къ проекту Шредера и «Пчела», находя, что фигура Пушкина на этомъ проектѣ кажется театральной, и вообще по своему характеру можетъ быть названа неудачной псевдоклассической попыткой. Фигуры, украшавшія памятникъ, какъ и группировка ихъ, тоже, по мнѣнію «Пчелы»,

не представляли никакихъ достоинствъ и по композиціи и по лѣпкѣ такъ-же неудачны, какъ и самая фигура Пушкина.

Изъ шести проектовъ А. М. Опекушина, одинъ пред-

Статуя Пушкина работы Опекушина (№ 7).

ставлялъ поэта задумчиво сидящимъ, съ книгой въ рукахъ, на верхней скамейкѣ, у себя въ Михайловскомъ. На другомъ проектѣ поэтъ представленъ со скрещенными на груди руками,

поднимающимъ взоры къ небу и какъ-бы чувствующимъ первое наитіе вдохновенія.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,—
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...

Третій проектъ (№ 7) изображалъ Пушкина со взоромъ, обращеннымъ на землю, въ позѣ, въ какой именно представленъ Пушкинъ на Опекушинскомъ памятникѣ въ Москвѣ. «Въ задумчивой фигурѣ впечатлительнаго поэта, уже искушеннаго опытомъ жизни, но удержавшаго всю прелесть мечтательности, замѣняющей для него всѣ улетѣвшія прошлыя приманки, — пишетъ объ этомъ послѣднемъ проектѣ одинъ изъ критиковъ, — трудно не признать Пушкина въ мечтахъ, когда писалъ онъ:

Я говорю, промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ—
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей-нибудь ужь близокъ часъ» [1]).

На слѣдующемъ затѣмъ проектѣ г. Опекушина (№ 12) поэтъ представленъ былъ въ разстегнутомъ сюртукѣ съ плащемъ, перекинутымъ черезъ правую руку; на проектѣ же № 9 — тоже съ узломъ складокъ распущеннаго плаща и рукою, заложенною за сюртукъ; наконецъ на проектѣ № 11 — поэтъ стоялъ съ книгою подъ мышкою въ застегнутомъ сюртукѣ, на орнаментированномъ пьедесталѣ, съ фигурами изъ «Руслана и Людмилы», «Бориса Годунова», «Онѣгина» и «Донъ-Жуана».

П. П. Забѣлло представилъ на конкурсъ фигуру Пушкина, стоящаго на скалѣ, въ плащѣ, въ высокихъ сапогахъ (фигура эта уже мною раньше описана), и, кромѣ того, другую фи-

[1]) «Третья выставка моделей памятника Пушкину»—«Всемірн. Иллюстр.» 1875 г., № 330

гуру поэта, скрестившаго по-байроновски руки на груди и задумчиво глядящаго на землю. Многіе находили, что фигура г. Забѣлло лучше Опекушинскихъ, какъ по замыслу, такъ и по прекрасной лѣпкѣ, дававшей возможность предсказать, что

Проектъ Опекушина № 11.

памятникъ работы г. Забѣлло въ окончательномъ видѣ вышелъ бы еще болѣе удачнымъ. Напротивъ, другіе восторгались энергичной техникой эскизовъ г. Опекушина и находили, что предпочтеніе слѣдуетъ отдать послѣднему.

Комитету, вмѣстѣ съ экспертами, предстояла трудная, дѣйствительно, задача, высказаться окончательно въ пользу одного изъ представленныхъ проектовъ—Опекушина или Забѣлло. Проекты Антокольскаго и Шредера были оставлены безъ вниманія, изъ проектовъ же первыхъ двухъ скульпторовъ выбрано по одному—и оставалось рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Комитетъ,—по словамъ Я. К. Грота въ составленномъ имъ историческомъ очеркѣ сооруженія памятника,—по обсужденіи обоихъ проектовъ вмѣстѣ съ приглашенными экспертами, находилъ въ обоихъ положительныя достоинства, но, въ виду необходимости рѣшить въ пользу одного изъ нихъ, отдалъ предпочтеніе модели г. Опекушина, «какъ соединявшей въ себѣ съ простотою, непринужденностью и спокойствіемъ позы—типъ, наиболѣе подходящій къ характеру наружности поэта».

Это рѣшеніе комитета состоялось въ маѣ 1875 года.

Въ то время, когда въ Петербургѣ рѣшался окончательно вопросъ о выборѣ наиболѣе подходящаго проекта памятника поэту, въ московскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что «Москва намѣрена представить на судъ публики свой проектъ, въ видѣ работы одного изъ московскихъ скульпторовъ». И дѣйствительно, на академическую выставку 1876 г. былъ присланъ московскимъ художникомъ, академикомъ С. И. Ивановымъ, новый проектъ памятника Пушкину, который московскія газеты поспѣшили уже расхвалить и признать замѣчательнымъ и единственнымъ, заслуживающимъ вниманія. Новый проектъ явился сложною, аллегорическою, безъ особыхъ объясненій рѣшительно непонятною комбинаціей. На проектѣ этомъ статуя Пушкина утверждена на пьедесталѣ, покрытомъ образами изъ его стихотвореній и драмъ. Эти образы, вылѣпленные барельефомъ и горельефомъ, вiясь вокругъ пьедестала и окружая его, какъ-бы несутъ его. Изъ образовъ, почерпнутыхъ изъ поэзіи Пушкина и какъ-бы образующихъ основаніе статуи, на переднемъ фасѣ пьедестала помѣщенъ горельефъ,

изображающій сидящаго пророка; этой фигурой художникъ хотѣлъ олицетворить извѣстное стихотвореніе Пушкина, въ которомъ онъ выразилъ идеалъ поэта такъ, какъ онъ его

Проектъ Забѣлло № 2.

понималъ. Надъ пророкомъ паритъ орелъ, долженствующій напоминать собою стихъ Пушкина о поэтѣ:

Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.

Надъ пророкомъ и орломъ возносится муза; она подаетъ Пушкину лиру и семиствольную цѣвницу, согласно слѣдующимъ стихамъ его изъ стихотворенія «Муза»:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила,

и изъ стихотворенія «Памятникъ»:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Характеръ поэзіи Пушкина художникъ выразилъ фигурою Красоты, созерцающей самое себя въ зеркало, которое держитъ передъ нею Слава. Съ противоположной стороны этихъ фигуръ —задней пьедестала—расположены образы изъ сказочнаго міра, взятые изъ стихотвореній и поэмъ Пушкина, а именно: Русланъ на конѣ, съ Черноморомъ за спиной; живая голова богатыря; котъ ученый, ходящій по цѣпи; баба-яга; русалка, качающаяся на вѣтвяхъ, и гусаръ, осѣдлавшій скамейку. Баба-яга, живая голова богатыря и котъ ученый—расположены внизу сказочнаго міра, какъ представители стихійныхъ и подпочвенныхъ силъ русской жизни, изъ которыхъ она возникла и на которыхъ она выросла. Надъ ними переходомъ къ образамъ изъ историческаго міра служитъ фигура русскаго богатыря Руслана, уже побѣдившаго стихійныя силы въ лицѣ Черномора, безъ церемоніи схваченнаго за бороду. Русланъ какъ-бы служитъ представителемъ удѣльнаго періода—основанія, на которомъ создалось русское государство. Затѣмъ слѣдуютъ фигуры поэзіи Пушкина историческія. Этихъ образовъ выбрано два: Борисъ Годуновъ и Петръ Великій. Годуновъ взятъ въ тотъ моментъ, когда онъ говоритъ свой монологъ, оканчивающійся стихомъ:

«Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!...»

Фигура Бориса помѣщена тотчасъ вслѣдъ за Русланомъ, выразителемъ, какъ сказано, удѣльнаго періода русской исторіи. Въ лицѣ Петра, слѣдующаго за Годуновымъ, изображается уже окончательное торжество внутренней силы русскаго го-

сударства—торжество побѣды надъ крамолою, растоптанною

Проектъ памятника Пушкину академика С. И. Иванова.

ногами коня въ лицѣ Мазепы, и торжество надъ внѣшними

врагами, олицетворенными въ трофеяхъ, отбитыхъ у Карла XII: его носилкахъ, шпагѣ и литаврахъ.

Затѣмъ идетъ рядъ образовъ изъ поэзіи Пушкина, отражающихъ современную намъ жизнь, развившуюся подъ сѣнію государства, созданнаго Петромъ: ямщикъ лихой, несущійся впередъ на «телегѣ жизни» прямо къ пророку, олицетворяющему внутреннюю силу и разумъ, созерцающій наше будущее, какъ поэтъ, котораго разумѣлъ Пушкинъ подъ именемъ пророка. Стихіи же этой жизни, какъ разумѣлъ ее Пушкинъ, представлены имъ въ образахъ трехъ ключей въ извѣстномъ его стихотвореніи «Три ключа», а именно:

Ключъ юности, ключъ Кастальскій и ключъ забвенія.

Ключъ красоты, ключъ юности помѣщенъ рядомъ съ образомъ Татьяны, мечтающей надъ письмомъ. Образы трехъ сближенныхъ между собою красавицъ: современной красавицы Татьяны, запутанной въ сѣтяхъ красавицы древняго міра Людмилы и стихійной красавицы русалки—соединяютъ современный міръ съ сѣдою древностью.

Пушкинъ, высясь надъ пьедесталомъ, долженъ былъ, по мнѣнію скульптора - автора проекта, воплощать въ себѣ мощную силу духа, двигающую впередъ развитіе народа; силу же противящуюся этому движенію, съ которою приходилось и Пушкину бороться, художникъ изобразилъ въ видѣ Змѣя Горыныча, подымающагося изъ среди отжившихъ и отживающихъ темныхъ силъ. Змѣй Горынычъ долженъ былъ изображать собою все противодѣйствующее свѣтлымъ намѣреніямъ и общества и правительства, ведущаго впередъ Россію.

На цоколѣ памятника художникъ поставилъ представителей народовъ Россіи, перечисленныхъ Пушкинымъ: славянина, фина, тунгуса, калмыка. Это должно было выражать мысль, что къ памятнику Пушкина не заростетъ народная тропа.

На скалѣ художникъ начерталъ надпись: «Россія Пушкину».

Хотя въ печати и появилось нѣсколько весьма сочувственныхъ отзывовъ о проектѣ Иванова, но все-же трудно было думать объ осуществленіи его, въ виду громадной его сложности. Многіе находили также, что подобный эмблематическій памятникъ, съ массою фигуръ, частью аллегорическихъ, будетъ совершенно непонятенъ, и въ результатѣ проектъ Иванова былъ окончательно оставленъ.

XXXV.

Московскій памятникъ Пушкину.—Описаніе фигуры поэта на этомъ памятникѣ.—Пьедесталъ.—Актъ передачи памятника.—Стоимость сооруженія.—Различныя мнѣнія о достоинствахъ Опекушинскаго памятника.—Отрывки изъ стихотвореній, написанныхъ по поводу открытія памятника. Слѣпки и копіи.

Рѣшеніе комитета по сооруженію памятника Пушкину, постановленное въ маѣ 1875 г., на основаніи котораго проектъ А. М. Опекушина признанъ достойнымъ исполненія, было уже окончательное, и художникъ, по требованію коммисіи, немедленно приступилъ къ лѣпкѣ статуи изъ глины, въ 6 арш. вышины, по составленной имъ модели.

Статую эту, окончательно еще усоверше ствованную по замѣчаніямъ экспертизы, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій представилъ на Высочайшее усмотрѣніе Государя Императора Александра II. Удостоенная Высочайшаго одобренія, она была отлита изъ бронзы на заводѣ Когуна (нынѣ умершаго), въ Петербургѣ.

Для постановки памятника и другихъ строительныхъ работъ избранъ былъ г. Опекушинымъ, по предоставленному ему праву, архитекторъ И. С. Богомоловъ; для каменныхъ же работъ комитетъ пригласилъ подрядчика А. А. Баринова. Наблюденіе за работами принялъ на себя постоянно живущій

въ Москвѣ, бывшій воспитанникъ 6-го курса лицея, П. И. Миллеръ.

Въ окончательномъ видѣ памятникъ Пушкину работы Опекушина представляется такъ: Пушкинъ стоитъ, въ обычномъ платьѣ 20—30 годовъ, прямо, выдвинувъ нѣсколько впередъ лѣвую ногу. Правая рука заложена за жилетъ; на плечи, сверхъ сюртука, накинутъ широкій плащъ; въ лѣвой рукѣ поэтъ держитъ за спиною шляпу; голова, съ густыми кудрями, немного наклонена; взоръ обращенъ на землю; выраженіе лица носитъ отпечатокъ грустной мечтательности. Скульпторъ, какъ видно, старался изобразить Пушкина среди житейской суеты, но въ то-же время хотѣлъ представить, что поэтъ «ушелъ въ себя» и мысленнымъ взоромъ читаетъ въ сердцахъ людей. Пріискивая въ стихахъ Пушкина строки, наиболѣе подходящія къ моменту, переданному скульпторомъ, приходится остановиться на знаменитомъ стихотвореніи:

Брожу-ль я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,—
Я предаюсь моимъ мечтамъ...

Пьедесталъ памятника сдѣланъ, по проекту архитектора И. С. Богомолова, изъ гранита темно-сѣраго и темно-краснаго цвѣтовъ. Пьедесталъ этотъ четырехъ-гранный, съ выемкою угловъ; по вогнутымъ фасамъ, въ углахъ, спускаются вертикально гирлянды; на выступѣ базы спереди положенъ перевитый лентою вѣнокъ и въ немъ перо. Спереди, на постаментѣ, только одно слово—«Пушкину». Вокругъ памятника сдѣланъ изъ краснаго гранита тротуаръ съ четырьмя ступенями къ нему и мѣстами для сидѣнья на скошенныхъ углахъ. Темно-сѣрый гранитъ употребленъ на базу и постаментъ.

По линіи тротуара, вокругъ основанія памятника, по длинѣ 21 погонной сажени, поставлено 18 тумбъ; на каждой изъ нихъ лавровый вѣнокъ, а между ними – общая вязь изъ листьевъ

лавра,—все изъ бронзы. По угламъ 4 чугунныхъ канделябра, каждый въ четыре фонаря. Канделябры высотою $7^3/_4$ арш.

Пьедесталъ возвышается отъ мостовой на 8 аршинъ. Верхняя часть его, изъ темно-сѣраго гранита, составлена изъ трехъ кусковъ. Кромѣ главнаго фаса (спереди), гдѣ красуется надпись «Пушкину», по бокамъ и сзади сдѣланы слѣдующія надписи, вырубленныя на монолитѣ рельефомъ.

Справа:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.»

Слѣва:

«Слухъ пройдетъ обо мнѣ по всей Россіи великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.»

Сзади:

Сооруженъ 1880 года.

Изваяніе, вмѣстѣ съ пьедесталомъ, въ вышину имѣетъ до 13 аршинъ. Бронзовая статуя—6 арш. вышины; въ ней 300 пудовъ металла, въ украшеніяхъ 73 пуда 27 фунтовъ. Каждая сторона плинтуса подъ статую 1 арш. 12 верш. Внизу ребро постамента 3 аршина 9 вершковъ, а площадь, занятая памятникомъ, 16 квадр. аршинъ.

Памятникъ предполагалось открыть 19 октября 1879 г., но встрѣтился рядъ неожиданныхъ обстоятельствъ, замедлившихъ это торжество. Первое изъ нихъ состояло въ томъ, что, при постановкѣ угловыхъ монолитовъ для устройства лѣстницъ кругомъ пьедестала, съ однимъ изъ нихъ случилась неудача: при опущеніи онъ упалъ и раскололся. Поврежденный монолитъ пришлось замѣнить двумя новыми, соединенными вмѣстѣ. Затѣмъ, днемъ открытія назначено было 26 мая 1880 г., но, вслѣдствіе кончины императрицы Маріи Александровны (22 мая того-же года), открытіе было отложено до 3 іюня. По недоразумѣнію, послѣдовала, однакожь, новая отстрочка для откры-

тія: случилось, что старая телеграмма московскаго генералъ-губернатора, князя Долгорукова, къ принцу Ольденбургскому,

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ.

извѣщавшая, что открытіе памятника отложено, была принята за вновь полученную; вслѣдствіе этой ошибки, предназначенный на

1-е іюня льготный поѣздъ Николаевской желѣзной дороги былъ отмѣненъ въ ту самую минуту, когда на станцію въ Петербургѣ съѣзжались депутаты, чтобы занять свои мѣста. Наконецъ, открытіе было назначено на 6-е іюня, и въ этотъ день оно состоялось при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи депутатовъ, духовенства, народа и проч. [1]).

Актъ передачи памятника въ вѣдѣніе московскаго городскаго управленія составленъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Высочайше утвержденный комитетъ по сооруженію памятника Пушкину, въ исполненіе возложеннаго на него волею Государя Императора порученія и по открытіи нынѣ памятника его въ присутствіи Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Его Сіятельства московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, городскихъ властей и собравшихся изъ многихъ мѣстностей депутацій отъ различныхъ вѣдомствъ, учрежденій и обществъ, симъ передаетъ означенный памятникъ въ вѣдѣніе московской городской думы. Составивъ, въ удостовѣреніе того, настоящій актъ и прилагая къ оному чертежъ и планъ памятника, комитетъ поручаетъ это драгоцѣнное народное достояніе просвѣщенной заботливости городскаго управленія первопрестольной столицы, бывшей колыбелью великаго поэта.» Актъ этотъ подписанъ: принцемъ Ольденбургскимъ и членами комитета по сооруженію памятника: статсъ-секретаремъ Корниловымъ и академикомъ Гротомъ.

Памятникъ обошелся въ 87,510 р. 16 к., а именно:

На премію по двумъ конкурсамъ издержано	5,500 р.
Академику Опекушину за вылѣпку гипсовой статуи уплачено	20,000 »
Архитектору Богомолову	5,500 »
Подрядчику Баринову	40,016 » 53 к.
За отливку статуи изъ бронзы на заводѣ Когуна. . . .	15,745 р.

[1]) Описаніе «Пушкинскихъ дней» въ Москвѣ (такъ названы дни торжествъ по случаю открытія памятника) помѣщено во всѣхъ почти русскихъ газетахъ и многихъ журналахъ 1880 г. Кромѣ того, эти описанія собраны въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб., 1880 г.

Собранная на памятникъ сумма, съ накопившимися на нее процентами, достигла къ 1880 году 106,575 р. 10 коп. Въ распоряженіи комитета оставалось, такимъ образомъ, еще 19,064 р. 94 к., которые рѣшено было употребить на учрежденіе при академіи наукъ преміи имени Пушкина.

Московскій памятникъ Пушкину многихъ не удовлетворилъ. Скульптора упрекали въ томъ, что онъ далъ слишкомъ обыденное выраженіе лицу поэта, что памятникъ его не «говоритъ сердцу». Крамской, въ письмѣ къ М. П. Третьякову (отъ 23 ноября 1880 г.), хотя и старается защищать Опекушина, утверждая, что въ его модели «все обстоитъ благополучно» и что фигура Пушкина на памятникѣ вовсе не жалкая (какъ ее назвалъ Третьяковъ),—прибавляетъ, однако: «это не фигура поэта, это правда, но приличный статскій человѣкъ—вотъ и все». Но многіе не раздѣляютъ такого взгляда, признавая Опекушинскаго Пушкина чуть не верхомъ совершенства. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ А. П. Пятковскій: «Сходство съ вѣрнымъ портретомъ Пушкина и маской, снятой съ лица въ день его кончины, вышло поразительное. Черты лица поэта переданы замѣчательно вѣрно, съ тою именно печатью думы, которая свойственна генію. Поза непринужденная, простая, полная внутренняго движенія. Кажется, какъ-будто поэтъ, углубившись въ себя, обдумываетъ одно изъ наиболѣе зрѣлыхъ своихъ произведеній» («Народная Школа» 1880 г., № 11 : и № 9). Въ подобномъ же тонѣ отнесся къ памятнику популярнѣйшій русскій журналъ «Нива». «Его (Опекушина) композиція лучше другихъ и отличается самой реальной техникой сюжета», пишетъ «Нива». «На лицѣ поэта тихая скорбь и та грустная задумчивость, которая такъ часто сквозитъ въ его лирическихъ произведеніяхъ» («Нива», 1880 г., № 21). Особенно, однако, любопытнымъ является мнѣніе А. Ѳ. Писемскаго. Авторъ «Взбаламученнаго моря» высказался о памятникѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Памятникъ этотъ хоть и не очень затѣйливъ и великолѣпенъ, но за то изъ-подъ рѣзца художника вышелъ весьма изященъ; особенно

хорошо то, что во всей фигурѣ поэта, стоящаго на ногахъ, чувствуется какъ-бы движеніе, онъ на пьедесталѣ своемъ не окаменѣлъ, а какъ-бы двинуться хочетъ» [1]).

По поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, написано было много стихотвореній. Беру изъ нихъ тѣ строки, которыя касаются непосредственно самой фигуры поэта, изображенной академикомъ Опекушинымъ.

Такъ, графъ В. Соллогубъ написалъ на памятникъ Пушкину слѣдующія строки:

Въ столицѣ Пушкину любезной,
Въ Москвѣ, въ виду монастыря,
Поднялся нынѣ ликъ желѣзный,
Родного намъ богатыря.
То Пушкинъ, нашъ поэтъ великій,
Задумчиво явился намъ
И утѣшеньемъ, и уликой,
Наставникъ временамъ и т. д. [2])

И. Гейнце начинаетъ свое стихотвореніе на открытіе памятника Пушкину слѣдующими строками:

Завѣса пала. Предъ толпою
Съ привычной думой на челѣ
Съ поникшей долу головою,
Въ своемъ обыденномъ плащѣ,
Какъ-бы отъ міра отрѣшенный,
Возсталъ поэтъ... [3]).

Недурно оцѣнилъ памятникъ Ѳ. Миллеръ:

Вотъ памятникъ—Россіи приношенье:
Онъ о пѣвцѣ потомству говоритъ;
Но Пушкина безсмертныя творенья
Переживутъ и бронзу, и гранитъ [4]).

А. Яхонтовъ, въ стихотвореніи своемъ «Памяти Пушкина», между прочимъ, говоритъ:

---

[1]) «Переписка А. Ѳ. Писемскаго съ переводчикомъ его сочиненій, Викторомъ Дерели» — «Новь», 1889 г., № 19.

[2]) «Московскія Вѣдомости» 1880 г., № 160.

[3]) «Русская Газета» 1880 г., № 68.

[4]) «Московскія Вѣдомости» 1880 г., № 154.

Въ великую пору народной жизни новой
Твой—въ сердцѣ каждаго запечатлѣнный—ликъ
На лонѣ матери-Москвы семивѣковой
Народной волею возникъ... [1])

И. С. Курочкинъ такъ охарактеризовалъ памятникъ:

Поэтъ, безвременно скончавшій путь земной,
Витавшій между насъ лишь тѣнью величавой,
Всталъ вновь среди живыхъ—«изваянною славой»!
Бездушной глыбою лежавшій монолитъ
Теперь о Пушкинѣ въ вѣкахъ заговоритъ,
Въ подножье обратясь фигуры благородной
Поэта, гордостью служащаго народной.
Надъ нимъ и Пушкинъ самъ скульпторомъ воскрешенъ,
Изъ бронзы прочное обличье принялъ онъ,
Чтобы чтущему его народу показаться
И больше съ родиной своей не разставаться.
Увидятъ правнуки лица его черты,
Хранящаго печать той высшей красоты,
Какою отличенъ въ минуту вдохновеній
Лишь тотъ, кто сердцемъ простъ, а помыслами геній
И скажутъ правнуки: былъ дѣдами почтенъ
Безсмертный Пушкинъ. [2])

Наконецъ, графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ такъ описываетъ памятникъ:

... Онъ стоитъ и смотритъ съ возвышенья
Съ привѣтомъ жизни, съ гордостью въ очахъ,
Какъ-будто снова полный вдохновенья,
Какъ-будто съ пѣсней новой на устахъ!
Онъ смотритъ въ даль и видитъ предъ собою
Сквозь многихъ дней таинственный туманъ,
Какъ движется пучиною живою
Грядущаго безбрежный океанъ... [3]).

Еще до открытія московскаго памятника, многіе заявляли желаніе имѣть копіи съ Опекушинской статуи поэта, въ видѣ

---

[1]) «Отечественныя Записки» 1880 г., кн. 6-я.
[2]) «Молва» 1880 г., № 154.
[3]) «Русская Мысль» 1880 г., кн. 5-я.

небольшихъ бронзовыхъ или гипсовыхъ снимковъ. Большой спросъ на эти копіи побудилъ А. М. Опекушина обратиться къ публикѣ съ оповѣщеніемъ, что за такими слѣпками со статуи слѣдуетъ обращаться исключительно къ нему, Опекушину, въ его мастерскую въ Петербургѣ [1]).

На Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ 1880 г. продавались уже эти бюсты и статуэтки—копіи съ Опекушинской статуи [2]). Кромѣ того, въ 1880 г. появились большіе гипсовые слѣпки со статуи Опекушина. Одинъ такой слѣпокъ, вышиною 4 аршина, былъ выставленъ въ Варшавѣ, въ мѣстномъ русскомъ клубѣ, во время празднованія сооруженія московскаго памятника [3]).

---

[1]) «Новое Время» 1880 г., № 1512.
[2]) «Каталогъ Пушкинской выставки», стр. 56.
[3]) «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину»,

XXXVI.

Памятникъ Пушкину въ Петербургѣ.—Неосуществленный проектъ М. О. Микѣшина.—Новый памятникъ въ саду Александровскаго лицея.

На пятомъ году, послѣ того какъ Москва уже украсилась памятникомъ поэта, открытъ ему памятникъ также и въ Петербургѣ. Разница между московскимъ и петербургскимъ памятниками—громадная. Въ то время, какъ на памятникъ поэту въ Москвѣ собиралась подписка по всей Россіи, въ Петербургѣ—иниціатива, исполненіе и открытіе памятника принадлежатъ исключительно городской думѣ. Постановленіе с.-петербургскаго городскаго общественнаго управленія, касающееся этого памятника, послѣдовало 27 апрѣля 1882 г. На сооруженіе его дума ассигновала 10,000 рублей, предоставивъ лѣпку и отливку статуи тому-же скульптору, который дѣлалъ московскій памятникъ, академику А. М. Опекушину. 28 апрѣля 1883 г. воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на постановку статуи и, спустя два года со времени постановленія думы, 7-го августа 1884 г. состоялось открытіе памятника, воздвигнутаго на улицѣ, названной въ честь поэта Пушкинскою, близъ Невскаго проспекта, въ небольшомъ сквэрѣ.

На петербургской статуѣ фигура поэта изображена во весь ростъ, съ руками, сложенными на груди, и съ обнаженною головою, поднятою вверхъ, со взглядомъ, устремленнымъ въ даль. Статуя обращена лицомъ къ Невскому проспекту. Величина ея, вмѣстѣ съ плинтусомъ, 3 арш. 4 вершка, пьедесталъ вышиною 4 арш. 2 1/3 вершка; стоимость всего памятника 10 т. рублей. Пьедесталъ сдѣланъ изъ чернаго полированнаго гранита; статуя же, по гипсовой модели Опекушина, отлита изъ бронзы на заводѣ Морана.

На лѣвой сторонѣ пьедестала вырублены стихи Пушкина:

«Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги будутъ въ гости къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.»

На правой сторонѣ пьедестала:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.»

Пониже этихъ стиховъ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.»

На лицевой сторонѣ:

Александръ Сергѣевичъ
Пушкинъ.

На противоположной сторонѣ:

Родился въ Москвѣ 27 мая 1799 г.
Скончался въ С.-Петербургѣ 29 января 1837 г.

Если московскій памятникъ поэту многихъ не могъ удовлетворить, вслѣдствіе скромной или, какъ выразился одинъ

фельетонистъ, «нищенской» внѣшности, то, конечно, тѣмъ болѣе упрековъ долженъ былъ вызвать слишкомъ ужь скромный памятникъ Пушкину въ Петербургѣ. «Петербургскій памятникъ Пушкину,—пишутъ «Новости» въ № 262, отъ 22 сентября 1888 г.,—является точно пародіей на извѣстное прорицательное стихотвореніе поэта, гдѣ онъ говоритъ, что воздвигъ себѣ памятникъ, который главою непокорной вознесся выше «Наполеонова столпа». «Объ этомъ памятникѣ лучше не упоминать, — подтверждаетъ «Одесскій Вѣстникъ» (1889 г., № 4390), — ибо онъ по своему жалкому виду составляетъ позоръ для богатаго столичнаго муниципалитета» и т. д. Вѣроятно, необычайно скромною внѣшностью петербургскаго памятника объясняется то обстоятельство, что въ продажѣ не существуетъ фотографическихъ снимковъ съ памятника и въ альбомы достопримѣчательностей Петербурга онъ не включенъ.

Значительно раньше постановленія петербургской городской думы, относительно сооруженія Пушкину памятника въ Петербургѣ, въ началѣ 1875 г., художникъ М. О. Микѣшинъ (скрывавшій сначала свое авторство подъ псевдонимомъ «Макара Бездарнаго») составилъ особый проектъ памятника поэту, который — какъ онъ полагалъ — былъ бы на своемъ мѣстѣ въ Петербургѣ. Проектъ Микѣшина, въ общихъ чертахъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Колоссальный грудной бюстъ Пушкина, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ, вылитый изъ бронзы, стоитъ на усѣченной колоссальной пирамидѣ изъ цвѣтнаго гранита, сверху которой, съ лицевой стороны, помѣщаются золотая лира и золотое перо; ниже — спускаются до самаго основанія пирамиды лавровыя вѣтви, изъ литой бронзы, образующія большой вѣнокъ, перевитый мѣстами широкими лентами, назначаемыми для надписей: «лирику, историку, драматургу» и пр.; посрединѣ вѣнка слова: «Александру Сергѣевичу Пушкину», а ниже—раскрытая книга со стихами поэта:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.»

На противоположной сторонѣ пирамиды надпись:

Россія—Пушкину, создавшему ей слово,
Для русскихъ вѣчныхъ чувствъ и русской мысли новой. [1])

На боковыхъ сторонахъ: на одной—день рожденія Пушкина, на другой—день его смерти.

Форму бюста Микѣшинъ выбралъ для памятника будтобы потому, что «простота и строгость стиля, необходимыя въ памятникѣ Пушкину, могутъ быть достигнуты скорѣе всего въ бюстѣ» [2]); кромѣ того, по мнѣнію г. Микѣшина, ни ему, художнику, и никому изъ помнящихъ поэта современниковъ, неизвѣстно, чтобы въ фигурѣ Пушкина, въ одеждѣ, въ рукахъ или ногахъ, была какая-либо особая индивидуальность, поясняющая его личный характеръ или его дѣятельность; другое дѣло, если бы задачей художника было изобразить, напр., конькобѣжца, скорохода или танцора: тогда изображеніе ногъ было бы необходимо; а поэтъ, по словамъ Пушкина же, хотя и

Бѣжитъ онъ дикій и суровый,
И звуковъ и смятеній полнъ...

но бѣжитъ—не ногами, а иносказательно. Притомъ-же, если бы задачей художника было изобразить какое-либо экстренное движеніе: молитву, отчаяніе и т. п., то тогда оконечность тѣла могла бы пригодиться; въ данномъ же случаѣ, вдохновенное выраженіе лица поэта вполнѣ можетъ быть передано просто-напросто однимъ бюстомъ.

Такое довольно странное объясненіе выбора бюста для

---

[1]) Первоначально г. Микѣшинъ предполагалъ лишь надпись «Россія—Пушкину», но какъ объясняетъ самъ художникъ въ «Новостяхъ» 1875 г., № 125—впослѣдствіи онъ рѣшилъ замѣнить эту надпись приведенными двумя стихами.

[2]) «Пчела» 1875 г., № 14.

памятника записано было со словъ г. Микѣшина въ «Всемірной Иллюстраціи» [1]).

Проектъ г. Микѣшина удостоился въ свое время довольно лестной оцѣнки. «Голосъ» находилъ, что «по простотѣ замысла

Проектъ памятника Пушкину въ Петербургѣ М. О. Микѣшина.

и ясности идеи, положенной въ основаніе проекта, рисунокъ его производитъ самое благопріятное впечатлѣніе»; на

[1]) «Посѣщеніе мастерской одного изъ художниковъ, не пославшихъ на конкурсъ своего проекта памятника А. С. Пушкину»—«Всемірн. Иллюстр.» 1875 г., № 331.

основаніи же отзывовъ спеціалистовъ, полагалъ, что проектъ представляетъ «всѣ условія для превосходнаго выполненія памятника» [1]).

Въ 1875 г. не могло еще быть и рѣчи о памятникѣ Пушкину въ Петербургѣ, и проектъ г. Микѣшина такъ и остался въ мастерской художника неосуществленнымъ. Мысли, однако, г. Микѣшина, поставить въ Петербургѣ памятникъ Пушкину въ видѣ бюста, по странной случайности, предстоитъ осуществиться. Въ то время, когда пишутся эти строки, въ Петербургѣ сооружается памятникъ Пушкину—въ саду Александровскаго лицея, въ такомъ именно видѣ, какъ предлагалъ 15 лѣтъ назадъ г. Микѣшинъ. Памятникъ этотъ будетъ состоять изъ бюста, отлитаго изъ бронзы по модели Ж. А. Полонской, супруги извѣстнаго писателя, и мраморнаго цоколя и въ общемъ составитъ копію памятника Пушкину въ Одессѣ, сооруженнаго въ началѣ 1889 г.

---

[1]) «Голосъ» 1875 г., № 134

XXXVII.

Первый памятникъ Пушкину въ провинціи.—Возникновеніе мысли о сооруженіи памятника въ Кишеневѣ.—Описаніе этого памятника.

Въ 1885 г. открытъ первый провинціальный памятникъ Пушкину. Городъ, которому принадлежитъ честь, что онъ, послѣ столицъ, *первый* увѣковѣчилъ память поэта монументомъ, былъ Кишиневъ, тотъ самый Кишиневъ, гдѣ Пушкинъ провелъ въ «ссылкѣ» четыре года, и о которомъ онъ писалъ:

«Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда-нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ загрязненныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ, и т. д.

Мысль о сооруженіи въ Кишиневѣ памятника Пушкину зародилась еще въ 1880 г., во время чествованія памяти поэта. Кишиневская городская дума постановила тогда образовать комитетъ по устройству бюста Пушкина въ липовой или, такъ называемой, Пушкинской аллеѣ городскаго сада; комитету предоставлено было открыть по городу подписку для этой цѣли, но съ тѣмъ, чтобы бюстъ устроенъ былъ непре-

мѣнно къ сентябрю 1880 г., причемъ изъ городскихъ средствъ на это дѣло было ассигновано 1000 руб. Подписка, однако, шла вяло, интересъ къ предполагавшемуся сооруженію бюста вскорѣ остылъ, и только въ 1885 г. удалось осуществить проектъ, возникшій пять лѣтъ назадъ.

Сооруженъ памятникъ въ Кишиневѣ въ городскомъ саду, на той аллеѣ, по которой поэтъ, въ пребываніе свое въ этомъ городѣ (съ 1820 по 1823 г.), любилъ прогуливаться и которая поэтому названа «Пушкинскою».

Памятникъ имѣетъ такой видъ На небольшой площадкѣ у входа въ тѣнистую аллею, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, незабвенный поэтъ имѣлъ обыкновеніе совершать любимыя вечернія прогулки, на невысокомъ, гранитномъ пьедесталѣ въ три ступени, возвышается въ сажень вышиной, круглая, изъ отшлифованнаго гранита, колонна, украшенная сверху барельефами. Колонну вѣнчаетъ бюстъ поэта, съ обнаженною головою и накинутымъ на плечо плащемъ. Отлитъ бюстъ изъ темной бронзы по проекту А. М. Опекушина. Съ передней стороны колонны, на устроенномъ выступѣ, сдѣлана надпись золотыми буквами:

Пушкину, 26 мая 1885 года.

На противоположной же сторонѣ:

Здѣсь, лирой пустыни оглашая, скитался я. 1820, 1821, 1822, 1823.

Вокругъ пьедестала установлены восемь гранитныхъ столбиковъ, соединенныхъ другъ съ другомъ тяжелыми желѣзными цѣпями.

Открытіе памятника состоялось 26 мая 1885 г., торжественно, при участіи депутацій отъ разныхъ обществъ Бессарабскаго края и массы народа Говорились, конечно, рѣчи, и мѣстный поэтъ, г. Крушеванъ, прочелъ стихотвореніе, въ которомъ между прочимъ сказано:

...Здѣсь, гдѣ онъ (Пушкинъ) въ изгнаніи томился,
Гдѣ осужденъ былъ тосковать,—
Родной народъ теперь соединился,
Чтобы *достойное достойному* воздать.

Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ (въ день открытія).

Странно, что столичная печать не выдвинула въ свое время несомнѣнно заслуживающаго вниманія факта сооруженія этого перваго памятника Пушкину въ провинціи.

XXXVIII.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.—Исторія сооруженія этого памятника.—Внѣшній видъ.—Бюстъ работы Ж. А. Полонской.—Мнѣнія о памятникѣ.

Вторымъ, по времени, памятникомъ Пушкину въ провинціи является сооруженный, въ апрѣлѣ 1889 года, въ Одессѣ памятникъ-фонтанъ.

Первая мысль объ этомъ сооруженіи зародилась въ 1880 г. въ то самое время, когда Москва праздновала открытіе памятника поэту.

На торжественномъ засѣданіи, состоявшемся въ Одессѣ, 6 іюня 1880 г., по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, тогдашній предсѣдатель одесскаго славянскаго общества, Г. А. Евреиновъ, заявилъ, что по мысли правленія означеннаго общества и съ участіемъ представителей Новороссійскаго университета и одесскаго городскаго общественнаго управленія, въ ознаменованіе памяти Пушкина и его пребыванія въ Одессѣ, рѣшено испросить надлежащее разрѣшеніе на сооруженіе въ Одессѣ памятника Пушкину, въ видѣ фонтана съ бюстомъ поэта, по частной подпискѣ. Не прошло и трехъ недѣль съ того дня, какъ одесская городская дума (25 іюня) постановила отвести мѣсто у Николаевскаго бульвара, противъ

зданія Биржи, для постановки памятника и отпустила изъ городскихъ суммъ 300 руб., какъ премію за лучшій проектъ памятника-фонтана. 6 октября 1880 г. послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе на устройство проектируемаго памятника на отведенномъ думою мѣстѣ и открытіе подписки. Образовавшаяся вслѣдъ затѣмъ коммиссія по сооруженію памятника, состоявшая изъ представителей Славянскаго общества, Новороссійскаго университета, одесскаго городскаго управленія и общества изящныхъ искусствъ, обратилась съ воззваніями къ одессистамъ и гражданамъ Новороссіи о пожертвованіяхъ. «Граждане! – говорится въ одномъ изъ такихъ воззваній,— поспѣшите своими пожертвованіями осуществить дѣло увѣковѣченія памяти Пушкина въ Одессѣ. Пришлите вашу дань въ честь искусства, засвидѣтельствуйте предъ грядущими поколѣніями свою благодарность за чудныя строки, которыми поэтъ запечатлѣлъ былое степей Бессарабіи, скалъ Тавриды и нашего города—этой столицы Юга; заплатите вашъ долгъ за восхитительныя картины нашего многошумящаго моря!...»

Одновременно съ воззваніями, Пушкинская коммиссія опубликовала конкурсъ на составленіе проекта фонтана съ бюстомъ Пушкина, стоимостью въ 5,000 руб.

Не успѣла еще коммиссія объявить конкурсъ на проектъ памятника, какъ уже въ сентябрѣ того-же года въ одесскую городскую управу представленъ былъ художникомъ Людвикомъ Жорини проектъ памятника, соединеннаго съ фонтаномъ. Согласно этому проекту, на четырехугольной пирамидѣ возвышается бюстъ поэта въ формѣ гермеса. На передней части пьедестала лѣстница о трехъ ступенькахъ, надъ которыми на площадкѣ стоитъ женская фигура съ лирою въ одной рукѣ и съ рѣзцомъ въ другой,—символъ поэзіи. Она повѣсила уже вѣнки на четырехъ углахъ карниза надъ бюстомъ, написала на развернутомъ свиткѣ имена Данте, Гёте, Мольера, Шекспира и послѣ этого вырѣзываетъ на пирамидѣ имя поэта. На другихъ трехъ сторонахъ пирамиды предполагалось написать из-

бранные стихи Пушкина. Подножіе пьедестала должно было быть украшено съ трехъ сторонъ головами сатировъ, выбрасывающихъ воду изъ раковинъ, поддерживаемыхъ морскимъ конемъ [1]).

Проектъ этотъ, однакожь, не былъ осуществленъ, и въ октябрѣ 1881 г. объявленъ конкурсъ. Къ назначенному сроку (а именно къ 31 декабря 1881 г.) были представлены 4 проекта, изъ коихъ ни одинъ не былъ признанъ достойнымъ преміи, вслѣдствіе чего конкурсъ продолженъ былъ по срокъ 1 мая 1882 года.

Къ этому дню было прислано 5 проектовъ. Коммиссія, пригласивъ для разсмотрѣнія этихъ проектовъ экспертовъ, признала достойнымъ 1-й преміи проектъ архитектора Х. К. Васильева, второй же—З. И. Журавскаго.

Въ началѣ 1883 г. коммиссія, при участіи экспертовъ, послѣ детальнаго разсмотрѣнія премированнаго проекта, указала архитектору Васильеву на измѣненія, которыя желательно въ немъ сдѣлать, и пригласила составить детальные чертежи. По доставленіи этихъ чертежей, въ мартѣ 1885 г., коммиссія, по иниціативѣ Х. К. Васильева, вступила въ переговоры съ г-жею Полонскою и профессоромъ ваянія Н. А. Лаверецкимъ, изъ коихъ первая изъявила желаніе вылѣпить въ должную величину бюстъ Пушкина, а второй—наблюдать за этой работой и затѣмъ исполнить всѣ другія художественныя металлическія части памятника. Но переговоры эти не могли тогда привести къ желанному результату, главнымъ образомъ, по неимѣнію средствъ: подписка шла вяло, а собранныя средства были почти исчерпаны. Коммиссія порѣшила тогда обратиться къ одесскому городскому управленію—не пожелаетъ ли городъ соорудить этотъ памятникъ на свой счетъ. Городская управа отклонила, однако, это предложеніе. Тогда коммиссія созвала соединеное засѣданіе Славянскаго общества, которое рѣшило—

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1880 г., № 10—заимствовавшій свои свѣдѣнія изъ «Одесскаго Вѣстника».

взять на себя все дѣло сооруженія памятника, продолжать сборы пожертвованій и произвести, если окажется возможнымъ въ день 50-лѣтней годовщины смерти поэта, т. е. 29 января 1887 г., закладку этого памятника-фонтана. Закладка эта происходила торжественно 2 февраля 1887 г., и затѣмъ возобновлена была переписка съ архитекторомъ Васильевымъ, а черезъ него съ г-жею Ж. А. Полонскою и проф. Лаверецкимъ, о скорѣйшемъ изготовленіи формы и объ отливкѣ самаго бюста Пушкина. Бюстъ вскорѣ былъ готовъ и, выставленный въ Императорской академіи художествъ въ Петербургѣ, удостоился награды.

По мнѣнію В. В. Чуйко, этотъ бюстъ — «лучшее изъ скульптурныхъ произведеній г-жи Полонской. Характеръ лица Пушкина схваченъ вѣрно, поворотъ головы пріятенъ, лѣпка и отдѣлка частностей прекрасны»[1]). Напротивъ, фельетонистъ «Одесскаго Листка» находитъ, что «бюстъ очень мало похожъ, лѣпка самая ординарная; не чувствуется ни мяса, ни мускуловъ. Это не художественное изваяніе, передающее зрителю вдохновенныя черты поэта, а простое произведеніе чугунно-литейнаго искусства, какія десятками встрѣчаются на любомъ заводѣ»[2]).

Надъ остальными украшеніями памятника потрудился скульпторъ г. Реутовъ подъ наблюденіемъ академика Чижова; отливка же какъ бюста, такъ и украшеній изъ бронзы, произведена петербургскимъ заводомъ А. Морана и, раньше отправленія въ Одессу, памятникъ выставленъ былъ на этомъ-же заводѣ.

На сооруженіе памятника, вмѣсто предполагавшихся 6,500 р., по разнымъ непредвидѣннымъ причинамъ, потребовалась сумма почти втрое больше—18,000 р. Такъ какъ, однако, такой суммы въ распоряженіи коммиссіи, не смотря на сравнительный успѣхъ подписки, не оказалось, то коммиссія, въ августѣ 1888 г., обра-

---

[1]) «Художественныя Новости» 1888 г., № 7, въ статьѣ о годичной академической выставкѣ.

[2]) «Одесскій Листокъ» 1889 г., № 102.

тилась въ одесскую городскую думу съ просьбой, не пожелаетъ ли она пожертвовать недостающія для окончанія работъ 9 тыс. руб. Въ ноябрѣ состоялся приговоръ думы въ положительномъ смыслѣ, и это обстоятельство дало возможность открыть торжественно памятникъ 15 апрѣля 1889 года [1]).

Открытію этому предшествовала курьезная исторія ареста самаго памятника, широко въ свое время расписанная газетами. Дѣло въ томъ, что Славянское общество, потребовавъ, чтобы дума «выкупила памятникъ», положило пока, до рѣшенія думы, не открывать памятника, находившагося какъ-бы подъ арестомъ въ досчатомъ балаганѣ. Пушкинъ, такимъ образомъ, оказался буквально заключеннымъ подъ арестъ за долги [2]).

Одесскій памятникъ Пушкину состоитъ изъ бюста поэта, увѣнчаннаго вѣнкомъ и поставленнаго на гранитной четырехгранной призмѣ, по угламъ которой спускаются внизъ головами дельфины. На лицевой сторонѣ—лира, перевитая лентой съ цифрами «1820 — 1824»; подъ нею на колоннѣ надпись: «А. С. Пушкину граждане Одессы».

Надъ лирою помѣщена пятиконечная хрустальная, сіяющая звѣзда, сзади которой горитъ электрическая лампочка. Свѣтъ ея направленъ по главной аллеѣ Николаевскаго бульвара. При помощи непрозрачной пластинки, свѣтъ можно пускать только въ лопасти звѣзды—и тогда получается пять яркихъ сноповъ свѣта изъ концовъ звѣзды. Изъ пастей дельфиновъ струится вода; всѣхъ струй въ фонтанѣ 22. На правой боковой сторонѣ колонны надпись: «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ», и затѣмъ идутъ слѣдующіе стихи:

«Гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжно миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ таврическія волны—

[1]) См. исторію возникновенія памятника, прочитанную отъ имени правленія одесскаго Славянскаго благотворительнаго общества при открытіи этого памятника.

[2]) «Новости» 1888 г, № 287.

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Предъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,»

На задней сторонѣ выбито:

«Сооруженъ одесскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ имени св. Кирила и Меѳодія, Императорскимъ новороссійскимъ универси-

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.

тетомъ, одесской городской управой и одесскимъ обществомъ изящныхъ искусствъ, по проекту архитектора Х. Васильева.»

Мысль соединить памятникъ Пушкину съ фонтаномъ вызвала самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Въ то время, какъ одни находили ее «прекрасною», полагая, что «такого рода памят-

никъ какъ нельзя лучше выражаетъ то, чѣмъ долженъ и можетъ быть Пушкинъ для одессиста», что «кристальная струя, изливающаяся у ногъ поэта, будетъ освѣжать душу одессиста —напоминать ему о прозрачной глубинѣ поэзіи» [1]), что «этотъ фонтанъ будетъ напоминать всѣмъ чудныя творенія пѣвца, чистѣйшія брызги его поэзіи, гармоническое журчаніе его стиховъ» [2]),—другіе задавали себѣ вопросъ: памятникъ ли это вообще или фонтанъ? Если памятникъ, то при чемъ тутъ вода и, вдобавокъ, электричество, а если фонтанъ, то зачѣмъ понадобился бюстъ поэта? Невозможно обнять необъятное. Трудно въ одно и то-же время создать произведеніе, которое служило бы нѣсколькимъ противоположнымъ цѣлямъ. Одно дѣло—теорія, но совсѣмъ другое дѣло—практика. Въ теоріи, идея памятника-фонтана чрезвычайно эффектна; Пушкинъ былъ геніальный поэтъ, вдохновеніе въ немъ било живительнымъ ключемъ,—пусть же струи фонтана вѣчно напоминаютъ его прекрасные стихи. Но такой памятникъ лишь тогда производитъ надлежащее впечатлѣніе, когда широко задуманъ и художественно выполненъ. Сократите его размѣры—и передъ вами сразу окажется ординарное произведеніе, которое съ одинаковымъ правомъ можетъ украсить собою желѣзнодорожный вокзальный сквэръ. Очевидно, сами строители были въ большомъ затрудненіи, на какомъ памятникѣ остановиться. Большой, «заправскій» памятникъ стóитъ дорого, а фонтанъ ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Вотъ и выбрали золотую середину: кому—памятникъ, кому—фонтанъ [3]).

Одесскій памятникъ является пока, по времени сооруженія, послѣднимъ памятникомъ поэту. По счету это уже четвертый памятникъ Пушкину. Такимъ образомъ, слова, предсказанныя Бѣлинскимъ: «придетъ время—и само потомство воз-

---

[1]) «Новороссійскій Телеграфъ» 1889 г., № 4390.

[2]) Заключеніе рѣчи секретаря одесск. слав. общ., С. В. Чаушанскаго, при открытіи памятника.

[3]) «Одесскій Листокъ» 1889 г., № 102.

двигнетъ вѣковѣчный памятникъ поэту»—давно уже сбылись. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что четырьмя публичными памятниками не ограничится число монументовъ поэту и что это число сильно увеличится. До сихъ поръ объ этомъ все-же что-то не слышно, да, правду сказать, и времена теперь не такія, чтобы спокойно можно было думать о памятникѣ и собирать на него пожертвованія...

XXXIX.

Портреты Пушкина на водочныхъ бутылкахъ, на коробкахъ конфектъ, на шоколадныхъ плиткахъ, на ящикахъ отъ папиросъ. – Почтовая бумага съ портретомъ Пушкина.—Книжные шкафы съ рѣзными бюстами Пушкина.—Портретъ Пушкина на виньеткахъ и въ видѣ начальныхъ буквъ.—Тѣневой портретъ-игрушка.—Пушкинскіе жетоны.—Фарфоровые берлинскіе бюстики.—Штампы для переплетовъ съ портретомъ Пушкина.

Думалъ-ли Пушкинъ когда-либо, что его изображеніе будетъ служить рекламою для... сбыта особаго рода водки? Едва-ли. Убѣжденный вполнѣ, что своими твореніями онъ создалъ себѣ «нерукотворный памятникъ», къ которому «не заростетъ народная тропа», поэтъ навѣрное не мечталъ о такой своеобразной популярности. Между тѣмъ, оказывается, что священнымъ, для всякаго образованнаго русскаго человѣка, именемъ Пушкина окрещена однимъ изъ петербургскихъ водочныхъ заводовъ изготовляемая имъ водка, и существуютъ особаго рода стекляныя бутылки, наружный видъ которыхъ представляетъ собою... ни болѣе, ни менѣе, какъ довольно вѣрное изображеніе головы Пушкина съ его типичными «африканскими чертами», выдающимися скулами и курчавыми волосами. До такой странной популярности не дошелъ, насколько мнѣ извѣстно, ни Шекспиръ, ни Гете, ни Мольеръ, ни Миц-

кевичъ, и «пушкинская» бутылка является, по-истинѣ, совершенно оригинальнымъ изобрѣтеніемъ.

«Пушкинская» бутылка.

Итакъ, тѣ любители водки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются любителями... поэзіи, имѣютъ теперь возможность

въ одно и то-же время пить живительную влагу и созерцать голову поэта.

Умѣстно ли подобное профанированіе дорогихъ чертъ любимаго поэта—объ этомъ безполезно разсуждать. Это профанированіе понадобилось для рекламы, а реклама, какъ вѣрно замѣтилъ Вейле, «не знаетъ границъ, ни уваженія, не почитаетъ ни близкихъ, ни родственниковъ и пользуется для своихъ цѣлей всѣмъ и всякимъ безъ разбора».

Во всякомъ случаѣ, странное «изобрѣтеніе» оказалось удачнымъ, такъ какъ примѣру петербургскаго водочнаго заводчика, вздумавшаго продавать водку въ бутылкахъ съ изображеніемъ Пушкина, послѣдовали и многіе другіе заводчики въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, и стекляные заводы, заготовляющіе подобныя бутылки, въ послѣднее время сбывали ихъ въ большомъ количествѣ. На первоначально появившихся въ продажѣ водочныхъ бутылкахъ голова Пушкина представлена была удачно; на тѣхъ, однако, которыя теперь встрѣчаются въ продажѣ, изображеніе Пушкина ниже всякой критики и если-бы не подпись, въ стеклѣ-же, «Пушкинъ», другой могъ бы подумать, что это голова обезьяны. Правда, еще въ лицеѣ говорили, по свидѣтельству С. Д. Комовскаго [1]), что у Пушкина лицо похожее на лицо обезьяны, но едва-ли руководствовались этимъ мнѣніемъ водочные заводчики, выпуская бутылки съ плохимъ до-нельзя изображеніемъ Пушкина [2]).

Вообще, по отношенію къ Пушкину реклама за послѣднее время, особенно съ 1880 г., не церемонится, и изображеніе поэта встрѣчается все чаще и чаще на всѣхъ возможныхъ и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, невозможныхъ предметахъ.

Къ наиболѣе невиннымъ рекламамъ этого рода принадле-

[1]) См. записку С. Д. Комовскаго въ книгѣ Я. Грота—«Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники».

[2]) См. замѣтку мою о водочныхъ бутылкахъ съ изображеніемъ Пушкина въ «Новостяхъ», 1888 г., № 156, подъ рубрикою «О чемъ говорятъ».

жатъ портреты Пушкина на коробкахъ конфектъ. Къ сожа-

Коробка «Пушкинскихъ» конфектъ, съ изображеніемъ бюста Пушкина.

лѣнію, немногимъ пришло въ голову сохранять на память эти,

доказательства популярности Пушкина, изъ которыхъ многія сдѣлались до нѣкоторой степени рѣдкостью. Одинъ изъ такихъ «конфеточныхъ портретовъ» Пушкина изданъ въ 1880 г. московскимъ кондитеромъ Сіу и украшалъ ящики конфектъ, которыя, благодаря именно изображенію поэта, расходились, по случаю открытія памятника Пушкину, въ значительномъ количествѣ. «Портретъ» Пушкина у Сіу исполненъ хромолитографіей въ заведеніи Маркуса въ Петербургѣ. На немъ Пушкинъ нарисованъ въ видѣ мраморнаго бюста; молодая дѣвушка въ русскомъ платьѣ украшаетъ цоколь цвѣтами, на ступенькѣ же сидитъ мальчикъ въ красной рубашкѣ и высокихъ сапогахъ и читаетъ книжку. Вверху надпись: «С. Сіу и К°», внизу же большими красными буквами на голубомъ фонѣ: «Пушкинъ».

Кромѣ конфетокъ Сіу въ коробкахъ съ изображеніемъ Пушкина, существуютъ также въ продажѣ шоколадныя плитки, фабрики Ландрина, завернутыя въ бумажки, на которыхъ сдѣланъ фототипическій портретъ Пушкина. Плитки эти существуютъ двухъ видовъ: маленькія, на которыхъ сдѣланъ одинъ только портретъ и отмѣчена фирма Ландрина,—и побольше продолговатыя, съ украшеніемъ изъ цвѣтовъ и надписью: «Шоколадъ русскихъ поэтовъ—Пушкинъ».

Подобный же портретъ Пушкина, только исполненный не фототипіей, а литографіей, находится на пачкахъ «Пушкинскихъ» папиросъ, выпущенныхъ въ 1880 году. Въ собраніи Императорскаго Александровскаго лицея хранятся два ящика папиросъ съ изображеніями Пушкина. Они также фигурировали на Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ въ 1880 году. Выпущены были папиросы въ коробкахъ съ изображеніемъ Пушкина табачною фабрикою Эгизъ въ Петербургѣ, но теперь этихъ «Пушкинскихъ» папиросъ давно уже нѣтъ въ продажѣ. Какъ трудно бываетъ добывать подобнаго рода портреты Пушкина—въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться на дѣлѣ. Желая имѣть въ своемъ собраніи коробку «Пушкинскихъ» папиросъ или, вѣрнѣе, коробку оть папиросъ съ изображеніемъ

Пушкина, я отправился въ поиски за нею во всѣ табачные магазины въ Петербургѣ. Къ крайнему моему огорченію, ни въ одномъ изъ табачныхъ магазиновъ я не нашелъ больше «Пушкинскихъ» папиросъ. Наконецъ, совершенно случайно, въ окнѣ маленькой табачной лавки на Пескахъ, я, къ радости своей, увидалъ двѣ запыленныя и выгорѣвшія отъ солнца коробки съ изображеніемъ Пушкина. Вхожу въ лавочку и прошу дать мнѣ одну изъ нихъ, но мнѣ отказываютъ подъ пред-

Плитка «Пушкинскаго» шоколада съ портретомъ Пушкина.

логомъ, что очень трудно вынуть изъ окна коробку, и приглашаютъ зайти на слѣдующій день. Прихожу, — коробокъ больше нѣтъ, и хозяинъ лавки смѣясь заявляетъ, что у него ихъ никогда и не было. Только послѣ продолжительнаго разговора я узналъ, что хозяинъ, принявъ меня за акцизнаго чиновника, поспѣшилъ, послѣ вчерашняго визита, сжечь обѣ коробки, опасаясь отвѣтственности за продажу папиросъ безъ надлежащей бандероли. Такъ и исчезли въ огнѣ двѣ, можетъ быть, послѣднія коробки «Пушкинскихъ» папиросъ. Мнѣ удалось достать впослѣдствіи, и то лишь съ трудомъ, одинъ только литографированный ярлыкъ отъ коробокъ этихъ папиросъ.

Конфектами Сіу и коробками для папиросъ не ограничилась, однакожь, популяризація изображенія Пушкина. Въ продажѣ появились также и другіе предметы, украшенные портретомъ поэта. Такъ, напр., почтовая бумага съ тиснутымъ на ней рельефно изображеніемъ поэта, въ рамкѣ, съ лирой на верху. Далѣе—резинки для вытиранія карандаша, стоимостью въ 5 коп., съ выпуклымъ на нихъ изображеніемъ Пушкина, обрамленнымъ рамкою; подъ портретомъ надпись печатными, рельефными же буквами «Пушкинъ». Сходства, конечно, въ изображеніи очень мало, да и оно получается лишь тогда, если согнуть или растянуть резинку. Не будь подписи «Пушкинъ», никто-бы, пожалуй, и не догадался—чье изображеніе сдѣлано на резинкѣ. Но все-же школьники, вытирающіе страницы своихъ тетрадокъ такими резинками, имѣютъ передъ глазами черты, хотя немного напоминающія незабвеннаго поэта [1]).

Популяризація чертъ Пушкина пошла еще далѣе: появились книжные шкафы съ рѣзнымъ на нихъ изображеніемъ Пушкина, затѣмъ тросточки съ ручками, въ видѣ рѣзной, изъ дерева, головы Пушкина. Какъ видно, однако, тѣ и другія изготовлялись по спеціальнымъ заказамъ, потому что въ продажѣ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, ихъ нѣтъ: какъ шкафъ, такъ и тросточку съ изображеніемъ Пушкина я видѣлъ случайно въ Апраксиномъ рынкѣ, у торговца старинными вещами Морозова.

Встрѣчается также изображеніе Пушкина на разныхъ свидѣтельствахъ, аттестатахъ и пр., съ именемъ Пушкина тѣсной связи не имѣющихъ. Такъ, напр., мнѣ попалъ въ руки роскошно, посредствомъ хромолитографіи, исполненный (въ литографіи Далина въ С.-Петербургѣ) бланкъ для аттестатовъ воспитанницамъ, кончившимъ курсъ Тамбовскаго института благородныхъ дѣвицъ; на этихъ бланкахъ внизу помѣщенъ портретъ Пушкина въ видѣ рисунка съ мраморнаго бюста.

---

[1]) См. замѣтку мою въ «Новостяхъ» 1888 г., № 188, подъ рубрикою «О чемъ говорятъ».

Болѣе часто встрѣчается портретъ Пушкина на заглавныхъ листахъ разныхъ музыкальныхъ произведеній, написанныхъ на слова Пушкинскихъ стихотвореній; затѣмъ, въ видѣ виньетокъ, на обложкахъ нѣкоторыхъ изданій сочиненій Пушкина и книгъ о Пушкинѣ (между прочимъ, на изданіи г. Окрейца, составившемъ премію къ его журналу «Лучъ», на книгѣ В. П. Авенаріуса «Юношескіе и отроческіе годы Пушкина» и др.).

Коробка «Пушкинскихъ» папиросъ съ изображеніемъ Пушкина.

Нерѣдко встрѣчается изображеніе Пушкина также въ видѣ печатныхъ буквъ-виньетокъ, въ стихотворныхъ сборникахъ и другихъ сочиненіяхъ. Въ такихъ виньеткахъ изображеніе Пушкина соединено въ одно съ начальною буквою. Къ особенно удачнымъ этого рода буквамъ принадлежитъ рисунокъ И. С. Панова въ сборникѣ «Родные отголоски». Пушкинъ представленъ на этой буквѣ-виньеткѣ съ кружкою въ рукахъ, напротивъ же поэта сидитъ, съ веретеномъ въ рукахъ, его ста-

рушка-няня. Виньетка эта служитъ иллюстраціей къ слѣдующимъ строкамъ Пушкинскаго «Зимняго вечера»:

Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя—гдѣ-же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по-утру шла.

Другая, очень напоминающая рисунокъ Панова, виньетка, изображающая Пушкина, читающаго вслухъ свои произведенія старой нянькѣ, помѣщена на обложкѣ изданія сочиненій Пушкина для школъ, подъ редакціей Козьмина (Москва, 1884).

Въ видѣ виньетки и оригинальнаго украшенія къ начальной буквѣ рисовалъ Пушкина также польскій художникъ Ѳадей Дмоховскій. Сдѣланъ былъ этотъ рисунокъ на деревѣ для изданія «Живописная Россія», гдѣ и помѣщенъ въ т. I, въ началѣ очерка В. Н. Майнова—«Какъ и чѣмъ живетъ русскій человѣкъ въ Озерной области». Пушкинъ представленъ тутъ на одномъ рисункѣ съ другимъ великимъ уроженцемъ Озерной области—Державинымъ.

До какой степени сдѣлалось популярнымъ лицо Пушкина, доказываетъ, между прочимъ, фактъ, что многіе художники, исполняя какой-нибудь рисунокъ, виньетку и т. п., гдѣ долженъ фигурировать портретъ Пушкина, рисуютъ этотъ портретъ съ памяти. Мнѣ лично случилось присутствовать, когда извѣстный художникъ Н. Н. Каразинъ рисовалъ подобнымъ образомъ, съ памяти, лицо Пушкина въ виньеткѣ для

книги М. В. Авдѣева — «Женщины русскихъ писателей». Виньетка эта, въ гравюрѣ на деревѣ, помѣщена въ названной книгѣ при характеристикѣ «Татьяны». Виньетка изображаетъ мольбертъ среди цвѣтовъ; наверху же, немного въ туманѣ, стоитъ бюстъ поэта, съ перекинутымъ черезъ плечо плащемъ. Тотъ-же Каразинъ разъ на обѣдѣ у покойнаго М. О. Вольфа прекрасно нарисовалъ, опять-таки съ памяти, изображеніе Пушкина просто спичкою, обмокнувъ ее въ чернильницу.

Въ 1885 году А. А. Поповымъ изданъ совершенно новаго рода портретъ Пушкина въ видѣ игрушки, а именно—тѣне-

Виньетка на почтовой бумагѣ съ портретомъ Пушкина.

вой, для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ. Этотъ портретъ-игрушка помѣщенъ въ числѣ другихъ въ изданныхъ Поповымъ «Тѣневыхъ портретахъ русскихъ писателей». Довольно справедливо, при появленіи этой оригинальной игрушки, замѣчено было въ печати, что она имѣетъ нѣкоторое педагогическое значеніе, упрочивая въ памяти дѣтей черты лица извѣстныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи выразительныя и своеобразныя черты лица Пушкина больше другихъ въ состояніи дѣйствительно «упрочиться» въ памяти играющихъ тѣневыми картинками дѣтей.

Въ 1887 г., въ Одессѣ появились серебряные, позолоченные жетоны, въ память Пушкина. Лицевая сторона ихъ изображаетъ медальонный портретъ, окруженный темно-синей

эмалевой рамкой съ надписью на ней золотыми буквами: «Безсмертному Пушкину, 1836—1886»; на оборотной же сторонѣ жетона, на такомъ же фонѣ, выгравированъ извѣстный стихъ поэта:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа.

Жетоны выполнены довольно изящно и красиво; портретъ Пушкина, избраженный на нихъ, сдѣланъ по Райту и тоже сравнительно не дуренъ.

Недавно появились въ продажѣ маленькіе бюстики Пушкина изъ бѣлаго фарфора, матовые. Какъ это ни странно, но бюстики эти, также какъ подобные бюстики другихъ русскихъ писателей и композиторовъ,—иностраннаго происхожденія: они заготовлены однимъ берлинскимъ фарфоровымъ заводомъ, который, не смотря на пошлину, пересылочные расходы и пр., рѣшился конкурировать съ существующими въ продажѣ дешевыми русскими гипсовыми бюстами поэта. На мѣстѣ, въ Берлинѣ, цѣна этимъ бюстамъ всего 1 герм. марка, т. е. 50 к., между тѣмъ какъ въ Петербургѣ они продаются по 2 руб. за штуку [1]). Надо, однако, замѣтить, что подобные фарфоровые бюстики существовали въ продажѣ уже раньше, и одинъ изъ такихъ бюстиковъ, собственность В. А. Шакѣева, фигурировалъ на Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ 1880 г.

Большаго распространенія достигъ портретъ Пушкина, рѣзанный на мѣди, въ видѣ штамповъ на переплетахъ. Громадное количество экземпляровъ, въ которыхъ расходятся сочиненія Пушкина, побудило многихъ переплетчиковъ въ Россіи заказать спеціальныя, рѣзанныя на мѣди изображенія Пушкина для тисненія золотомъ на переплетѣ. Подобные же штампы заготовлены и для нѣкоторыхъ издателей сочиненій Пушкина.

---

[1]) См. замѣтку мою объ этихъ бюстахъ въ «Новостяхъ» 1889 г., № 244, подъ рубрикою «О чемъ говорятъ».

Большинство такихъ штамповъ заготовляется въ Лейпцигѣ. Какъ великъ спросъ на штампы съ изображеніемъ Пушкина—доказываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что лейпцигскіе граверы на мѣди заготовляютъ ихъ не только нарочно по заказамъ, но и для своего собственнаго склада, чтобы, въ виду частыхъ спросовъ, имѣть возможность немедленно удовлетворить покупателей. Въ такихъ изображеніяхъ Пушкина

Виньетка съ буквою, изображающая Пушкина и его няню, рисунокъ И. С. Панова.

не требуется и не спрашивается большаго сходства: лишь-бы общія черты передавались достаточно ясно, да выполненіе самаго штампа и тисненіе было тщательно—и переплетъ признается вполнѣ хорошимъ.

Довольно курьезное примѣненіе этихъ тиснутыхъ золотомъ со штампа переплетовъ съ изображеніемъ Пушкина придумалъ извѣстный петербургскій шоколадный фабрикантъ Жоржъ Борманъ. Онъ заказалъ бомбоньерки для шоколада и кон-

фектъ, имѣющія видъ переплетенной книги, въ красномъ коленкорѣ, причемъ на этомъ переплетѣ тиснуты портретъ Пушкина и надпись: «Сочиненія Пушкина, томъ первый».

Сами переплетчики тоже не задумываются «примѣнять въ дѣло» штампъ съ изображеніемъ Пушкина. Мнѣ, напр., попала въ руки извѣстная поваренная книга г-жи Молоховецъ, на переплетѣ которой тиснутъ золотомъ, какъ говорится, «ни къ селу, ни къ городу», портретъ Пушкина, назначеніе котораго, вѣроятно, напоминать молодымъ хозяйкамъ о существованіи поэзіи, въ то время, когда онѣ занимаются прозаическимъ приготовленіемъ обѣдовъ.

Съ портретной точки зрѣнія всѣ эти новѣйшія, частью очень курьезныя, изображенія Пушкина не представляютъ, конечно, особаго значенія, но въ глазахъ собирателя портретовъ Пушкина и всякаго вообще, кто интересуется портретами поэта, они заслуживаютъ вниманія. Кромѣ того, они интересны еще какъ доказательство громаднаго распространенія портретовъ Пушкина вообще, и могутъ служить отчасти мѣриломъ популярности, пріобрѣтенной Пушкинымъ въ Россіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

XL.

Примѣчанія, дополненія, поправки.

Къ стр. 24. Гравюра Сѣрякова съ портрета кисти Тропинина помѣщена въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1887 г., № 5. Въ объясненіи къ гравюрѣ сказано, что Пушкинъ изображенъ на портретѣ Тропинина «по современнымъ понятіямъ, въ нѣсколько прикрашенномъ видѣ».

Къ стр. 34. На литографированномъ портретѣ Пушкина, изданномъ Мюнстеромъ и рисованномъ на камнѣ Борелемъ, сказано, что онъ срисованъ съ портрета Дау. Это, очевидно, ошибка: рисунокъ Бореля сдѣланъ по гравюрѣ Райта.

Къ стр. 95. Уменьшенная копія гравюры Уткина 1839 г. приложена также къ книгѣ В. П. Авенаріуса «Отроческіе годы А. С. Пушкина». Спб. 1886 г.

Къ стр. 99. Кромѣ перечисленныхъ портретовъ, появились еще въ концѣ 1838 г. литографированный портретъ, рисованный Калининымъ, и два портрета, рисованные неизвѣстными художниками. Всѣ они неудачны и составляютъ копіи съ гравюры Уткина.

Къ стр. 108. Къ числу заслуживающихъ вниманія портретовъ Пушкина, появившихся послѣ 1880 г., необходимо причислить

также небольшой рисунокъ В. А. Туманова, воспроизведенный фототипіей у Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ. Рисунокъ изданъ отдѣльно и продается по 50 коп. за экземпляръ.

Къ стр. 130. Художникъ М. П. Клодтъ написалъ въ 1887 г., какъ сообщалъ въ свое время издаваемый И. Н. Божеряновымъ «Художественный Хроникеръ» (1887, № 2), двѣ картины изъ жизни Гоголя, на одной изъ которыхъ представленъ Пушкинъ, слушающій Гоголя, который читаетъ ему «Мертвыя души».

Къ стр. 131. М. П. Погодинъ, въ статьѣ своей «О предметахъ для картинъ изъ жизни русскихъ писателей», указываетъ на три сюжета изъ жизни Пушкина, которые, по его мнѣнію, особенно годились бы къ воспроизведенію масляными красками, а именно: 1) Пушкинъ, слушающій сказки у своей няни Арины Родіоновны; 2) Пушкинъ, читающій свое стихотвореніе на лицейскомъ актѣ 1815 г., передъ Державинымъ, и 3) пріемъ Пушкина въ «Арзамасское Общество».

Къ стр. 131. Картинки «Даль у кровати раненаго Пушкина» не существуетъ. Это недоразумѣніе, вызванное одною московскою газетою, сообщавшей, что у Третьякова имѣется портретъ Даля, «который *ухаживалъ* за раненымъ Пушкинымъ». Это извѣстіе подхватили другія газеты и сообщили, что у Третьякова имѣется картина, «изображающая Даля, *ухаживающаго* за раненымъ Пушкинымъ». Между тѣмъ рѣчь шла объ извѣстномъ портретѣ Даля, кисти Перова.

Къ стр. 139. Въ статьѣ моей «Исторія портретовъ Пушкина», помѣщенной въ «Нови», упоминается о *четырехъ* картинахъ И. К. Айвазовскаго на тему «Пушкинъ на берегу моря». Это ошибка. Айвазовскій четвертой картины не писалъ.

Къ стр. 158. Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти Пушкина художественно-бронзово-литейною мастерскою К. Ф. Верфеля выпущены въ продажу бронзовые бюсты Пушкина, отлитые по слѣпку скульптора Баха.

Къ стр. 187. Нѣкоторые проекты памятника Пушкину, за полученіемъ которыхъ авторы-художники въ свое время

не явились, хранятся теперь въ Пушкинскомъ залѣ Александровскаго лицея.

Къ стр. 248. Въ бытность мою въ 1883 г. во Львовѣ, когда я собиралъ матеріалы для польской книги моей «Polacy w Syberyi» (изданной въ Краковѣ въ томъ-же году), мнѣ показывали бюстъ Пушкина, сдѣланный изъ хлѣба, въ Нерчинскѣ, однимъ изъ ссыльныхъ поляковъ. Такихъ бюстовъ, а также рѣзанныхъ изъ дерева, въ Сибири будто-бы разошлось много Упомянутый бюстъ Пушкина изъ хлѣба предполагалось помѣстить въ музеѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, гдѣ хранится много польскихъ сибирскихъ воспоминаній, описанныхъ мною подробно въ статьѣ «Сибирскія паміонтки» («Новь» 1886 г., № 21); но, насколько мнѣ извѣстно, этотъ оригинальный бюстъ до сихъ поръ въ собраніяхъ музея не значится.

КОНЕЦЪ.

Иллюстрации,
помѣщенныя въ настоящей книгѣ, воспроизведены въ фото-хемиграфическомъ заведеніи Товарищества М. О. Вольфъ.

Шрифтъ
словолитни Флинча въ Лейпцигѣ.

Бумага
Ржевской писчебумажной фабрики.

Печать
типографіи М. М. Стасюлевича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

ГЛАВА I. Внѣшность Пушкина.—Черты его лица въ дѣйствительности и на портретахъ.—«Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ», рисунокъ Чирикова или Брюллова.—Гравюра Гейтмана и копіи съ нея. — Пушкинъ-мальчикъ по описанію И. И. Пущина.—Стихотворный портретъ Пушкина и неточности въ этомъ портретѣ. — Курчавая голова Пушкина-мальчика и анекдотъ о ней, разсказанный Макаровымъ 1

» II. Пушкинъ передъ выходомъ изъ лицея.—Лажечниковъ о внѣшности Пушкина.—Портретъ Жюля Верне.—Крамской объ этомъ портретѣ.—Портретъ Пушкина, имъ самимъ рисованный въ Крыму въ 1826 г. . . 12

» III. Портретъ работы Тропинина.—Замѣтка о немъ Н. И. Полевого. — Разсказъ Берга о портретѣ Тропинина. —Подлогъ портрета Тропинина и исторія этого подлога, разсказанная М. Погодинымъ.—Неточности этого разсказа.—Брошюра М. А. Оболенскаго объ этомъ портретѣ.—Кольцо Пушкина на портретѣ Тропинина.—Копіи, фотографіи и гравюры съ портрета Тропинина. 18

» IV. Портретъ кисти Кипренскаго.—Разсказъ объ этомъ портретѣ Булгарина —Достоинства портрета.—Мнѣніе Кукольника.—Копіи съ портрета.—Гравюра Уткина.—Рисунокъ Уткина въ собраніи Ровинскаго.—Мнѣнія

Стр.

объ Уткинскомъ портретѣ отца поэта, Кукольника, Ефремова и др.—Лондонская гравюра съ портрета Кипренскаго. 25

ГЛАВА V. Портретъ Дау. – Стихи Пушкина на этотъ портретъ. 34

» VI. «Пушкинъ и Онѣгинъ на берегу Невы», въ гравюрѣ Гейтмана. — Ровинскій объ этой гравюрѣ.—Письма Пушкина, касающіяся этого портрета.—Набросокъ Пушкина къ этой гравюрѣ —Эпиграммы Пушкина на эту гравюру. 35

» VII. Акварельный портретъ Соколова.—Копіи съ него.—Наружность Пушкина по описанію Бантышъ-Каменскаго.—Отецъ поэта о портретѣ Соколова.—Разсказъ фотографа Левицкаго объ этомъ портретѣ 39

» VIII. Пушкинъ на картинѣ Чернецова «Парадъ на Царицыномъ лугу».—Исторія этой картины.—Эскизъ, изображающій Крылова, Пушкина, Жуковскаго и Гнѣдича.—Копіи съ этого эскиза. 43

» IX. Пушкинъ на рисункахъ Брюллова и Сапожникова, украшающихъ обложки Смирдинскаго «Новоселья».—Сенковскій о виньеткѣ Сапожникова 48

» X Портретъ кисти Брюллова.—Венкштернъ объ этомъ портретѣ.—Къ какому времени относится этотъ портретъ. 52

» XI. Пушкинъ на картинѣ «Субботнее собраніе у Жуковскаго» неизвѣстнаго художника.—Исторія этой картины.—Копіи съ нея 55

» XII. Портретъ кисти Мазера.—Особенности этого портрета —«Арапскія черты лица». 58

» XIII. Портретъ, писанный, по предположенію, Линевымъ.—Любопытная исторія этого портрета.—Разсказъ Я. Г. Сѣверскаго о томъ, какъ попалъ портретъ въ Александровскій лицей.—Достоинства этого портрета . 61

» XIV. Гравированный на мѣди портретъ Райта.—Его отпечатки.—Подлинная доска.—Тургеневъ о наружности Пушкина.—Портретъ Фельтена съ гравюры Райта.—Рисунокъ Панова 64

» XV. Нѣсколько малоизвѣстныхъ портретовъ Пушкина, рисованныхъ при его жизни.—Пушкинъ верхомъ на стулѣ.—Пушкинъ на виньеткѣ изданія «Шесть лѣтъ».—Пушкинъ съ Нащокинымъ за кофе.—Портреты Вишневскаго и Дурново.—О не найденныхъ портретахъ Пушкина 71

Стр

ГЛАВА XVI. Карикатурные портреты Пушкина, рисованные самимъ поэтомъ.—Голова въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой.—«Не искушай меня».—Пушкинъ на пути въ Арзрумъ —Рисунокъ головы Пушкина въ одной изъ черновыхъ тетрадей. 73

» XVII. Пушкинъ въ гробу.—Рисунокъ О. Л. Бруни.—Литографированное подражаніе этому портрету.—Копія Бореля.—Рисунки К. П. Мокрицкаго и А. А. Козлова.—Копія К. О. Брожа съ рисунка Мокрицкаго, съ «прибавленіями».—Любичъ-Романовичъ и портретъ мертваго Пушкина, работы Каренса.—Описаніе Жуковскаго и его стихи о Пушкинѣ на смертномъ одрѣ. 77

» XVIII. Маска Пушкина и выводы, сдѣланные на основаніи этой маски.—Рисунки съ этой маски Малиновскаго и Элеоноры Жуковской.—Гипсовые снимки съ маски, работы Палацци 85

» XIX. Портреты Пушкина, появившіеся сейчасъ послѣ смерти поэта.—Отношеніе цензуры.—Политипажъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1837 г. 89

» XX. Новая, вторая гравюра Уткина.—Разсказъ о возникновеніи этой гравюры.—Отпечатки съ нея по указаніямъ Ровинскаго.—Оцѣнка.—Повтореніе гравюры и ея достоинства 93

» XXI. Портреты, гравированные Леметромъ, Эйсенгардтомъ, Афанасьевымъ. — Измѣненія, которымъ подвергался типъ поэта, переходя отъ одного изображенія въ другое.—Литографированные портреты Львова, Линдрота, Снѣгирева, Клиндера, Гиппіуса, Шертля и др.—Рисунокъ Шарлеманя и описаніе наружности Пушкина въ книгѣ «Русскіе люди».—Литографія Мюнстера.—Гравюра Неймана.—Офортъ Дмитріева-Кавказскаго. 96

» XXII. Литографированные портреты Пашкова, Иванова и др.—Гравированные и литографированные портреты Пушкина въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. — Американскій политипажъ Франка Лесли. — Портреты Пушкина для народа.—Портреты поэта въ изданіяхъ г. Павленкова 107

» XXIII. Историческія картины изъ жизни Пушкина.—«Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» проф. Н. Н. Ге.—Отзывъ объ этой картинѣ А. С. Суворина.—Копіи съ этой картины 114

Стр.

ГЛАВА XXIV. Дуэль Пушкина въ картинахъ.—Картина А. Волкова.—Разсказъ Данзаса.—Картина А. А. Наумова.—Мнѣніе Г. К. Градовскаго и другихъ критиковъ объ этой картинѣ.—Картина К. Н. Чичагова.—Акварель Соколова.—Рисунокъ В. А. Федорова.—Рисунокъ П. Ф. Бореля: «Прибытіе раненаго Пушкина послѣ дуэли». 121

» XXV. Картины Айвазовскаго: «Пушкинъ на берегу моря».—«Пушкинъ на Урзуфѣ», «Пушкинъ на берегу Чернаго моря», «Пушкинъ въ Крыму съ семействомъ Раевскихъ».—Отзывы критики объ этихъ картинахъ. 132

» XXVI. Картина Айвазовскаго и Рѣпина «Пушкинъ на берегу Чернаго моря».—Изображеніе поэта на этой картинѣ.—Мнѣніе о немъ критики.—В. В. Чуйко о мотивѣ картины 142

» XXVII. Рисунокъ И. Н. Крамского «Пушкинъ подъ дубомъ».—Оправданіе Крамского.—Достоинства рисунка . . . 150

» XXVIII. Пушкинъ въ скульптурѣ.—Бюстъ С. И. Гальберга.—Мнѣнія о немъ Кукольника и Крамского.—Подписка на этотъ бюстъ и слѣпки съ него.—Разсказъ В. И. Любичъ-Романовича.—Статуэтки Пушкина, работы А. И. Теребенева. — Бюсты работы И. И Витали, П. А. Степанова и Л. А. Бернштамма. — Гипсовые бюсты Пушкина.—Медальоны.—Барельефы. 153

» XXIX. Пушкинская медаль 160

» XXX. Памятникъ Пушкину.—Справка о мнимомъ первомъ памятникѣ поэту въ видѣ камня въ саду Царскосельскаго лицея.—Возникновеніе идеи о сооруженіи памятника Пушкину.—Открытіе подписки на сооруженіе памятника въ Царскомъ Селѣ.—Первый проектъ памятника художниковъ Лаверецкаго и Бахмана.—Отзывы о немъ печати семидесятыхъ годовъ. — Модель памятника г. Шредера.—Проектъ Н. С. Пименова . 163

» XXXI. Комитетъ по сооруженію памятника Пушкину.—Выборъ мѣста подъ памятникъ.—Воззваніе комитета.—Подписка.—Конкурсъ на памятникъ Пушкину 1872 года.—Разные проекты, представленные на конкурсъ.—Статуя Забѣлло 176

» XXXII. Новый конкурсъ, открытый въ 1874 г.—Неудовлетворительность представленныхъ проектовъ.—Единогласное въ этомъ отношеніи мнѣніе критики.—Н. Стра-

Стр.

ховъ объ одномъ изъ выставленныхъ проектовъ.—Проекты на бумагѣ.—А. Н. Майковъ о томъ, что долженъ выражать памятникъ Пушкину 185

ГЛАВА XXXIII. Проектъ Антокольскаго.—Мнѣніе о немъ В. В. Стасова.—Споръ по поводу оцѣнки проекта г. Стасовымъ.—Мнѣнія И. С. Тургенева, А. С. Суворина и И. Миллера.—И. Н. Крамской о проектѣ Антокольскаго. 192

» XXXIV. Новый конкурсъ между А. М. Опекушинымъ и П. П. Забѣлло.—Проектъ Шредера и мнѣніе о немъ критики.—Шесть фигуръ Опекушина.—Окончательное присужденіе преміи 204

» XXXV. Московскій памятникъ Пушкину.—Описаніе фигуры поэта на этомъ памятникѣ.—Пьедесталъ.—Актъ передачи памятника.—Стоимость сооруженія.—Различныя мнѣнія о достоинствахъ Опекушинскаго памятника.—Отрывки изъ стихотвореній, написанныхъ по поводу открытія памятника.—Слѣпки и копіи. 216

» XXXVI. Памятникъ Пушкину въ Петербургѣ.—Неосуществленный проектъ М. О. Микѣшина.—Новый памятникъ въ саду Александровскаго лицея 225

» XXXVII. Первый памятникъ въ провинціи.—Возникновеніе мысли о сооруженіи памятника въ Кишиневѣ.—Описаніе этого памятника 231

» XXXVIII. Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.—Исторія сооруженія этого памятника.—Внѣшній видъ.—Бюстъ работы Ж. А. Полонской.—Мнѣнія о памятникѣ 234

» XXXIX. Портреты Пушкина на водочныхъ бутылкахъ, на коробкахъ конфектъ, на шоколадныхъ плиткахъ, на ящикахъ отъ папиросъ.—Почтовая бумага съ портретомъ Пушкина.—Книжные шкафы съ рѣзными бюстами Пушкина.—Портретъ Пушкина на виньеткахъ и въ видѣ начальныхъ буквъ —Тѣневой портретъ-игрушка.—Пушкинскіе жетоны —Фарфоровые берлинскіе бюстики.—Штампы для переплетовъ съ изображеніемъ Пушкина 242

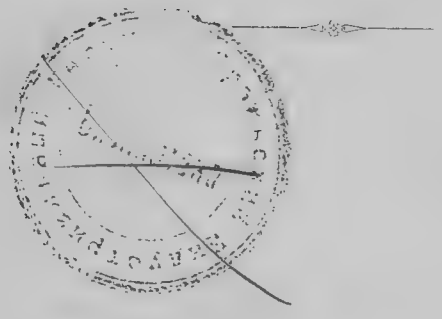
» XL. Примѣчанія, дополненія, поправки 255

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

Стр.

Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, гравюра Гейтмана 5
Пушкинъ передъ выходомъ изъ лицея—портретъ, принадлежавшій Энгельгардту. 13
Пушкинъ на 21-мъ году жизни, портретъ Жюля Верне 14
Портретъ Пушкина, имъ самимъ рисованный въ Крыму въ 1826 г. . . 15
Пушкинъ въ 1827 году, портретъ кисти Тропинина 21
Портретъ Пушкина, кисти Кипренскаго 27
Портретъ Пушкина, гравированный Уткинымъ по оригиналу Кипренскаго, для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1828 г. 29
Портретъ Пушкина, гравиров. въ Лондонѣ, для изданія «Сто русскихъ литераторовъ» 32
Пушкинъ и Онѣгинъ на берегу Невы, гравюра Гейтмана, по рисунку Нотбека. 36
Набросокъ Пушкина къ рисунку къ «Евгенію Онѣгину», приложенному къ «Невскому Альманаху» 37
Акварельный портретъ Пушкина, работы Соколова. 41
Эскизъ Чернецова для картины «Парадъ», изображающій Крылова, Пушкина, Жуковскаго и Гнѣдича 44
Литографія съ эскиза Чернецова, рисованная на камнѣ самимъ художникомъ 45
Портретъ Пушкина съ картины Чернецова, по литографіи Тимма . . 46
Новоселье у Смирдина, рисунокъ К. П. Брюллова, гравированный Галактіоновымъ 49
Лавка Смирдина, рисунокъ Сапожникова, гравированный Галактіоновымъ 50

Стр.

Портретъ Пушкина, писанный Брюлловымъ 53
Субботнее собраніе у Жуковскаго, картина неизвѣстнаго художника . 57
Портретъ Пушкина, кисти Мазера 59
Портретъ Пушкина, рисованный и гравированный Райтомъ въ 1837 г. 65
Портретъ Пушкина (grisaille), работы Фельтена. 67
Портретъ Пушкина, рисованный И. С. Пановымъ и гравированный Панемакеромъ 68
Карикатурный портретъ Пушкина, имъ самимъ нарисованный въ 1829 г. 74
Карикатура Пушкина на самого себя въ альбомъ Е. Н. Ушаковой . . 75
Пушкинъ на пути въ Арзрумъ, карикатурный рисунокъ самого Пушкина 76
Пушкинъ въ гробу, съ литографіи 1837 г. 79
Пушкинъ въ гробу, рисунокъ Бореля по оригиналу, ошибочно приписываемому Брюллову 81
Пушкинъ въ гробу, рисунокъ А. А. Козлова 83
Маска Пушкина, снятая на другой день послѣ его смерти 86
Портретъ Пушкина, рисованный Элеонорою Жуковскою съ посмертной маски поэта 87
Политипажъ «Живописнаго Обозрѣнія» 1837 года 91
Портретъ Пушкина, гравированный Уткинымъ въ 1838 году 95
Портретъ Пушкина, гравированный Леметромъ 97
Портретъ Пушкина, рисованный А. Шарлеманемъ 101
Гравюра Неймана 102
Портретъ Пушкина, съ офорта акад. Дмитріева-Кавказскаго 103
Портретъ Пушкина, рисованный А. К. въ 1876 году. 105
Портретъ Пушкина, изданный І. І. Пашковымъ. 109
Американскій политипажъ Франка Лесли 111
Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ, съ картины проф. Н. Н. Ге . . . 115
Дуэль Пушкина, съ картины академика А. Волкова 123
Дуэль Пушкина, съ картины А. А. Наумова. 125
Дуэль Пушкина, съ картины К. Н. Чичагова. 127
Прибытіе раненаго Пушкина послѣ дуэли, съ рисунка П. Ф. Бореля . 129
Пушкинъ на берегу южнаго Крыма, рисунокъ худ. Малиновскаго, съ картины проф. И. К. Айвазовскаго. 133
Пушкинъ на Урзуфѣ, съ карт. проф. И. К. Айвазовскаго 135
Пушкинъ на берегу моря, съ картины И. К. Айвазовскаго. 137
Пушкинъ на берегу Чернаго моря, съ картины Айвазовскаго и Рѣпина 145
Пушкинъ на рисункѣ Крамского. 151
Медаль въ память Пушкина, академика Чукмасова. 161
Первая модель памятника Пушкину. 167
Проектъ памятника Пушкину проф. Н. С. Пименова. 173
Статуя Пушкина работы П. П. Забѣлло. 183

Стр.
Проектъ М. М. Антокольскаго 195
Проектъ г. Шредера 205
Статуя Пушкина работы А. М. Опекушина 207
Проектъ А. М. Опекушина № 11 209
Проектъ П. П. Забѣлло № 2 211
Проектъ памятника Пушкину академика С. И. Иванова 213
Памятникъ Пушкину въ Москвѣ 219
Проектъ памятника Пушкину въ Петербургѣ М. О. Микѣшина . . . 229
Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ 233
Памятникъ Пушкину въ Одессѣ 239
«Пушкинская» бутылка 243
Коробка «Пушкинскихъ» конфектъ, съ изображеніемъ бюста Пушкина 245
Плитка «Пушкинскаго» шоколада, съ портретомъ Пушкина 247
Коробка «Пушкинскихъ» папиросъ, съ изображеніемъ Пушкина . . . 249
Виньетка на почтовой бумагѣ съ портретомъ Пушкина 251
Виньетка съ буквою, изображающая Пушкина и его няню, рисунокъ И. С. Панова 253